

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

Под общей редакцией
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

3

НАРЫМСКАЯ ХРОНИКА

1930-1945

Трагедия спецпереселенцев

Документы и воспоминания

Составление и комментарии В.Н.Макшеева

МОСКВА
РУССКИЙ ПУТЬ
1997

ББК 63.3(2)6
Н 28

ISBN 5—85887—022—8

*Тексты документов подготовлены
В.Н. Макшеевым*

Серия: Исследования новейшей русской истории 3

© ГА ТО, 1997
© ЦДНИ ТО, 1997
© Макшеев В.Н., 1997
© "Русский путь" оформление, 1997
© Русский Общественный Фонд Александра Солженицына, 1997

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Васюган, печальная сибирская река, медленно и долго несет свою торфянистую воду из необозримых болот в привольную Обь. Эта стиснутая берегами темная река, на которой я прожил двадцать лет — с рокового 1941 по 1960 год, — словно символ того времени, всего того, что тогда было и там осталось, всего того, что невозможно забыть. Случалось в той жизни и светлое; но это пришло потом, а поначалу было невыразимо тяжело — смерть самых дорогих мне людей, одиночество, голод, гнет ссылки.

Став писателем (первый мой рассказ опубликовали, когда мне было уже за сорок), я писал о военных годах в васюганской деревне, рассказывал о горестях солдатских матерей и сирот, об их печали по убитым на войне близким. Но была в этих рассказах и моя затаенная боль, о которой тогда нельзя было говорить. Скорбь о погибшем в концлагере на Урале отце, об умерших в ссылке сестренке и маме. Боль, причиненная своей страной и оттого еще более мучительная.

Настало иное время, рухнули казавшиеся незыблемыми столпы, и предстала правда со всеми ее ранами и безобразными увечьями, которые так долго скрывали. Стала легальной ранее запрещенная литература о концлагерях и ссылках, опубликованы воспоминания тех, кто прошел через то страшное время и остался жив.

Однако любые воспоминания — это видение прошлого лишь одним человеком. Взгляд неминуемо пристрастный. На многое связанное с массовыми репрессиями 30–40-х годов могли бы пролить свет документы НКВД и НКГБ прошлых лет. Но значи-

тельная часть их еще за семью печатями. И все же мне удалось просмотреть десятки карточек из недоступной ранее картотеки. Длинные ящики с данными о тысячах спецпереселенцев, когда-то отправленных на Васюган... Кто, когда, откуда, за что, где поселен. Дата смерти либо снятия с учета. Разлуки, унижения, обездоленность. Видел карточку, в которую вписаны я и скончавшаяся в ссылке от голода моя мама. Карточку, когда-то заведенную на мою умершую в один день с мамой шестилетнюю сестренку. «Дочь контрреволюционного элемента»... Но ссыльных в действительности было больше, чем этих разграфленных, уже пожелтевших от времени кусочков картона, — то ли плохо велся в комендатурах учет, то ли начали наводить в нем порядок, когда многие ссыльные перешли в иной, неподвластный комендатуре мир.

Спецпереселенцы, сосланные в ссылку в начале 30-х, «новый контингент» из Прибалтики, Бессарабии, Буковины. Жены погибших в концлагерях мужей, дети сгинувших за колючей проволокой отцов. «Социально опасные», «социально вредные»...

В архиве Томского областного УВД мне разрешили посмотреть и мое «дело», в котором я прочел меморандум об аресте моего отца. Чем-то напоминающий свидетельство о рождении типографский бланк, в графы которого чернилами вписаны фамилия, имя, отчество, год рождения, образование, место жительства, место работы... Бывший офицер царской и белой армий, воевал, был награжден... Подпись оперативного сотрудника, подпись председателя уездной «тройки». Дата — 26 мая 1941 года. Но что-то не успели тогда подготовить, и судьба даровала отцу еще восемнадцать дней пробыть с семьей. Последние восемнадцать из немногих счастливых дней его жизни. Восемнадцать из ста семидесяти оставшихся ему жить...

Не ведая, что уже заготовлен документ о его аресте, он уходил по утрам на завод, и набожная мама, прощаясь, как всегда, торопливо крестила его, а будильник на комод мерно отсчитывал убежавшее время...

Помню, как-то, придя с работы, отец сказал маме, что кто-то неизвестный справлялся по телефону в заводском управлении, на месте ли он. Арестовали уже многих русских эмигрантов, и в тот день, наверное, была решена судьба отца. Я полагал, что на арест выписывали ордера, а оказалось — меморандумы... Вместе с меморандумом в папке подшито постановление

НКВД — жену и детей выслать «в отдаленную местность». Дата — 6 июня 1941 года. До исполнения оставалось восемь дней. Уже готовился конвой, уже стучали по рельсам железнодорожные составы из гулаговских вагонов. Пока еще порожняк... Шли последние приготовления к массовым репрессиям. Видимо, поэтому 26 мая и не арестовали отца. Решено было брать сразу тысячи. Эстонцев, латышей, литовцев, гуцулов, евреев, молдаван, русских эмигрантов. 14 июня 1941 года ранним утром нас разбудили тяжелые удары в дверь. Пришли за отцом, мамой, мной и сестренкой. Быть вместе оставалось лишь несколько часов...

Об отце в «деле» больше документов нет. Дальше в серенькой папке заявления, которые я, ссыльный, единственный оставшийся в живых из семьи, писал в разные инстанции, — просьбы об освобождении. К каждому заявлению приложен запрос в комендатуру и стандартный отказ. Справки о смерти мамы и сестренки. Подписи, печати... Пятьдесят три пронумерованных листа, которые должны храниться вечно.

Вечная память.

Много лет спустя в Государственном архиве Томской области (ГА ТО) и Центре документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО) я просматривал документы Васюганского района 30-х—начала 40-х годов — свидетельства горьких, несчастных лет. Вчитывался в выцветшие протоколы заседаний райкома ВКП(б), в изобилующие орфографическими ошибками докладные записки и информации на серой бумаге военного времени, на тетрадных листках и вырванных из пропагандистских брошюр страницах. Разные почерки, ровные и кривые строчки, чернила и карандаш, машинописные буквы, сухой канцелярский стиль...

Прежде всего я искал то, что касалось ссыльных — спецпереселенцев 30-х годов и так называемого «нового контингента», к которому принадлежал когда-то и я. Таких документов обнаружил немного, но косноязычные протоколы, докладные записки и информации уполномоченных и партторгов воссоздают обстановку всеобщего угнетения, еще более глубокого в районе, три четверти которого составляли ссыльные. Гнета, утяжеленного войной и оправдываемого ею. Выдержки из документов — срез тогдашней жизни, хроника, за которой стоят судьбы людей,

тех, кто угнетал, и тех, кого угнетали. Те, за кем была власть, сами находились в зависимости, которая зачастую определяла их поведение. Чтобы выжить самим, им, заложникам системы, нужно было еще сильнее давить на тех, кто оказался внизу, выжимать из репрессированных все возможное и сверх того. Благородной целью — «Всё для фронта, всё для победы» — оправдывали средства.

Васюганский район... Его редкие поселки лепились по берегам Васюгана, единственной дороги, связывавшей район с Большой землей, отождествлявшей ссыльными с волей и отчим домом. Протяженность этой реки от ее истоков в непроходимых болотах до устья, где торфянистая, коричневая, как чай, васюганская вода, еще какое-то время не смешиваясь с зеленоватой обской, тянется темной полосой на север, — более полутора тысяч километров. По обе стороны на сотни километров тайга и топи. Центр Западной Сибири, с 30-х годов печально знаменитое Васюганье, место, куда, как говорят, врон костей не заносил. Впрочем, людских костей там теперь немало.

В 1930 году численность населения на этой территории не превышала двух с половиной тысяч человек. Но после «великого перелома», вместе с массовым раскулачиванием положившего начало раскрестьяниванию деревни, сюда на переполненных баржах привезли и высадили на безлюдные, поросшие тайгой берега более сорока тысяч лишенных всего, что они имели, крестьян из Прииртышья, с Алтая, Енисея... И огласилась земля стоном и плачем... Девятнадцати тысячам крестьян определили место в низовьях Васюгана, оставшихся повезли по реке дальше, на еще более удаленную и необжитую территорию, где была создана Средне-Васюганская комендатура. Покуда рубили из сырого леса бараки, а люди ютились в землянках и берестяных шалашах, начался повальный мор. Копать одиночные могилы не было сил, рыли впрок братские. Оставшиеся в живых спецпереселенцы начали возделывать скудные отвоеванные у тайги поля, а на затопляемых половодьем речных поймах стоковать сено. Кустарным способом вырабатывали пихтовое масло, смолу и деготь, заготавливали дранку и клепку. В 1932–1933 годах ссылка на Васюган продолжалась, ссыльных везли все дальше и дальше в верховье.

В 1938 году был создан Васюганский район и районным центром стал Новый Васюган. Достигших 16-летнего возраста детей спецпереселенцев снимали с комендатурского учета, но, кроме не являвшихся видом на жительство справок, они ничего не получили. Родители их по-прежнему именовались кулаками, и сами они — кулацкими детьми. За десять лет смогли бежать около двух тысяч ссыльных. Они убегали зимой в верховье Васюгана и оттуда через застывшее Большое болото на Большую землю. Многие в пути погибли.

Число умерших в первые годы ссылки от голода и болезней из-за отсутствия открытой статистики определить можно лишь косвенно, но есть все основания полагать, что в начале 30-х годов погибло более половины ссыльных. Умер почти и каждый второй сосланный сюда в 1941 году житель Прибалтики, Буковины, Молдавии.

Но Васюганский район — только один из тринадцати районов тогдашнего Нарымского округа — наиболее необжитой и труднодоступной территории Западно-Сибирского края, куда ссылались репрессированные. И хотя условия жизни и массовая гибель «классово чуждых» на Васюгане были такими же, как по всему Нарыму, все же происходившее в Васюганском районе еще не дает полного представления о масштабах Нарымской трагедии. Память о ней хранят обезлюдившие берега многочисленных притоков Оби и обнажившиеся кости в неглубоких братских могилах на заросших погостах...

Готова к печати печальную хронику этого северного края, я начал ее с 30-х годов, когда была поставлена задача одним ударом «ликвидировать кулачество как класс» и буксиры натужно потянули по Оби и ее угрюмым притокам набитые людьми баржи. Чем больше вникал я в документы тех лет, тем явственней и страшней становилась жуткая картина происшедшего.

«Бог создал рай, а черт — Нарымский край». Тот, кто дал подобное определение происхождению этих мест, остался безымянным. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона говорится, что Нарымский край «представляет огромную равнину, покрытую дремучими лесами, озерами и обширными болотами... самое значительное Васюгано-Абинское... до 400 в. в длину и от 50 до 100 в. в ширину; весеннее время... оно пре-

вращается в обширный пресноводный бассейн, известный у туземцев под именем Васюганского моря»*.

Природа здесь такова и поныне, с той лишь разницей, что из-за хищнического истребления во второй половине XX столетия леса тут значительно поредели, а земля и реки кое-где подверглись варварской эксплуатации нефтяниками. Но в начале 30-х годов, когда сюда начали завозить десятки тысяч репрессированных крестьян, то был еще почти не хоженный край. Непроходимые болота, тучи гнуса летом, лютый мороз зимой... «Кто в Нарыме не бывал, тот и горя не видал» — еще одна распространенная среди спецпереселенцев поговорка, которой все сказано.

«Нарымская ссылка, в Росс. империи место политич. ссылки на терр. Нарымского края (С. Томского уезда). Возникла в 18 в., отбывали декабристы, участники польск. восстаний 1830–31 и 1863–64, народники, с.-д. (Я.М. Свердлов, В.В. Куйбышев и др.)»** — вот и все, что говорится о Нарымской ссылке в Советском Энциклопедическом Словаре. Ни в одной из монографий о Нарымском крае и Нарымской ссылке, ни в одной изданный за годы советской власти книге о Нарыме нет даже упоминания о том, что в 30–40-х годах XX столетия сюда были высланы на так называемое спецпоселение около четырехсот тысяч человек. При этом количество сосланных в эти места до 1917 года социал-демократов, о которых свидетельствует Энциклопедический словарь и о пребывании которых в Нарымской ссылке написаны монографии, изданы книги и защищены диссертации, — тех ссылных большевиков, для увековечения памяти которых в Нарыме основан музей, не превышало двухсот человек. Да и по всей России после революции 1905 года было немногим более восьми тысяч политических ссылных, принадлежавших к различным партиям. Ссылали их на три года и на более короткий срок, семьи их при этом никаким гонениям не подвергались, жили «политические» в селах, получали от казны пособие, работать их никто не принуждал...

А ведь то были люди, открыто стремившиеся к свержению существовавшего строя, призывавшие к революции и насилию.

* Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXА. СПб., 1897, с. 604–605.

** Советский Энциклопедический Словарь. М., 1985, с. 861.

Любая ссылка — это ограничение свободы, и отбывавшие Нарымскую ссылку большевики также испытывали лишения. Но насколько несопоставимо то, что пережили они здесь сами, с тем, что было уготовано тысячам и тысячам неповинных людей при советской власти!

Почти равный по территории Белоруссии и Литве вместе взятым, административно Нарымский округ был создан в 1932 году. Две трети лесных массивов тогдашнего Западно-Сибирского края — это нарымские урманы, в которых перед войной ежегодно заготавливали более миллиона кубометров древесины. Валили лес ручными пилами, вывозили к плотбищам на лошадях, сплавляли по рекам, общая протяженность которых в округе превышала шестнадцать тысяч километров. Но только четвертая часть этих рек была судоходной. В 30-х годах ценой многих тысяч жизней спецпереселенцами было раскорчевано более ста тысяч гектаров тайги под поля, которые, впрочем, богатого урожая не давали, — нарымская земля скудна. Да и большую часть намолоченного в артелях зерна отбирали в госпоставки.

В 1929 году, накануне массовой ссылки в Нарым крестьянских семей, население округа составляло 75,6 тысячи человек. К началу 40-х за счет неоднократного пополнения ссыльных оно перевалило за двести тысяч.

В информационном центре УВД Томской области, занимающемся реабилитацией жертв политических репрессий, находится свыше ста тысяч дел на семьи спецпереселенцев, сосланных в 30–40-х годах на территорию нынешней Томской области (до 1944 года входившей в состав Новосибирской области). Учитывая, что ссылались преимущественно крестьяне, которые, как правило, были многодетными, а также то, что в составе семьи нередко были и престарелые родители глав семей, в информационном центре УВД считают, что всего на спецпоселение на территорию Томской области было завезено до полумиллиона человек.

Поскольку подавляющее большинство их было доставлено в организованный тогда Нарымский округ, то для «освоения Нарыма» на берега больших и малых таежных рек завезли примерно четыреста тысяч человек. Сколько зарыли в нарымскую землю умерших в первые годы ссылки взрослых и детей на разросшихся возле каждого спецпоселка кладбищах — и по сей день официально не сообщается. Но, судя по косвенным данным и

воспоминаниям оставшихся в живых, от голода, лишений и болезней погиб каждый второй, т.е. около двухсот тысяч человек.

* * *

Прочитав множество протоколов и донесений тех лет, я решил написать повесть о спецпереселенцах; и вдруг пришло в голову, что не надо ничего домысливать, искать какие-то собственные формулировки, достаточно опубликовать выдержки из этих документов, чтобы воссоздать трагическую картину того времени. Но когда стал делать выписки, подумалось, что те, кому доведется их прочесть, все же не ощутят всей горечи того, что было. Протокольный язык, разрозненные факты, невидимые миру слезы... Чтобы происходившее тогда стало понятней тем, для кого все это давно прошедшее, я решил включить в хронику отрывки из воспоминаний, присланных мне в разное время такими же, как я, бывшими ссылными. Включил также, для сопоставления, выдержки из документов и писем из сборника «Нарымская ссылка».

Некоторые цитируемые документы я снабдил короткими комментариями.

В. Макшеев

ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ,
КОММЕНТАРИИ

Приводимые в сборнике документы цитируются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, кроме случаев, которые оговариваются особо

Из письма секретаря Томского окружкома
ВКП(б) Нусинова и председателя Томского
окрисполкома Решикова секретарю
Запсибрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе
и председателю Запсибрайисполкома
Клименко*

7 марта 1930 г.

...В Нарымский край из разных округов Сибири вселяется 20 000 кулацких хозяйств, что в переводе на людей составит свыше 100 000 человек... Вся уголовная ссылка, которой прошло за 1929 год 3000 человек и за январь и февраль месяцы этого года 800 человек, а также все кулацкие хозяйства, прибывающие по железной дороге, этапируются в Нарым гужевым путем, со всеми вытекающими отсюда последствиями, как-то: предоставление подвод, конвой и т.д. Наибольшие осложнения и затруднения составляет продвижение прибывающих кулаков... Продовольствие и фураж приходится для концентрации перевозить на расстояние 400–500 верст. К тому же, как показал опыт прибывших первых четырех эшелонов, это положение осложняется безобразным состоянием у прибывших средств передвижения. У прибывших эшелонов не оказалось лошадей, саней, сбруи — так, в первом эшелоне из 200 лошадей две пали дорогой, 4 непригодны к передвижению на 300 километров, так как на месте отправки хороших лошадей заменили клячами, причем, по заявлению прибывших, обмен происходил несколько раз. Эшелоны прибывают без саней, в частности, в первом эшелоне оказалось только 85 саней. Многие без оглобель, крестовин и т.д.

При таком состоянии средств передвижения не только не приходится говорить о перевозке домашних вещей и двухмесячного запаса продовольствия, но даже нельзя перевезти детей и стариков, которых в эшелоне свыше 50 процентов. По-

* Из-за отсутствия сведений фамилии некоторых упоминаемых лиц даются без инициалов.

этому нам пришлось оставить в Томске все кулацкое имущество: домашние вещи, продовольствие и прочее.

Государственный архив Новосибирской области (в дальнейшем — ГА НО), ф. 47, оп. 5, д. 104, лл. 153–154

Бесконечной вереницей растягивались по зимнику обозы со ссыльными крестьянскими семьями. На санях бабы с укутанными в тряпье ребятами, узлы и сундуки со скарбом. Все мало-мальски добро отобрано, растащено деревенскими активистами. Скрип полозьев, понукание возчиков, угрюмые конвойные... Тоскливое ожидание — что впереди? Зимник узкий, в одну колею, бесчисленные раскаты, глубокий снег по обочинам. Лопнет завертка оглобли чьих-нибудь саней, порвется ли гуж в хомуте — остановится одна лошадь, останавливается и весь обоз. Ругаются обозники, мороз пробирает худую одежку, и, кажется, нет конца этому пути. В селах, где останавливаются на ночлег, конвойные сгоняют этапиремых в превращенные в клубы пустые церкви, не разрешают общаться с местными жителями, и все же те несут им каральки, вареный картофель, молоко детишкам. Бог знает, что будет с самими, не отрекайся от тюрьмы да от сумы...

Распустило зимник, пришла весна 1931 года, и тысячи ссыльных стали отправлять на места поселения водным путем. По воде скопом дешевле, так меньше хлопот. И поплыли по Оби и обским притокам тяжело груженные баржи. Расстилая по водной глади дым, тянули их когда-то доставлявшие на север муку, сахар, мануфактуру купеческие пароходики, а теперь в сырых трюмах барж везли измученных людей. Колесные купеческие пароходики с названиями, никак не соответствующими их новому предназначению, — «Дедушка», «Товарищ», «Смелый»... Безостановочно шли караваны, лишь изредка притыкаясь к безлюдному берегу, чтобы снести по трапу и схоронить умерших в пути. И опять дальше на север, в верховья еще не обмелевших рек, в тайгу, в чашобник, на комарье... Чтобы эти люди не мешали строить «светлое будущее», где от «каждого по способностям, каждому по потребностям».

Из постановления Совета Народных Комиссаров СССР

28 декабря 1931 г.

О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае

Ставя перед западносибирскими организациями задачу в ближайшие два года полностью освободиться от завоза в Нарымский край хлеба, фуража и овощей для снабжения спецпереселенцев и перейти на снабжение продуктами собственного производства, СНК СССР постановил:

Считать, что на ближайшие годы по сельхозпроизводству будут специализированы следующие комендатуры Нарымского края: Галкинская, Парбигская, Тоинская и Шегарская с населением в 55,7 тысячи человек, из коих 25 тысяч полноценной рабочей силы будет занято на сельхозработах. По лесу и кустарным промыслам будут специализированы Н. Васьганская*, Ср. Васьганская*, Парабельская, Кетская, Кето-Чулымская и Александро-Ваховская комендатуры с населением в 160,2 тыс. людей, из коих 60 тысяч полноценной рабочей силы будет занято на работах.

...Отвести спецпереселенцам, расселенным в Нарымском севере, земельных фондов 855 000 га, из коих землеустроить в 1932 г. 427,5 тыс. га. Раскорчевать 75 690 га, построить 970 колодцев и проложить не менее 285 км проселочных дорог. Освоить под полевые и огородные культуры не менее 34 700 га. Для осуществления всей программы по сельхозустройству утвердить денежные ассигнования 12 764 тыс. рублей.

Предложить НКФину, НКЗему и ОГПУ выделить указанную выше сумму из отпущенных постановлением Совнаркома Союза от 16 августа сорока миллионов рублей на сельхозустройство спецпереселенцев.

...В числе мероприятий по медобслуживанию и борьбе с детской смертностью обязать Наркомздрав РСФСР в месячный срок укомплектовать Нарымский край средним медперсоналом, направив 30 чел. из Западной Сибири и 40 чел. из других областей РСФСР.

* Так в тексте.

...Обязать ОГПУ ускорить начатое строительство детучреждений и яслей, открыть 5–6 новых больниц не позднее 1 января 1932 г.

...Ввиду большой смертности детей, зависевшей от неудовлетворительного питания, Крайздраву учредить несколько передвижных питательных пунктов на 6 месяцев с единовременным охватом 3000 наиболее слабых детей до восьмилетнего возраста.

Зам. председателя СНК СССР
Зам. упр. делами СНК СССР

*В. Куйбышев
И. Мирошников*

Центр документации новейшей истории Томской области
(в дальнейшем — ЦДНИ ТО), ф. 206, оп. 1, д. 1, л. 8

3

Из воспоминаний Ирины Федосеевны Коростелкиной, сосланной в Нарымский округ из Алтайского края в 1930 г.

Зимой маму и нас, троих детей, выгнали из дома, назвав «кулаками». Папу за месяц до этого посадили в тюрьму за то, что он сказал уполномоченному «неотесанный», когда снимали с церкви кресты и, сбросив их вместе с иконами в затопленную водой яму, затоптали в грязь. К весне папа освободился, но всех нас определили в ссылку. Дом у нас на глазах сломали и увезли в поле на кулстан. Хотя бы вселили кого-нибудь на месте, дом наш был хороший... Когда ломали, карнизы и резные наличники покололи в щепы...

30 мая подлежащий высылке народ со всего района погрузили в открытую баржу, набили, как селедку в бочку, и месяц везли. Часто шел дождь, сверху лило и негде было укрыться. Время от времени приставали к берегу, часть людей выгружали и опять плыли дальше на север. Везли по Оби, заходили по Чае, потом пароход потянул баржу по Васюгану. Высадили нас в болотистое место, хотя неподалеку был яр, где стояли три дома, в которых жили остяки. Кругом тайга, как сейчас помню, мама сказала: «Глядите, ребяташки, — в небо дыра». А мы не поняли и спрашивали ее: «Где дыра?» В первый же месяц умер-

ли сотни детей и стариков. Помню все — было мне тогда девять лет.

Фонд Музея социально-политической истории г. Томска
(филиал Томского краеведческого музея)

4

Из протокола совещания по вопросам хозяйственного устройства спецпереселенцев в Каргасокском районе

22–24 марта 1932 г.

...Признать, что в эпидемическом отношении Каргасокский район и по настоящее время является неблагополучным по сыпному тифу, оспе и особенно с наступлением весны по брюшному тифу... Крайняя загрязненность населенных пунктов и источников водоснабжения, чрезмерная скученность... В части цинготных заболеваний является неблагополучной особенно Средне-Васюганская комендатура, где цингой поражено около 30 процентов всего населения.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 1, л. 29

Власть в Нарымском округе принадлежала окружному комитету ВКП(б). Ему предоставляли информации о положении дел секретари районных комитетов партии, сюда поступали докладные от уполномоченных, которых окружком командировал «в низы» для проведения тех или иных кампаний, отсюда, из окружного комитета, исходили директивы: что, когда и каким образом исполнять. Комитет карал и миловал, смещал руководителей районов округа, ему были подотчетны местные судебные и карательные органы. Все это делало в условиях Нарыма власть окружного комитета ВКП(б) практически не ограниченной. Окружком доводил задания и разрядки по лесозаготовкам, хлебопоставкам, вылову рыбы и сбору налогов, он контролировал школы, детские дома, медицину, торговлю и связь, он следил за настроением «масс» и личной жизнью тех, кто этими «массами» повелевал.

Сталинский стиль руководства, державший в постоянном напряжении больших и малых руководителей, в свою очередь давивших на тех, кто подвластен им, был свойствен всем партийным органам. Сохранившиеся в партийном архиве многостраничные протоколы заседаний бюро Нарымского окружкома ВКП(б) пестрят глаголами в повелительном наклонении: «обязать», «принять немедленные меры», «строго предупредить», «снять с работы», «привлечь к ответственности»... Бесперывное давление, постоянно висящий над головой дамоклов меч... В начале 30-х годов — коллективизация и связанные с нею репрессии, в середине 30-х — «чистка партии», поиск «врагов народа» и «вредителей», начало 40-х годов — война и все с нею связанное...

Стиль работы окружного комитета копировали всеильные на местах райкомы партии. Составы их не были стабильными, колода периодически перетасовывалась — менялись присылавшиеся окружкомом секретари, менялись в обязательном порядке входившие в партийные бюро начальники местных органов внутренних дел и госбезопасности, сменялись прокуроры и председатели райисполкомов. Облеченная властью номенклатура, несколько власть имущих, не зависящих друг от друга человек, готовых при случае свалить один другого... Все — как на самом верху, все по образу и подобию.

Удельными князьками на периферии нарымских районов были председатели сельсоветов и поселковые коменданты. Кто-нибудь из них одновременно избирался секретарем территориальной парторганизации, состоявшей иногда из нескольких человек местной элиты. Олицетворявшие власть на местах секретари партийных организаций и коменданты сообщали о положении дел в райцентр, там «принимали меры» и докладывали окружному комитету ВКП(б), тот информировал по всем вопросам краевой комитет в Новосибирске, оттуда докладывали уже в ЦК ВКП(б).

Десять документов, выдержки из которых я включил в этот сборник, — это документы бывшего Томского областного партийного архива, ныне — Центра документации новейшей истории Томской области, касающиеся Нарымского округа за период его существования с 1932 по 1944 год. Поскольку партийная власть распространялась на всё и вся, именно эти свидетельства дают наиболее полное представление, что тогда

происходило и какой ценой достигались победы их организаторами. При желании все делавшееся тогда можно представить как героическую «борьбу за построение», но те, кто когда-то писал докладные и информации, те, кто протоколировал собрания, сочинял постановления и решения, — все они невольно свидетельствовали о том, что стояло за этой борьбой. Преступление, оправдываемое теорией, остается преступлением.

5

Из протокола заседания бюро Чаинского РК ВКП(б)

2 августа 1932 г.

1. О классовой борьбе в колхозах

Постановили: предложить фракции РИКа и обязать уполномоченных собрать сведения на лиц, прибывших с [19]29 года в Чаинский район, и представить к 15 августа. Предложить райотделу ГПУ усилить работу по выявлению антисоветских контрреволюционных элементов, затесавшихся в колхозы и проживающих в районе... Обязать ячейки ВКП(б) решительно усилить самоочистку колхозов от чуждых антисоветских кулацких элементов, ни в коем случае не допускать таких случаев, как с Пьянковым и Тетериным (исключили из одного колхоза, в другой приняли). Предложить фракции РИКа в месячный срок тщательно подготовить кулаков к выселению в любое время.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 10, л. 48

6

Из резолюции бюро Чаинского РК ВКП(б)

31 августа 1932 г.

Полностью взять хлеб у спецпереселенцев в свои руки, не допуская разбазаривания его. Не допускать проведением этого мероприятия каких бы то ни было эксцессов, безнадежных на-

строений, бегства, а добиться, чтобы это мероприятие стало стимулом еще большего оседания спецпереселенцев в нашем районе.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 10, л. 50

7

Из инструкции Сиблага о распределении урожая и доходов спецпереселенческих неуставных артелей в 1932 г.

Из валового урожая создаются: семенной фонд, страховой семенной фонд (10 процентов от семенного), фонд на расширение производства и спецфонд (по 5 процентов от валового). Из оставшегося на трудодни образуется фонд из расчета 1,5 центнера на едока в год. Распределение этого фонда производить спецуправлениям в виде выдачи продпайка по норме 1,5 центнера на едока в год (один раз в два месяца).

Там же, д. 6, л. 3

8

Из информационного письма секретаря Бакчарского РК ВКП(б) Осипова секретарю оргбюро крайкома Беляевских

16 сентября 1932 г.

Настроение спецпереселенцев в основном здоровое*, но есть и отрицательное. К хорошим настроениям можно отнести такие речи: «Нас выслали для освоения Севера, и мы должны показать свою преданность Советской власти... Надо бороться, не хныкать...» Имеют место и прямо контрреволюционные речи: «Мы думали, что поедем хлеба вволю, а оказывается, нужно заготовить моху и гнилушек, т.к. пайка не хватает». «Надо

* После уборки первого урожая.

раздать хлеб на руки, иначе с голоду подохнем». «Лодырь будет есть наш хлеб». «Где мы будем чего брать, разутые, раздетые? Ботинки — 30 руб., пай* — 40 руб. Скажут — я лодырь, а я бос и голодный». «Только появился хлеб, нас снова увидели, если бы мы были на своих старых местах, хлеб бы не был по 150 руб. пуд». «Почему не делается, как говорил Ленин, что крестьянин у хлеба должен есть хлеба вволю или, как говорил т. Крыленко, ненужные делать перескоки, которые вредны в работе?»

Данную характеристику даю исключительно из писем наших ребят-уполномоченных, а по линии ГПУ ничего для нас интересного нет, т.к. там помещены материалы за август, т.е. старые, того периода, когда еще о распределении урожая мы работы не проводили.

Там же, л. 33

Многострадальный крестьянин... Даже в ссылке он стыдился, что его могут упрекнуть в лени: «Скажут — я лодырь, а я бос и голодный»... И когда исстрадавшийся мужик, напрасно надеявшийся, что наконец-то сможет накормить вволю хлебушком свою семью, наивно спрашивает — почему же не делается так, как говорил Ленин, «наши ребята-уполномоченные» это именуют «контрреволюционными речами»! Одновременно с пресечением подобных вопросов спецпереселенцев окружной комитет ВКП(б) принимает меры для улучшения снабжения «своих ребят». Кривошеинский райком ВКП(б) доводит до сведения окружного комитета ВКП(б): «Со стороны Томского АКОРТа преступное отношение к обеспечению продуктами питания и промтоварами райпартактива». Сообщается, что «райпартактиву приходится покупать на базаре продукты питания». Заседание бюро окружкома ВКП(б) 20 октября 1933 года принимает решение «О дальнейшем порядке снабжения партактива», в котором говорится: «В дополнение к постановлению ОК ВКП(б) от 13 октября 1933 г. (параграф 17) согласиться с предложением тов. Павлова о передаче окружного закрытого и районных распредов для снабжения актива из системы АКОРТ** — Интегралкооперации». В партийных документах появляются новые термины: «закрытый распред», «прикрепле-

* Паевой взнос в кооперацию.

** АКОРТ — акционерное общество розничной торговли.

нец»... Каждому свое — одни спецпереселенцы, другие — прикрепленцы... (см.: ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 17, л. 146).

9

Из протокола заседания оргбюро крайкома ВКП(б) Нарымского округа

10 сентября 1932 г.

Слушали: о ходе организации закрытой столовой.

Постановили: принять к сведению заявление тов. Лыкова, что закрытая столовая для партактива будет открыта 14 сентября 1932 г.

Там же, д. 3, л. 56

Принятое к сведению заявление было исполнено, и вскоре партактив округа начал питаться в скрытой от глаз посторонних столовой. Однако, видимо, помещение партийную элиту не устраивало, и через полмесяца в повестку дня заседания бюро был включен вопрос «О состоянии закрытой столовой партактива». Постановили построить новую столовую. Кроме того, для полноценного питания секретарям окружкома и райкомов ВКП(б), председателям районных исполнительных комитетов ВЛКСМ ежемесячно из особого сектора Запсибкрайкома ВКП(б) высылались так называемые питпайки.

10

Из резолюции бюро Чаинского РК ВКП(б) по докладу районного коменданта о выполнении решения 12 районной партконференции

Декабрь 1932 г.

...Около двух тысяч семей спецпереселенцев живут в землянках... Около пятисот хозяйств спецпереселенцев вместо оседания в поселках разбрелись по коренному населению и ведут кочующий образ жизни. Отсюда факты бегства... Фрак-

ции РИКа дать строжайшее указание сельсоветам о воспрещении размещения в поселках коренного населения бежавших спецпереселенцев, что виновные в их укрытии и пособничестве будут привлекаться к суду. Райкоменданту предложить не позднее 15 января переселить все семьи спецпереселенцев, живущие в поселках коренного населения, в спецпоселки.

Там же, д. 10, л. 152

11

Из постановления бюро Запсибкрайкома ВКП(б)

15 апреля 1932 г.

Несмотря на полный охват детей спецпереселенцев в возрасте 9–11 лет учебной... считать качество школьной и общественно-политической массовой работы неудовлетворительным вследствие того, что преподавательские кадры состоят на три четверти из спецпереселенцев. К началу будущего учебного года заменить завшколами спецпереселенцев неспецпереселенцами и решительно снизить количество учителей-спецпереселенцев.

Там же, д. 1, л. 34

12

Из протокола заседания бюро Каргасокского РК ВКП(б)

8 ноября 1932 г.

У членов бюро парткомитета и ответработников имеются домработницы-спецпереселенки, а отсюда вывод, что все решения бюро парткомитета являются достоянием спецпереселенцев.

Постановили: предложить членам бюро и ответработникам в недельный срок уволить домработниц-спецпереселенок. Контрольной комиссии проверить данное решение.

Там же, д. 8, л. 91

Продолжался «великий перелом». Сломал становой хребет крестьянству, большевики доламывали ему кости. Со страхом смотрели старожилы побережных нарымских сел, как буксирные пароходы тянут мимо них в верховья таежных рек перегруженные людьми баржи. Но, несмотря на насаждавшийся массовыми репрессиями страх, несмотря на произвол и насилие по отношению к тем, кто не хотел вступать в колхозы, три четверти местных крестьян в Нарымском округе в 1932 году еще оставались единоличниками. Их давили непосильными налогами, у них описывали имущество, но как в свое время их предки держались за «старую веру», так и они продолжали держаться за свое хозяйство, за свой уклад жизни.

Сопrotивлялись ли сибирские крестьяне репрессиям, связанным с насильственной коллективизацией? Да, сопротивлялись, но сопротивление это было в основном пассивным. В народной памяти еще жило жестоко подавленное армией крестьянское восстание на далекой отсюда тамбовщине, в результате которого погибли тысячи вынужденных взяться за оружие мужиков. И только переполнившаяся чаша терпения заставляла вновь подниматься заведомо обреченных на поражение крестьян против произвола и насилия. Эти изображавшиеся официальной пропагандой «кулацкими» и «белобандитскими» стихийные выступления безжалостно подавлялись, и делалось все, чтобы последующие поколения о них ничего не знали. Только теперь ставшие достоянием гласности документы проливают скупой свет на эту крестьянскую вандею. Одно из таких восстаний вспыхнуло в 1931 году в Чаинском районе. О нем почти шестьдесят лет спустя поведал в томской областной газете «Красное знамя» исследовавший архивные документы тех лет прокурор Бакчарского района А. Малков. С некоторыми сокращениями его очерк приводится ниже.

...По факту восстания было возбуждено уголовное дело № 585 (номер дела тогдашний, впоследствии он не раз изменялся) «По обвинению гр-на Славникова Федора Радионовича, Битюкова Василия Савельевича и других в количестве сто тридцать пять (135) человек по 58-2 ст. УК». Все материалы расследования заняли два тома следственных документов, в основном это протоколы допросов, написанные на различных листках бумаги, всего около 800 листов, в среднем по пять-шесть на одного обвиняемого. Более одного раза, как правило,

никто не допрашивался. Напрасно искать в уголовном деле такие обычные следственные документы, как протоколы очных ставок, постановления о приобщении вещественных доказательств, о признании потерпевшими или хотя бы их список, данные о материальном ущербе. Считанные единицы допрошено свидетелей.

Из материалов дела видно, что все участники восстания — ссыльные крестьяне. Правда, принял в нем участие и комендант Кузнецовского поселка П.М. Раков, 1896 года рождения. Активно помогал восставшим председатель Тигинского сельсовета Коровин, местный житель. Среди восставших были и те, кто в гражданскую войну защищал с оружием в руках революцию, очень многие служили в Красной Армии после гражданской. Некоторые были раскулачены и высланы сразу после демобилизации. Среди обвиняемых — бывшие сельские активисты и даже коммунисты. Так, например, Фирсов Павел Степанович, 1884 года рождения, отец четверых детей, состоял в ВКП(б) с 1920 по июль 1929 года, исключен «за связь с кулачеством».

Многие из них были совершенно неграмотные, под протоколами допросов вместо подписи — чернильный отпечаток большого пальца.

Неожиданно, но в материалах дела даже намек нет на участие в восстании затаившихся белых офицеров, белогвардейских лазутчиков из-за рубежа, на связь с контрреволюционными подпольными центрами и организациями. Видимо, для томских чекистов еще не пришло время фабриковать дела о «разоблачении» грандиозных заговоров.

Как утверждает в обвинительном заключении, в восстании приняли участие 1000 спецпереселенцев Парбигской участковой комендатуры. Спустя десять лет после окончания гражданской войны событие это было из ряда вон выходящим. И казалось бы, следствие должно было тщательно выяснить причины, вызвавшие восстание, мотивы участия в нем каждого обвиняемого. Но в протоколах допросов об этом ничего нет, таких вопросов не задавалось. Следователи требовали ответа в основном на один вопрос: кто из спецпереселенцев участвовал в выступлении? Только один раз, скорее по какой-то случайности, в протокол попали слова обвиняемого, что в день начала восстания он похоронил пятилетнюю дочь.

Согласно обвинительному заключению, восстанию предшествовала подготовительная работа. Обратимся к тексту документа:

«Экспроприированное и высланное на север, в Чаинский р-н ЗСК, кулачество, к.р. и антисоветски настроенное, не мирясь с созданным положением, стремясь противопоставить себя Советской власти, повело к.р. работу, направленную на организацию вооруженного восстания». Автор обвинительного заключения причину выступления представляет однозначной, но невольные «проговоры» документа позволяют сделать иные выводы.

«Вдохновителем и руководителем этого дела, — говорится далее в обвинительном заключении, — явился высланный кулак из г. Ленинска, бывший владелец кирпичных заводов Усков Георгий Егорович, ближайшим помощником его был тоже владелец кирпичных заводов, кулак Ленинского р-на Медведев Андрей Иванович». В материалах больше никаких данных об этих людях нет. И о том, кто они были на самом деле — заводчики или крестьяне, мы, скорее всего, узнать никогда не сможем. Вполне могло быть и такое. Занимаясь крестьянским трудом, имели яму, лопатой копали из нее глину, которую месила ходившая по кругу лошадь. Потом хорошо размешанную глину забивали вручную в формы, сушили и обжигали в примитивных, выкопанных в земле печах. Кирпич, рассказывают, получался отличного качества. Подобная «индустрия» была в каждой деревне. И когда потребовалось, то каждого, кто занимался каким-либо ремеслом — шорным, бондарным, столярным, пимокатным, кожевенным и другими, — объявили владельцами завода, фабрики или мастерской.

Усков «...вел беседы о тяжелой жизни спецпереселенцев, малой пайке и т.д., а 3 июля устроил полулегальное собрание кулаков Ленинского р-на, на которое были приглашены представители других районов, как-то: Прокопьевского, Тальнинского, Кузнецкого и др., расселенных по соседству с Ленинским, под предлогом обсуждения вопроса посылки делегации в Край с ходатайством о прибавке пайка спецпереселенцам. На этом собрании Усков в своей речи присутствующим говорил, что нас, спецпереселенцев, в скором времени ожидает голодная смерть, так как на главной базе в Бакчаре для снабжения спецпереселенцев продовольствия осталось на несколько дней, а поэтому нужно послать делегатов в Край, просить прибавки пайка, если же Край нам откажет в ходатайстве, то нам нужно в защиту себя что-то предпринимать». Как видим, причиной восстания стали не «экспроприация и высылка», а угроза голодной смерти. Из дальнейших событий видно, что ждать ее ссыльные не захотели.

Возникает естественный вопрос: известно ли было работникам Парбигской участковой комендатуры, поселковым комендатурам, Чаинскому районному отделению ОГПУ со своими осведомителями о настроениях ссыльных, о собраниях и разговорах на них и можно ли было предотвратить выступление, снять растущее недовольство, улучшив условия жизни? Ведь требовалось совсем немного — не допустить гибели людей от голода. Изучив материалы уголовного дела, я пришел к выводу, что это массовое выступление голодных и бесправных людей было сознательно спровоцировано властями. Об этом говорит ряд убедительных фактов.

О волнениях стало известно с первого же собрания, которое в обвинительном заключении названо «полулегальным». Уж в чем-чем, а в понятиях «легальное», «нелегальное» чекисты разбирались хорошо. И названо было собрание так потому, что проходило оно открыто, но состоялось без разрешения властей. Получить его на такое собрание было немыслимо. Через пять дней в тайге было созвано второе собрание, уже нелегальное, на котором присутствовало около 30 человек. На нем и началась подготовка к восстанию. 26 июля обсуждался его план. Было решено 30-го выслать людей во все поселки, 1 августа с утра обезоружить Орловскую комендатуру, сформировать отряд из ссыльных и двинуться на поселок Бакчар. Захватить там главную продовольственную базу и потом идти на районный центр — село Подгорное.

О нелегальных собраниях властям также стало известно. Ушли сообщения в Колпашево и в Томск, за сотни километров подтягивались в Подгорное вооруженные партийные отряды из Кривошеина, Колпашева. Из Томска перебрасывался кавалерийский отряд милиции с пулеметами. О готовящейся расправе стало известно спецпереселенцам, и они решили выступить 29 июля, раньше, чем намечалось.

Из обвинительного заключения: «29 июля, около 100 человек, часть вооруженных, под руководством Ускова группа двинулась на пос. Орловку для ареста и разоружения комендатуры. Получили отпор, потеряв трех кулаков убитыми, со стороны комендатуры убит один вахтер». Так прошел первый из четырех дней кровавой трагедии. Как указывается в документе, восстание проходило под лозунгом «Долой коммунизм, да здравствует вольная торговля, свободный труд и право на землю. Соввласти быть не должно, а должно быть учредительное собрание и выбор президента». Один из участников тех далеких событий утверждает, что в селе Бундюр висел лозунг: «Долой

коммунистов, да здравствует Советская власть!» Как бы там ни было на самом деле, начавшись как голодный бунт, восстание обрело и политическую окраску, в его лозунгах выразилось отношение повстанцев к человеконенавистнической большевистской политике тех лет.

30 июля повстанцы повели наступление на село Бакчар. Потеряв трех человек убитыми, в том числе одного из командиров — Колмагорова Николая, отошли в поселок Истоминский, откуда выступили на село Высокий Яр. Неподалеку от Высокого Яра разведка восставших столкнулась с разведкой отряда активистов и, потеряв одного раненным, отступила в село Крыловку. Из числа активистов был убит председатель Высокоярского сельсовета, член партии Паздрин.

Обвинительное заключение утверждает, что 30 июля восстанием было охвачено все «кулачество» Парбигской комендатуры. На самом деле в нем приняли участие ссыльные из населенных пунктов, расположенных между селами Высокий Яр — Крыловка — Бундюр: Веселый, Комарово, Красноярка, Озерный, Истоминский, Болотовка и других (большинства из этих поселков сейчас нет). Территория, охваченная восстанием, была увеличена следователями, видимо, затем, чтобы по крупнее казались заслуги по его подавлению.

31 июля в Крыловке повстанцы разбились по взводам и, как утверждается в документе, численностью до 1000 человек заняли Высокий Яр. Разгромив потребительскую лавку, выступили на Бакчар. Через два километра их встретил отряд сельактива. Потеряв убитыми около 20 человек, повстанцы отступили в Крыловку.

К этому времени к району восстания уже подошел сводный отряд карателей под общим руководством начальника Томского оперативного сектора ОГПУ Плахова. Утром 1 августа он занял Бундюр, освободив 8 арестованных работников комендатуры. Следует отметить, что восставшим ставились в вину расстрелы работников комендатур, однако ни одного конкретного факта в обвинительном заключении не приводится. А вот факт, что работники комендатуры в Бундюре хотя и были арестованы, но жизни не лишены, налицо. Этим же августовским утром отряд Плахова выступил на Крыловку, где находились основные силы повстанцев.

Из обвинительного заключения: «...Утром 1 августа в пос. Крыловка, в момент устроенного Усковым совещания штаба, был нанесен решительный удар по повстанцам». В результате этой бойни, решительно устроенной безоружным в своей мас-

се мужикам, погибли Усков и еще около 50 человек. Рассказывают, что их прижали к реке, на берегу которой стоит Крыловка, и просто расстреляли.

На этом восстание закончилось, но расправа над его участниками продолжалась. Из описаний в обвинительном заключении боев можно легко подсчитать, что восставшие потеряли убитыми около 80 человек и один был ранен. Следствие подвело следующий итог: «За всю операцию с 29 июля по 2 августа со стороны банды убито более 100 человек, изъято около 10 винтовок, 100 единиц разного охоторужья. Отбит обоз — 300 подвод. Со стороны партизандов убито 4 и ранено 3 человека. Изъято 135 человек участников восстания». Как же так могло случиться, что один и тот же документ дает две разные цифры о потерях повстанцев? Хотя следователи, видимо, «университетов не кончали», в арифметике, нет сомнения, они были тверды. Все дело в том, что уголовное дело начато лишь 18 августа, а до этого «следствие и суд» вершились на месте — в полном соответствии с классовым чутьем и революционным правосознанием по поселкам прошли расстрелы. Следствие не только не стало устанавливать фамилии и имена убитых, но и не сосчитало их. Сколько это «более 100»? Может, 120, может, 160. Не подсчитывались и раненые.

Кровавая расправа над отчаявшимися людьми была совершена прежде всего для устрашения ссыльных всего Нарыма, им было показано, что церемониться с ними не будут. Одновременно ОГПУ решило и другую задачу — продемонстрировало возрастающее сопротивление классового врага и исключительную важность своей организации.

В материалах дела имеются два постановления о взятии под стражу участников восстания: первое — от 19 августа на 60 человек, второе — от 28 августа еще на 84. Всего, таким образом, было арестовано 144 человека, тогда как в итоговом документе следствия указано 135, столько же — на обложке дела. Может быть, разобрались и выпустили 9 человек? Нет, этого, к сожалению, не произошло. В третьем томе дела, который является приложением к следственным материалам, подшиты медицинские справки — несколько строчек на маленьких клочках тетрадных листов. Из них следует, что часть подследственных умерла в Томской тюрьме от поноса, сыпного тифа и воспаления легких. Если это так, то нетрудно представить, в каких условиях они содержались. Но еще арестованные могли умереть от побоев, ведь в каждой справке почему-то написано: «Вскрытие не производилось в связи с отсутствием необходимости».

Всем подследственным было предъявлено одинаковое обвинение «...в преступлении, предусмотренном ст. 58-2, выразившемся в том, что они принимали активное участие с оружием в руках в кулацко-бандитском вооруженном восстании против Соввласти в Чаинском районе». Обвинительное заключение по уголовному делу было составлено 29 сентября 1931 года. 27 октября материалы дела рассмотрела в Новосибирске Особая Тройка Полномочного представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому краю. Приговорены к десяти годам исправительно-трудовых лагерей 9 человек, к пяти — 40 человек, к трем годам — 5 человек. Остальные — к пяти годам лишения свободы условно со ссылкой на Север. Приговоренных к ИТЛ отправили в Мариинский концлагерь Сиблага. Куда были отправлены приговоренные к ссылке, неизвестно, но то, что не в Чаинский район, — это точно. В одной из сопроводительных на этапирование упоминается Белбалтканал.

Долго после восстания по поселкам ссыльных выли бабы по убитым, расстрелянным, арестованным. Многие так никогда больше и не увидели осужденных родных и близких, до сих пор ничего не знают об их судьбе.

Неизвестны фамилии погибших, нет возможности назвать арестованных — этот список занял бы много места. Но назвать людей, проводивших расследование, считаю необходимым.

Постановление о взятии под стражу вынес уполномоченный Томского оперсектора ОГПУ Ушаков, им же предъявлено обвинение и составлено обвинительное заключение, согласие дал оперуполномоченный особого отдела ОГПУ Романов. Арестованных допрашивали оперуполномоченные Томского оперсектора ОГПУ Ковалев, Пестерников, Якимчук, уполномоченные ОГПУ по Чаинскому району Гладких, Белоусов, сотрудники следственно-оперативной группы Косаченко, Балашов. Можно только предполагать, как сложилась их судьба в дальнейшем. Возможно, во второй половине тридцатых попали в ту же глубокую яму, которую усердно копали другим, может, погибли на войне, а может, дожив до глубокой старости, умерли своей смертью.

Из Новосибирска во время восстания приезжал в Подгорное начальник комендантского отдела административного управления, позднее — начальник отдела трудовых поселений Сиблага Долгих. По воспоминаниям, человек здорового роста и свирепого характера. В своей книге [«Архипелаг Гулаг». — В.М.] А. Солженицын пишет, что летом 1954 года на подавление восстания политических заключенных в Стеглаге приезжал

из Москвы генерал Долгих, «будто бы в то время — начальник ГУЛАГа». Другой ли? Этот ли, руководивший массовым уничтожением крестьян в Западно-Сибирском крае в тридцатые годы?

В Бакчаре, в самом центре села, находится красивый, по-современному обустроенный силами жителей стадион имени Хомутского. Названа этим именем и одна из центральных улиц. Вот уже без малого шестьдесят лет официальная версия утверждает, что землемер Галкинской участковой комендатуры, член ВКП(б) П. Хомутский в июле 1931 года был тяжело ранен во время подавления «кулацкого» мятежа и вскоре умер. Как и подобало в таких случаях, его с митингом и винтовочными залпами похоронили на площади, напротив участковой комендатуры. Над гробом соратники поклялись, несмотря на происки кулачья, продолжить строительство новой жизни.

И все эти годы тайком живет другая, неофициальная версия, хранимая пережившими лихолетье стариками. Во время восстания, в одну из ночей, Хомутский был в патруле, и его с перепугу из засады обстреляли свои же. Хомутский был ранен, а его напарник убит. Но, поскольку напарник был из ссыльных, его не удостоили чести быть похороненным на площади. Кстати, в материалах уголовного дела о ранении Хомутского и гибели второго совершенно ничего не говорится.

Со временем на площади построили стадион, и могила с обелиском стала мешать. Тогда обелиск сняли и перенесли здесь же, на стадионе, на другое место, а могильный холмик аккуратно разровняли, место притоптали. Потом обелиск стал мешать, и его перенесли через улицу, поставили в палисадник школы-интерната. Там он сейчас и стоит — кособокий, с пустой рамкой для фотографии, зимой занесенный снегом, летом в бурьяне. Да и зачем уход, ведь останков под ним нет. Коренные бакчарцы об истории с могилой говорить не любят, на вопрос, где же могила, пожимают плечами и равнодушно отвечают: «Где-то здесь, может, под трибунами, может, под беговой дорожкой...» Станным казалось мне такое отношение к могиле героя районного масштаба, со временем понял, что вся эта история выразила истинное отношение людей к тому неправо- му делу, которому он служил...*

* Малков А. Восстание. — «Красное знамя» (томская областная газета), 31 марта — 1 апреля 1990 г.

Из постановления бюро Каргасокского РК ВКП(б)

1 ноября 1932 г.

Предложить судебным-следственным органам поступающий материал на кулацко-зажиточную часть, не выполнившую твердые задания, немедленно проводить показательные процессы.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 8, л. 86

Из воспоминаний Марии Федоровны Абраменко, сосланной в Нарымский округ с Украины в 1930 г.

Везли нас в Сибирь зимой в товарных вагонах, на станции Яя выгрузили и загнали в большущий барак с двухъярусными нарами. На полу сырые опилки, воздух тяжелый, не продохнешь. Дети и старики начали умирать... Покойников складывали штабелем, потом увозили на лошади и где-то закапывали. Нас в семье было шестеро ребятишек, трое умерло. В апреле всех ссыльных увезли в Томск. Там уже был лагерь, помню, в одном из бараков жили сироты, и, когда их водили купаться, мы, ребятишки, им завидовали.

Потом нас увезли в Могочино. Жили на берегу, крова никакого не было. Мама уходила работать на лесопильный завод, а мы ждали ее среди шпал. Однажды к берегу подчалили баржу и всех увезли до пристани Ламеевка (сейчас Лось-гора). Тут встретил нас папа, которого привезли с мужиками в другом эшелоне, и комендант определил нас на жительство в Суйгу. Сейчас здесь поселок, тогда была только речка Суйга и три барака без крыш. Родители стали работать, строить бараки — папа пилил бревна на плахи, мама шкурила, мы, ребятишки, им помогали как могли. Заедали нас комары. Ноги и руки в коросте, голод и холод...

Зиму пережили, папа говорил нам: «Остались живы, ну и слава Богу. Будем жить, трудиться нам не привыкать, за свой труд и попали в Сибирь. Дальше везти уже некуда». На последние вещички в ближайшей деревне выменяли картошки на семена. Родители раскорчевали огород, всей семьей вскопали его. Картошка уродилась мелкая, но все равно незнамо как были ей рады... В 1933 году папа стал получать деньги за работу, а то давали только паек, никакого заработка не было. Родители работали на лесозаготовках в пятнадцати километрах от поселка, там и жили, а мы, ребятишки, по неделе обитались одни. Мне было 12 лет, сестренке — 8, братику — шестой год. Мама иногда приходила домой, приносила нам немного хлебца, который родители отрывали от своего пайка.

Летом поселковые ребятишки работали — подростки валили березы, а те, кто помладше, драли бересту, на дегтекурке гнали из нее деготь. В 1935 году в поселке открыли школу, сестренка с братиком пошли учиться, а мне ходить в школу было не в чем, да и дома надо было кому-то управляться. У нас была уже корова... На покосе работали все вместе, папа жалел нас: «Милые вы мои труженики, какое у вас детство несчастное. За что?» И слезы катились из его глаз. Чувствовало, видно, сердце, что не все еще пережил. В 1937 году, 23 августа, забрали его как врага народа. С нашего поселка тогда взяли восемь человек, и никто из них не вернулся...

Фонд Музея социально-политической истории г. Томска

15

Из письма политссыльного Ф.И. Голощекина к Б.И. Перельман

12 ноября 1910 г.

...Живу в двух комнатах, с 9 часов до 3 принимаю пациентов, работаю до усталости. Конечно, заработков очень мало. По вечерам или занимаюсь, или провожу с приятелем за чайком*.

* Нарымская ссылка (1906–1917 гг.). Сборник документов и материалов о ссыльных большевиках. Томск, 1970, с. 96.

Из воспоминаний Екатерины Сергеевны Лукиной, сосланной в Нарымский округ из Красноярского края в 1932 г.

Родители мои — крестьяне, оба неграмотные, не умели даже расписаться. В 1929 году вступили в колхоз. Был у нас дом, корова, овечки, свиньи, имели две лошади, на которых отец с матерью работали в колхозе, так же добросовестно, как и до коллективизации. Я была у них единственная дочь, трое детей умерли.

В 1931 году осенью отца арестовали, а все имущество описали. Отца увезли в Ачинск, мать ездила к нему, рассказывала, что он стоял в одиночке весь опухший... Сама она не хотела отдавать описанные два мешка муки, холсты и швейную машинку, за это председатель сельсовета ее тоже арестовал, летом отпускал и опять арестовывал... Имущество у нас отняли, выгнали из дома, и вместе с другой тоже обездоленной семьей мы ютились в какой-то завалившейся избушке. Если мать приносила откуда-нибудь муку и ставила квашню, то, когда кто-то из местных активистов это обнаруживал, тесто отбирали. С нами жил наш дедушка, он побирался и подавляниями кормил нас. Ему подавали, соседи нас жалели.

За неделю до ссылки отца выпустили из тюрьмы и всей нашей семье объявили ссылку как кулакам. С тысячами таких же, как мы, лишенцев из Ачинского, Ужурского, Боготольского, Назаровского и Мариинского районов нас увезли в Томск, перегнали из вагонов в баржи и под конвоем повезли на север. Когда везли по Васюгану, кое-где стояли по берегам деревушки, построенные теми, кого пригнали сюда раньше. Высадили нас в низину, недавно сошло половодье, кругом топь, грязь... С неделю так прожили, потом охранники стали людей неподалеку расселять на возвышенные места, а часть увезли еще дальше вверх по Васюгану.

Обитались мы сначала в балаганах из бересты, потом люди начали строить барачные избенки. Давали всем скудный паек, питались в основном мучной болтушкой, так казалось больше, чем печь из муки хлеб. В жилые поселки не пускали, охранники были очень строгие. Мы, дети, таскали глину, из которой взрослые били печи. Давали нам по шесть килограммов муки на ме-

сяц, мука была заплесневелая, комками... Были мы слабые, больше двух-трех лопат глины унести в ведре не было сил. Иногда приходил комендант и называл нас «сибулонцами»*. Люди стали пухнуть и умирать. Хоронили без гробов, в братские могилы, которые копали каждый день... Поселок называли Могильный, но приехал комендант Смирнов и назвал его в свою честь Смирновкой. Был он очень жестокий, когда выдавали паек, некоторые опухшие от голода пихали в рот куски заплесневелой муки, а их били. Вскоре они умирали. Паек давали только тем, кто мог работать, слабосильные были обречены...

Люди пытались бежать, скрываясь от охранников, уходили до большого болота, от которого оставалось 80 километров до станции Чаны. Через реки перебирались на плотках, у наших земляков из Ачинска бревна плота разошлись, и ребенок утонул. Убегавших возвращали, немногие все же уходили. Бог весть сколько людей погибло...

Когда вместо Смирнова комендантом стал Никитин, жить стало легче, он был к людям жалостливый. Разрешил ходить за 8 километров в жилую деревню, где можно было сменить вещи на продукты. Поселок называли Путь Севера, а потом он стал именоваться Новым Васюганом. Но к этому времени осталось едва половина ссыльных — Новый Васюган стоит на косяках.

В 1937 году моего отца забрали как врага народа. Был он неутомимый труженик, знал только свою семью и работу. В детстве был сиротой, за всю свою жизнь курицы не обидел. Какой он был враг? Кому?

Фонд Музея социально-политической истории г. Томска

17

Из письма В.В. Куйбышева к Р.И. Райх

4 августа 1910 г.

...Сейчас закончил переезд на новую квартиру. Обиталище мое состоит из двух комнат, одна величиною с Вашу, а другая проходная раза в два меньше. Цветы, приличная мебель, небе-

* СИБУЛОН — Сибирское управление лагерей особого назначения.

зобразный диван. Расстелил ковер, повесил занавески, покрыл стол скатертью и получилась очень приличная квартира, в которой можно жить и не нарымцу.

...Строю кое-какие планы относительно занятий, не знаю, удастся ли их осуществить. Думаю, между прочим, изучить историю русской литературы, но уже не по общему курсу, а хочу взять какое-нибудь литературное явление, какого-нибудь одного писателя и изучить его... Кроме того, буду проходить историю России вообще и историю русского общественного движения в особенности*.

18

Из протокола внеочередного заседания бюро Александровского РК ВКП(б)

13 февраля 1933 г.

Слушали: разбор материала на кулака председателя районного исполнительного комитета Медведева.

Медведев: «Мельницу держал, но только отец одну шестую часть в 1914 году. Батраков я не держал, только в 1911 году была кухарка».

Из выступлений на бюро: «Материалы подтверждают, что он кулак...» «Медведев не проявил себя как большевик, он своими выступлениями не боролся с кулаками, не выявлял их. Медведев формально считается родственником кулака. У него было правооппортунистическое руководство...» «Он не понимает классовую борьбу, он способствует развитию кулачества». «Он вел работу по-кулацки». «Медведева после этого заседания арестовать и судить».

Постановили: Медведева с работы снять и из партии исключить. О творимых безобразиях поручить ОГПУ рассмотреть.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 27, л. 30

* Нарымская ссылка (1906–1917 гг.)..., с. 88.

Из резолюции бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

4 марта 1933 г.

О состоянии работы парторганизации и самоочистки колхозов от кулаков

Срастание коммунистов с классово чуждым элементом привело к засорению колхозов кулаками и вредительству их в колхозах... Только после решительной постановки вопроса об искоренении кулаков из колхозов со стороны окр. парторганизации и окружкома ВКП(б) перед всей парторганизацией Нарыма Кривошеинский район серьезно взялся за самоочистку колхозов от кулаков и исключение из партии наших врагов с партбилетом в кармане. Выявлено 74 кулака и вредителя.

Там же, д. 16, л. 94

Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

22 апреля 1933 г.

В Светлянском сельсовете колхоз им. 8-го съезда состоит почти исключительно из кулаков, которые перед вступлением в колхоз отслужили молебен. Предложить Чаинскому РК очистить все колхозы от кулаков, расследовать их деятельность и за вредительскую работу арестовать.

Там же, л. 116

Из памятки Александровского райкома ВКП(б) членам ВКП(б) и уполномоченным куста

Март 1933 г.

Борьба с кулачеством

1. Срочно дооформить кулацкие дела и выгнать их из колхоза и укрепить состояние колхозов.

2. Через повседневную работу с беднотой и колхозным активом выявить пролезших кулаков в колхоз, самоочищая колхозы от классово чуждых элементов.

3. Проверить руководящую часть колхозов и состав бригадиров, где окажутся зажиточные типы; немедленно вывести их из правления и укрепить бедняками, батраками и хорошими середняками.

4. В наших колхозах масса пролезших белобандитов, т.е. участников в Сургутском восстании, проявляют вредительство в колхозах. Немедленно оформить материал и направлять в район, а их выгонять из колхоза.

5. На всех выявленных и утвержденных сельсоветом кулацких хозяйствах сельсовет должен проводить опись имущества (не допускать описи вплоть до штанов и ложки с чугунками). Все описанное имущество сдается под сохранную расписку до утверждения РИКом.

6. По всем вышеуказанным пунктам втяните бедноту, колхозный актив, комсомол и пионеров.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 27, л. 42

22

Из протокола заседания бюро Александровского РК ВКП(б)

11 марта 1933 г.

О результатах обследования нарсуда

Дела, связанные с хоз.-полит. кампаниями, особенно на кулацко-зажиточную верхушку деревни, не выполняющую твердых заданий, предложить начальнику РУМ тов. Барбакову обещать оформление в кратчайший срок и обязать нарсудью тов. Девятова рассмотрение их в суде производить в показательном порядке с выездом на места.

Там же, л. 39

Из резолюции второго Пленума Александровского РК ВКП (б)

20 марта 1933 г.

Под руководством большевистской партии и ее Ленинского ЦК ВКП(б) во главе с тов. Сталиным широкие массы рабочих и колхозников добились крупнейших побед в борьбе за социализм и выполнении социалистических работ в четыре года. Эти победы имеют всемирно-историческое значение, мобилизующие революционные силы рабочего класса всех стран против капитализма... Безраздельная преданность делу социализма, сплоченность рабочих и колхозных масс вокруг большевиков и ее Ленинского руководства, их активность, энтузиазм и инициатива, мощный размах соц. соревнования и ударничества обеспечили эти успехи. На основе сплошной коллективизации успешно ликвидировано кулачество как класс — последний оплот капитализма. Подорваны корни капитализма в деревне, уничтожена возможность дифференциации крестьянства, бедняцко-средняцкие массы освобождены от нищеты...

Там же, д. 16, л. 52

Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

2 марта 1933 г.

(Закрытая часть заседания)

...Просить бюро крайкома ВКП(б) предложить крайлечкомиссии взять на свое обслуживание не только основную тройку окружкома (секретаря, председателя ОИК, ОКР КК), но и основные тройки районов, входящих в состав округа.

Там же, л. 77

Из протокола заседания бюро Чаинского РК ВКП(б)

29 июня 1933 г.

О положении в детяслях на Коломинских Гривах

Заслушав сообщение начальника РУМ т. Быкова о том, что на спецпоселке Коломинские Гривы имеет место массовая смертность детей спецпереселенцев в яслях и на дому после принесения из ясель (в детяслях умерло 11 детей из 16 находившихся в одной комнате, кроме этого, 13 детей лежат смертельно больными), бюро РК констатирует возмутительное поведение поселкового коменданта Щербинина, до сих пор не сигнализировавшего о свирепствовавшей эпидемии. Бюро РК считает недопустимым тот факт, что, кроме случайно захватившего на спецпоселок участкового инспектора РУМ, ни одна организация не обратила внимание на существующее положение в детяслях и вообще свирепствующую эпидемию среди детей в этой комендатуре. Особенно медперсонал, врач Образцов, даже не бывал в этой комендатуре, и неизвестно, какая именно эпидемия свирепствует в комендатуре.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 30, л. 125

Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

22 ноября 1933 г.

О состоянии больничной помощи в округе

За последние годы, и особенно с начала организации Нарымского округа, здравоохранение достигло значительных результатов как в отношении роста лечебно-профилактических учреждений, так и в отношении качественного улучшения и дифференцирования больничной помощи населению округа... Больничная сеть с 7 больниц в 1930 г. возросла до 18, фельдшерско-акушерских пунктов вместо 8-ми в 1930 г. стало 27. В

Колпашево с 15 ноября 1930 г. развернута окружная поликлиника на 8 специальных приемов, открыт зуботехнический кабинет, сангигиеническая лаборатория, пастеровский кабинет, закуплено полное оборудование рентгентехники.

Там же, д. 17, л. 209

«Значительные результаты» здравоохранения могла ощутить лишь местная номенклатура. Помимо медицинской помощи на месте причисленные к «партактиву» имели еще возможность укреплять свое здоровье в санаториях и на курортах. Что же касается спецпереселенцев, то именно в те годы их смертность была громадной. Людей косили голод, сыпной и брюшной тиф, цинга, дизентерия, малярия... Братские могилы в спецпоселках копали «впрок» с осени, ибо обессилевшие люди не в состоянии были долбить зимой мерзлую землю.

27

Из воспоминаний Вениамина Макаровича Курченкова, сосланного в Нарымский округ из Алтайского края в 1931 г.

Весной 1931 года по берегам таежной необжитой Кети было расселено, точнее, обречено на гибель или самовывживание около двадцати тысяч раскулаченных крестьян, сосланных из хлебородных мест Алтая и Барабинских степей. Очутившись в заболоченной тайге без крыши над головой, при огромном скопище гнуса, люди оказались в каторжных условиях. Питались болтушкой с малой толикой муки, травой, молодыми побегами кустарника, и при этом надо было корчевать лес, строить избушки... Началась массовая смертность. В большинстве своем семьи были многодетные, в первую очередь страшные муки терпели дети. Не менее мучительно было их матерям, которые не в силах были своих детей спасти. Вымирали целиком семьи. В поселках Городецк, Палочка, Суйга, Проточка из семи тысяч восьмисот высланных туда людей через два года в живых осталось около двух тысяч. В поселке Восточка, куда были при-

везены люди с Горного Алтая, не приспособленные к нарымскому климату, вымерли все поголовно.

Из одиннадцати человек нашей семьи за полтора года умерло семеро. В детском доме, где я, осиротев, воспитывался, было около двухсот ребятишек, и все это были осиротевшие дети «кулаков». В каждой комнате детского дома висел лозунг: «Спасибо любимому Сталину за наше счастливое детство». Многие чудом оставшиеся в живых ребятишки должны были благодарить вождя за то, что он «осчастливил их», оставив без отцов и матерей...

Фонд Музея социально-политической истории г. Томска

Свидетельства тех, кто с малых лет был спецпереселенцем, кто хоронил в братских могилах матерей, сестер, братьев... С каждым годом остается все меньше переживших то страшное время. Казалось бы, к их воспоминаниям не нужны комментарии, сегодня не нужно никого убеждать в дикой бесчеловечности того, что творилось под призывавшими к светлому будущему лозунгами. Но увы, и сегодня бытует представление, что «так было надо»...

Вот что написала в Томское общество «Мемориал» Антонина Николаевна (фамилии своей она не указала) из Чаинского района: «Кто был сослан, те были кулаки, которые все время везде вредили. Тот же кулак пишет, чтобы его оправдали сейчас. Тот же враг народа...» Строки из другого письма без обратного адреса: «Нас гораздо больше, чем тех, кто так яростно ратует за воспоминания. Кто произвел этот шквал из середины 30-х годов? Зная дурную привычку кидаться на все новое, словно голодный волк, кто-то в определенных кругах специально завел нас далеко назад, чтобы отвлечь народ от действительности... На постройку памятника жертвам репрессий собирают деньги и указывают счет, куда их вносить. А это уже похоже на нищего, протягивающего руку...» И еще одна выдержка из письма от Т.К. Кривенко из Томска: «Я тоже за Сталина. Я не считаю себя должником деревни, и нечего оплакивать деревни Сталинского времени, что их обижали. История рассудит».

Как хотелось бы сказать, что она уже рассудила, но, слыша истошный клич «Я за Сталина!», убеждаешься, что точку в споре ставить рано. За семь десятилетий людей отучали сопереживать чужой боли. Горько, когда сегодня среди митингующих с порт-

ретами Сталина видишь много стариков, отчего подчас начинает казаться, что большинство пожилых людей готовы ревностно продолжать его дело. Если бы могли восстать из могил миллионы погибших за колючей проволокой и в спецпоселках, если бы могли подняться расстрелянные и уморенные голодом, если бы они, превращенные в лагерную пыль и истлевшие в братских могилах, встали плечом к плечу, какая бы возникла необозримая шеренга! От стога их содрогнулась бы земля... Но эти люди давно молчат, их рты забиты землей. Только архивные документы доносят до нас голоса прошлого. Выцветшие строки, казенный язык, жестокое, безжалостное время...

28

Призывы к 1 Мая 1933 г., разосланные в райкомы ВКП(б)

Крепче удар по кулаку, жулику, лодырю!
Усилим внимание коню, корове, свинье, кролику!
Томящимся в тюрьмах узникам капитала,
жертвам фашистского террора —
пламенный пролетарский привет!
Да здравствует вождь ВКП(б) тов. Сталин!

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 19, л. 22

29

Из письма Запсибкрайкома ВКП(б) всем окружным, городским и районным комитетам ВКП(б) Западно-Сибирского края

8 апреля 1933 г.

О недостатках и извращениях по укреплению колхозов

Решениями партии и указаниями тов. Сталина исключительное, важнейшее внимание сосредоточено деревенскому участку работы. В качестве главной задачи партии по работе в де-

ревне поставлено «укреплять колхозы организационно, вышибить оттуда вредительские элементы, подобрать настоящие проверенные большевистские кадры для колхозов и сделать колхозы действительно большевистскими». В борьбе за проведение в жизнь этой задачи парторганизации края развернули и провели в настоящее время немалую положительную работу. Не одна сотня кулацких вредительских и прочих антиобщественных элементов разоблачена и вышиблена из колхозов и получила суровую пролетарскую кару за свои преступные действия и проделки.

...Крайком требует исключительное внимание сосредоточить на следующем:

а) Незамедлительно в каждом конкретном случае пресекать какие-либо попытки и тормозы в деле укрепления и оздоровления колхозов. Лиц, допускающих перегибы и извращения, немедленно привлекать к строжайшей партийной ответственности.

б) Дальнейшая работа по превращению колхозов в подлинно большевистские должна быть направлена, во-первых, по линии улучшения и подъема массово-политической работы в колхозах вокруг мероприятий на успехи посевной, укрепления животноводства, мобилизации средств и прочих хозяйственно-политических мероприятий и, во-вторых, путем проверок и укрепления деятельности судебно-карательных органов по изъятию из колхозов контрреволюционных, вредительских и антиобщественных элементов и принятию необходимых репрессий к ним за совершенные преступления...

Секретарь Запсибкрайкома ВКП(б)

Эйхе

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 25, л. 24

30

Из письма секретаря Запсибкрайкома
ВКП(б) Р.И. Эйхе секретарю Нарымского
окружкома ВКП(б) К.И. Левицу

1 апреля 1933 г.

Наряду с широко развернутой массовой работой за выполнение в срок налоговых заданий примените к злобно не исполняющим налоговых заданий репрессии, установленные зако-

ном, не превращая эти репрессии в игрушку, как это отмечается в ряде районов, когда за несдачу мяса или масла накладывают грошовые штрафы, которые потом возвращаются оштрафованному.

Те горкомы и райкомы, которые, несмотря на ряд жестких указаний крайкома, не возьмутся за исправление прорывов на участке выполнения налоговых заданий, объективно становятся в ряды пособников кулацкого саботажа.

Там же, л. 26

Принудительная массовая коллективизация и последовавшее через какое-то время исправление «право-левацких загибов» не поддаются здравой логике. У тех, кто не хотел вступать в колхоз, описывали имущество, а самих их отправляли в ссылку. Тех «кулаков» и «середняков», которые, добровольно отдав все, что имели, вступили в колхоз, через год-два «выявляли» и «вышибали» из колхозов. Класс был уничтожен, теперь уничтожали за бывшую принадлежность к нему. Куда было податься мужику? Неумолимо надвигалось ужесточение репрессий, увеличение их масштабов, повсюду шел поиск «врагов».

31

Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

8 апреля 1933 г.

Учитывая, что выявленные в колхозах кулаки, особенно Кривошеинского, Чаинского и Колпашевского районов, активизируются и развертывают работу, срывающую организационно-хозяйственное укрепление колхозов на территории Нарымского округа, поручить тт. Нелюбину, Таюрскому в суточный срок уточнить количество выявленных кулацких хозяйств в округе и подработать вопрос о местности для их выселения внутри округа. Просить крайком партии санкционировать выселение внутри выявленных кулаков, присоединяя их к спецпереселенцам и направляя в более отдаленные места нашего округа.

Там же, д. 15, л. 7

Согласно Советскому Энциклопедическому Словарю, «процесс добровольного объединения мелких единоличных крестьянских х-в в крупные кооперативные социалистич. х-ва (колхозы)*» к концу 1932 года был в основном завершен. Однако архивные документы свидетельствуют, что, несмотря на все карательные меры, масса крестьян не желала вступать в колхозы. Поэтому интенсивно продолжались «раскулачивание» и «освоение северных районов Нарымского округа спецпереселенцами».

32

Из протокола заседания бюро Чаинского РК ВКП(б)

30 июня 1933 г.

Предложить форсировать строительство пекарен, заразных барачных и прочих необходимых построек для приема трудпоселенцев, обязать участкового коменданта назначить пос[елковых] комендантов намеченных к заселению новых территорий.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 30, л. 135

33

Из протокола заседания бюро Чаинского РК ВКП(б)

10 июля 1933 г.

В суточный срок весь план операции перестроить в разрезе новых контрольных цифр вселения: Галка — 18 500, Парбиг — 5000, Тоя — 8000. Все работы землеустроительных партий переклЮчить главным образом на точки, которые вселяются в первую очередь. Участки же, которые отойдут от заселения ко-

* Советский Энциклопедический Словарь, с. 600.

личеством прибывающих контингентов, оставить за комендатурой как запасные.

Там же, л. 142

34

Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

22 октября 1933 г.

О состоянии детских домов Сиблага ОГПУ

Детские дома чрезвычайно перегружены (сверх комплектов в Гришкинском, Тогурском, Чижапском, Крыловском и Новиковском детдомах — 470 человек). Помещения в большинстве случаев мало приспособлены, местами темные холодные бараки... Недостает летней обуви 800 пар, верхней одежды 700 комплектов, столовой посуды 900 комплектов. Совершенно отсутствует для всего контингента детей зимняя одежда... Питание остается низкой калорийности из-за отсутствия животных жиров... Имеются случаи инфекционных заболеваний.

Там же, д. 71, л. 159

Находясь на спецпоселении, слышал я от ранее сосланных на Васюган «спецов» о ссыльных крестьянах, сопротивлявшихся насилию властей молчанием, за что и назвали их молчанами. На артельную работу они не выходили, ни с кем не разговаривали, молчали и истово молились. Сосланных откуда-то с Алтая, их было много в Среднем Васюгане. Но борьба их с властью была недолгой, люди эти были заведомо обречены... Однажды зимой в начале 30-х годов комендатурой было велено всех молчан отправить без малого за пятьсот километров, в центр Нарымского округа, в Колпашево. Назначенные возчиками мужики из местных спецпереселенцев заходили к подлежащим отправке богомольцам в избы, вытаскивали их волоком или выносили на руках на улицу и отрешенных от всего, кое-как одетых мужиков и баб сажали и клали в розвальни. Через распахнутые двери стлался по полу в опустевшие избы морозный пар...

Велено было везти быстро. В пути лошадей и возчиков меняли и спешно гнали обоз дальше. Сопровождавшие этап конвойные ехали на своих упряжках. Один из возчиков рассказывал мне, что у одного из молчан по дороге слетела с головы шапка, но голоса тот не подал, так и везли его с заиндедевшими волосами...

Можно лишь полагать, что дальше Колпашева молчан не отравили, и в 70-х годах полноводная Обь, обрушив берег, вымыла их останки вместе с останками сотен других людей, погибших насильственной смертью в приснопамятном Колпашевском Яру. Имена тех молчан сегодня ведомы лишь Господу Богу...

35

Из письма Краевого земуправления
секретарям РК ВКП(б),
директорам и начальникам политотделов
МТС и совхозов

21 ноября 1933 г.

Строительство и укрепление совхозов, МТС и колхозов, применение новейших агрозоотехнических мероприятий для поднятия урожайности и расширения воспроизводства поголовья стада происходят в обстановке ожесточенной классовой борьбы с кулацким элементом в деревне и их агентами — вредителями из лагеря буржуазных ученых и всякого рода оппортунистов. Крайкомом ВКП(б) вскрыты и разгромлены «теории» в области агротехники, селекции и животноводства, которые в ряде мест пустили глубокие корни...

Кулацкие элементы деревни, пользуясь притуплением классовой бдительности со стороны отдельных коммунистов, недостаточным уровнем технических знаний колхозных и совхозных масс, «тихой сапой» пытаются протащить в практику колхозов и совхозов вредительские установки в области агрозоотехники, направленные на срыв решающих задач в социалистическом сельском хозяйстве...

Секретарь Запсибкрайкома ВКП(б)
Начальник политсектора МТС КрайЗУ

*Николаева
Сергеев*

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 25, л. 53

Из протокола заседания бюро Чаинского РК ВКП(б)

3 августа 1933 г.

О мнимом восстании в Тигинском сельсовете (паника, основанная на кулацких слухах)

Констатировать, что никаких предпосылок к восстанию в Тигинском сельсовете не было и нет, что подтверждено детальной проверкой райотделением ОГПУ. Пьяный пос. комендант, кандидат ВКП(б) Тюрин Р.М. и председатель Тигинского сельсовета кандидат ВКП(б) Ломаев горячо подхватили кулацкие слухи о том, что в тайге ходят группы вооруженных людей (ходили крестьяне в тайгу определять урожайность ореха и принесли в сельсовет акты об урожае ореха, такая работа проводится по всем сельсоветам района). Тюрин и Ломаев собрали колхозников с ружьями, организовали литье пуль, послали нарочного в райотдел ГПУ, где пишут прямо: «Просим оказать помощь в ликвидации вооруженного восстания». Тюрин бежал по поселку Третья Тига и гонял на лошади с обнаженным наганом. Приехавший в Третью Тигу кандидат бюро РК ВКП(б) зав. культпропом Авилушкин и зам. зав. райфо Бурмантов не приняли никаких мер к ликвидации паники, а, наоборот, приняли деятельное участие в сколачивании боевого отряда, разбили людей на три отделения, назначили командиров, послали нарочного в Бакчарскую ячейку ВКП(б) с предложением о высылке вооруженных партийцев и комсомольцев в Тигу для участия в подавлении вооруженного восстания. Причем никто из перечисленных товарищей не решился выслать разведку для выявления сил противника. Таким образом оторвали колхозников Тигинского сельсовета и актив Бакчарского сельсовета от работы на одни сутки, чем еще углубили прорыв на сеноуборочной и силосной кампании. Слух о восстании схватил Тигинский, Бакчарский и Варгатерский сельсоветы.

Там же, д. 30, л. 172

Как говорится, у страха глаза велики. И все же хочется сделать один комментарий: и в данном случае головотяпство местных начальников не преминули свалить на «кулаков». Слухи-де «кулацкие»...

1933-й — первый год второй пятилетки, во время которой «в СССР в основном должно было быть завершено построение социалистического общества»; так постановил XVII съезд ВКП(б), — начался с введения паспортной системы. Паспортизация давала возможность выявить тех, кто по какой-то причине скрывался от властей, и воспрепятствовать стихийному перемещению сотен тысяч людей, сбежавших из обнищавших и голодных деревень в города. Выявленный посредством паспортизации «декласированный элемент», дабы он не портил радужную картину «завершения построения», большевистская власть решила выслать подальше в Сибирь. Документы свидетельствуют, что первоначально в Западно-Сибирский край (а следовательно, в определенный здесь местом для массовых ссылок Нарымский округ) предполагалось выселить миллион человек. Однако с февраля по июнь контрольные цифры неоднократно менялись. В конечном счете остановились на ста тысячах.

В марте 1933 года в городах начались массовые облавы. Людей хватили на улицах и вокзалах и загоняли в подготовленные для отправки в Сибирь железнодорожные эшелоны. Вакханалия и царивший произвол во время этой акции противоречат здравому смыслу... К середине мая в Томскую пересыльную тюрьму было доставлено более 25 тысяч человек из Москвы, Ленинграда, Сочи, с Северного Кавказа, Нижней Волги и из других мест. Среди скученных в холодных помещениях «складского типа» людей уже было много истощенных и больных.

Лишь только сибирские реки в верхнем течении очистились ото льда, ссыльных начали грузить в трюмы барж и отправлять на север. В пути люди не получали горячей пищи, в трюмах имелись только кадки для питьевой воды и параши, да еще загодя были сколочены дощатые перегородки, отделявшие мужчин от женщин. Начальнику каравана был дан приказ безостановочно следовать по Оби к месту разгрузки, в Александровско-Ваховскую комендатуру. На палубу людей не выпускали. Такой порядок уже был отработан во время доставки к местам спецпоселений раскулаченных крестьян. В отличие от них, уже тысячами погибавших по берегам таежных рек, ссыльных, которых везли сейчас, именовали «элементом городского типа» (очень нравилось изобретателям новых советских терминов это слово — «элемент»). Одновременно в лексикон тех, кто планировал массовые репрессии, вошло и понятие «новый контингент»,

впоследствии применявшееся для определения массы людей, со-
сланных из Западной Белоруссии, Прибалтики, Западной Буко-
вины и Бессарабии.

А тогда, весной 1933-го, низко осевшие баржи плыли вслед
за уносимыми к Ледовитому океану последними таявшими
льдинками и измученные люди в темных душных трюмах не
ведали, какая их ожидает судьба.

37

Из письма В.А. Величко* И.В. Сталину,
секретарю Запсибкрайкома Р.И. Эйхе и
секретарю Нарымского окружкома ВКП(б)
К.И. Левицу

22 августа 1933 г.

(Орфография и пунктуация подлинника сохранены)

29 и 30 апреля этого года из Москвы и Ленинграда были
отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассиро-
ванных элементов. Эти эшелоны, подбирая по пути следования
подобный же контингент, прибыли в г. Томск, а затем на баржах
в Нарымский округ.

18 мая первый и 26 мая второй эшелоны, состоя из трех
барж, были высажены на реке Оби у устья р. Назина, на остров
Назина, против остяцко-русского поселка и пристани этого же
названия (Александровский район, северная окраина Нарым-
ского округа).

* Надо отдать должное работавшему тогда инструктором Нарымского окруж-
ного комитета ВКП(б) Василию Арсентьевичу Величко, осмелившемуся написать
это письмо, которое спасло от гибели какое-то количество людей. Не будь этого
письма и созданной в результате него комиссии, вообще многое в той трагедии
осталось бы неизвестным. Впоследствии Величко обратился еще с одним пись-
мом в высокие инстанции по поводу бедственного положения аборигенов, однако
на сей раз Нарымскому окружкому удалось сохранить честь своего мундира. На
чересчур ретивого инструктора начались гонения... Вынужденный уйти с работы,
Величко в последние годы своей жизни стал литератором. Он автор нескольких
книг: «В большом снежном мире», «Лось с серебряной цепью» и др. Выдержки
из письма В.А. Величко Сталину, а также из приведенной далее докладной запи-
ски в ЦК ВКП(б) использованы из публикации В.Г. Фаста «Остров смерти» в
томской газете «Народная трибуна» (март—апрель 1993 г.).

Первый эшелон составлял 5070 человек, второй — 1044. Всего 6114 человек. В пути, особенно в баржах, люди находились в крайне тяжелом состоянии: скверное питание, скученность, недостаток воздуха, массовая расправа наиболее отъявленной части над наиболее слабой (несмотря на сильный конвой). В результате — помимо всего прочего — высокая смертность. Например, в первом эшелоне она достигала 35–40 человек в день...

Первый эшелон пристал к острову в прекрасный солнечный день. Было очень тепло. В первую очередь на берег были вынесены до сорока трупов, и потому что было тепло, а люди не видели солнца, могильщикам было разрешено отдохнуть, а затем приступить к своей работе. Пока могильщики отдыхали, мертвецы начали оживать. Они стонали, звали о помощи, и некоторые из них поползли по песку к людям. Так, из этих трупов ожили и стали на ноги 8 человек.

Жизнь в баржах казалась роскошью, а пережитые там трудности сущими пустяками по сравнению с тем, что постигло эти оба эшелона на острове Назина (здесь должна была произойти разбивка людей по группам для расселения поселками в верховьях р. Назиной). Сам остров оказался совершенно девственным, без каких [бы] то ни было построек. Люди были высажены в том виде, в каком они были взяты в плен в городах и на вокзалах: в весенней одежде, без постельных принадлежностей, очень многие босые.

При этом на острове не оказалось никаких инструментов, ни крошки продовольствия, весь хлеб вышел и в баржах, поблизости также продовольствия не оказалось. А все медикаменты, предназначенные для обслуживания эшелонов и следовавшие вместе с эшелонами, были отобраны еще в г. Томске.

Такое положение смутило много товарищей, сопровождавших первый эшелон [в] 5070 ч[еловек] (дело в том, что еще в баржах многие из-за недостатка хлеба голодали). Однако эти сомнения комендантом Александровско-Ваховской участковой комендатуры Цыпковым были разрешены так: «Выпускай... Пусть пасутся».

На второй день прибытия первого эшелона, 19 мая, выпал снег, поднялся ветер, а затем [ударил] мороз. Голодные, истощенные люди, без кровли, не имея никаких инструментов и в главной своей массе трудовых навыков и тем более навыков организованной борьбы с трудностями, очутились в безвыходном положении. Обледеневшие, они были способны только жечь костры, сидеть, лежать, спать у огня, бродить по острову

и есть гнилушки, кору, особенно мох и пр. Трудно сказать, была ли возможность делать что-либо другое, потому что трое суток никому никакого продовольствия не выдавалось. По острову пошли пожары, дым.

Люди начали умирать.

В первые сутки после солнечного дня бригада могильщиков смогла закопать только 295 трупов, неубранных оставив на второй день. Новый день дал новую смертность, и т.д.

Сразу же после снега и мороза начались дожди и холодные ветра, но люди еще оставались без питания. И только на четвертый или пятый день прибыла на остров ржаная мука, которую и начали раздавать трудпоселенцам по несколько сот грамм[ов].

Получив муку, люди бежали к воде и в шапках, портянках, пиджаках и штанах разводили болтушку и ели ее. При этом огромная часть их просто съедала муку (так как она была в порошке): падали и задыхались, умирали от удушья.

Всю свою жизнь на острове (от 10 до 30 суток) трудпоселенцы получали муку, не имея никакой посуды. Наиболее устойчивая часть пекла в костре лепешки. Кипятка не было. Кровом оставался тот же костер. Такое питание не выправило положения. Вскоре началось изредка, а затем в угрожающих размерах людоедство. Сначала в отдаленных углах острова, а затем — где подвертывался случай.

Однако наряду с этим известная часть жила сносно, хотя и не имела, как и все, жиров, а одну муку. Такое положение объяснялось методами организации всех этих людей. На острове был комендант (Шихилев), стрелки ВОХР и медработники и, конечно, каптенармусы. Наряду с людоедством комендатурой острова были зарыты в землю тысячи килограммов муки, т.к. она находилась под открытым небом и испортилась от дождей. Даже та мука, которая выдавалась трудпоселенцам, попадала не всем. Ее получали т.н. бригадиры, т.е. отъявленные преступники. Они получали мешки муки на «бригаду» и уносили их в лес, а бригада оставалась без пищи. Неспособность или нежелание организовать обслуживание людей дошло до того, что, когда впервые привезли на остров муку, ее хотели раздавать пятитысячной массе в порядке индивидуального, живой очереди. Произошло неизбежное: люди сгрудились у муки, и по ним была произведена беспорядочная стрельба. При этом было меньше жертв от ружейного огня, чем затоптано, смято, вдавлено в грязь...

Образовались мародерские банды и шайки, по существу царившие на острове. Даже врачи боялись выходить из своих палаток. Банды терроризировали людей еще в баржах, отбирая у трудпоселенцев хлеб, одежду, избивая и убивая людей. Здесь же, на острове, открылась настоящая охота, и в первую очередь за людьми, у которых были деньги или золотые зубы и коронки. Владелец их исчезал очень быстро, а затем могильщики стали зарывать людей с развороченными ртами.

Мародерство захватило и некоторых стрелков, за хлеб и махорку скупавших золото, платье и др. По острову установились цены: новое пальто — $\frac{1}{2}$ булки или 1 пачка махорки; 1 пач[ка] махорки — 300 руб., два золотых зуба или четыре коронки или два золотых. Моментами, стимулирующими эту сторону и усиливающими смертность, явилось отсутствие какого бы то ни было физического производительного труда. За все время пребывания на острове трудпоселенцы ничего не делали. Тот, кто не двигался или мало делал движений, умирал.

В такую обстановку попал и второй эшелон, быстро воспринявший порядки острова. В конце мая (25–27) началась отправка людей на т.н. участки, т.е. [в] места, отведенные под поселки.

Участки были расположены по р. Назина за 200 километров от устья: [к ним] поднимались на лодках. Участки оказались в глухой необитаемой тайге, также без каких бы то ни было подготовительных мероприятий. Здесь впервые начали выпекать хлеб в наспех сооруженной одной пекарне на все пять участков. Продолжалось то же ничегонеделание, как на острове. Тот же костер, все то же, за исключением муки. Истощение людей шло своим порядком. Достаточно привести такой факт. На пятый участок с острова пришла лодка в количестве 78 человек. Из них оказались живыми только 12.

Смертность продолжалась.

Участки были признаны непригодными, и весь состав людей стал перемещаться на новые участки, вниз по этой же реке, ближе к устью.

Бегство, начавшееся еще на острове (но там было трудно: ширина Оби, шел еще лед), здесь приняло массовые размеры. На одном из участков в ясные зори слышалась отдаленная гармонь, крик петуха и звуки, подобные гудку. Это был крохотный поселок, от которого участки отделяло непроходимое болото. Люди, не зная, где они, бежали в тайгу, плыли на плотках, погибали там или возвращались обратно.

После расселения на новых участках приступили к строительству полуземляных барачков, вошебоек и бань только во второй половине июля. Здесь еще были остатки людоедства, и на одном из участков (№ 1) закапывались в землю испорченные мука и печ[еный] хлеб, портилось пшено на другом (уч. № 3).

Жизнь начинала входить в свое русло — появился труд, однако расстройство организмов оказалось настолько большим, что люди, съедая по 750–800–900–1000 грамм[ов] [паек] хлеба, продолжали заболеть, умирать, есть мох, листья, траву и пр. Наряду с присылкой сюда прекрасных коммунистов, взявшихся за дело как следует, оставались комендантами и стрелками разложившиеся элементы, творившие над трудпоселенцами суд и расправу: избиения, узурпаторство, убийства людей, — бездушные в отношении к ним, мат и произвол — нередкие явления. [Приведу] такие факты. Коменданты Власенко и Понасенко избивали трудпоселенцев. Стрелок Головачев за похищение одной рыбины в пути следования лодки избил трудпоселенца и приказал ему умыться. Когда это было выполнено, приказал прыгнуть с лодки. Трудпоселенец прыгнул и утонул... Комендант Сулейманов, кроме того что избивал людей при выдаче трудпоселенцам сахара, поедая его (на глазах у всех) в невероятно больших количествах и теперь, по его собственному заявлению, потерял всякий вкус. Помимо этого он брал гребцов-трудпоселенцев и катался на лодке.

Будь люди поворотливее, смертность можно было бы сократить до минимума, т.к. она происходила главным образом от поноса. Однако, несмотря на строжайшие приказы командования, сухари больным не выдавались, тогда как сухарь спас бы сотни людей, потому что отсутствовали всякие медикаменты, ощущалась потребность в вяжущих (против поноса) средствах. При этом огромный запас галет лежал в палатках и [на] базах, т.к. не было указания, могут или нет пользоваться этими галетами больные. Такая история случилась и с сушеной картошкой, и с листовым железом, тогда как наступили осенние холода, а больные лежали в палатках, а затем в бараках без окон и дверей. Можно привести факты прямой провокации: несмотря на то, что поселки в тайге, больные лежали на земле, а та часть, которая не помещалась на нарах из палок, лежала на мху, в котором немедленно заводились черви. Или (другой пример): обмундирование висело в складах, а люди голы, босы, заедались сплошной вшивостью.

Нужно заметить, что все описанное так примелькалось начсоставу и работникам большинства участков, что трупы, кото-

рые лежали на тропинках, в лесу, плыли по реке, прибивались к берегам, уже не вызвали смущения. Более того, человек перестал быть человеком. Везде установилась клчка и обращение — ШАКАЛ.

Нужно отдать справедливость, что взгляд этот последовательно осуществлялся в ряде случаев. Например, 3 августа с Назинской базы на уч. № 5 была отправлена со стрелком т. Шапита лодка с людьми. Их нигде не снабдили, и они оставались голодом, проезжая участки, прося хлеба. Им нигде не давали, а из лодки на каждом участке выбрасывали мертвых. На 5-й участок прибыло 36 ч[еловек], из них мертвых 6 человек. Сколько человек выехало, так и не удалось установить.

В результате всего из 6100 чел[овек], выбывших из Томска, и плюс к ним 500–600–700 чел[овек] (точно установить не удалось), переброшенных на Назинские участки из других комендатур, на 20 августа осталось 2200 человек.

Все это, особенно остров, осталось неизгладимой метой у всех трудпоселенцев, даже у отъявленного рецидива, выдавшего виды на своем веку. Остров прозван Остров смерти, или Смерть-остров (реже — Остров людоедов). И местное население усвоило это название, а слух о том, что было на острове, пошел далеко вниз и вверх по реке.

ГА НО, ф. 3-П, оп. 1, д. 540а, лл. 89–100

38

Из докладной записки комиссии
Запсибкрайкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б)
Я.Э. Рудзутаку и Запсибкрайком ВКП(б)
Р.И. Эйхе

[1933 г.]

По поручению Западно-Сибирского краевого комитета партии комиссия в составе тт. Ковалева М. И. (крайКК), Курдова (краевая прокуратура), Сорокина (ПП ОГПУ), Арнаутовского (представителя «ГУЛАГа»), ознакомившись и исследовав на месте все факты, изложенные в известном ЦК и крайкому письме тов. Величко, установила, что приведенные факты в письме в основном подтвердились.

...Последующее переселение всех людей с острова Назино производилось в течение июня месяца на отведенные участки

по речке Назино; причем надо отметить, что и на этих участках также ничего не было приготовлено в смысле строительства для размещения людей, которые бы там могли жить в примитивных барачно-земляных жилищах. Люди на отведенных участках также жили у костров, в шалашах, землянках, прикрытых ветвями, травой и дерном, и только при вторичном переходе на новые участки, ближе к устью реки Назино, было развернуто строительство барачков полужемляного типа. Это относится уже к концу июля месяца.

Естественно, что в таких условиях продолжались заболеваемость и смертность людей.

Как на самом острове, так и при переселении на Назинские участки наблюдались массовые побеги. Люди бежали, или, делая примитивные плоты из жердей и бревен, на них спускались по речке Назино к Оби, или же уходили группами в тайгу. Впоследствии по берегам речки Назинской и р. Оби было выловлено очень много трупов. Также находили трупы в тайге, около озер и в болотах.

По приезду в окружной центр Колпашево комиссия устроила совещание узкого актива, членов бюро, президиума окрКК, и на этом совещании были заслушаны информации всех организаций, связанных с делом расселения, и о событиях на острове Назино, о положении трудпоселенцев на местах в данное время. Надо отметить, что как в этих информациях, так и в материалах окружных организаций мы не услышали сведений, говорящих о тяжелом положении трудпоселенцев в данное время; скорее, получилось так, что окружные организации не знали действительного состояния, ибо мы обнаружили потом, что это для представителей округа, ездивших с нами на участки, явилось большой неожиданностью.

27/IX — при помощи Березовской пересыльной базы нами обнаружена была группа в 682 чел. трудпоселенцев, присланных 14/IX из Томской пересыльной комендатуры для размещения в Колпашевской комендатуре. Группа состояла из детей до 14 лет — 250 человек, подростков — 24 человека, мужчин — 185 и женщин — 213 человек. Эта группа была размещена частью в холодном полузакрытом сарае, а частью прямо под открытым небом около костров. Среди них было много больных, и за 13 дней уже умерло 38 человек. Мы немедленно дали указания коменданту о переселении этих людей на постоянные участки, а также сообщили в окружной центр, с тем чтобы была организована следственная комиссия по выяснению виновни-

ков в безобразной отправке людей и отбору неправильно высланных.

По нашему сообщению распоряжением тов. Алексеева райкомендант Бейман отдан под суд за березовскую историю.

По прибытии в Александровский район мы посетили остров Назино. При осмотре его мы там нашли только 31 братскую могилу. По заявлению местных работников комендатуры и райкома партии, в каждой из этих могил зарыто от 50 до 70 трупов. Вообще же учета, какое точно количество людей похоронено на острове Назино и кто именно по фамилиям, — таких сведений нет.

При посещении комиссией назинских участков (их к приезду комиссии было 4) мы натолкнулись на такие возмутительно-безобразные факты жизни трудпоселенцев на этих участках, которые являются своего рода продолжением той же назинской истории, но только не на острове, а уже на участках, предназначенных для постоянного обжития их поселенцами.

В полуземляных бараках мы обнаружили большую скученность людей, полураздетых, истощенных, грязных. К нам посыпалась куча словесных заявлений, что их плохо кормят, что они раздеты и разуты, что с ними грубо обращаются охраняющие их стрелки и так называемая «самоохрана», а от многих посыпались заявления, что они совершенно напрасно и невинно сюда высланы, как не имеющие никакой судимости и не привлекавшиеся к ответственности, имевшие паспорта.

Внутреннее оборудование бараков заключалось в том, что были устроены нары из жердей и поставлены железные печи или выложены каменки, причем люди кучей грелись около этих печей, а не сидели на нарах. На нарах отсутствовали какие бы то ни было признаки постельных принадлежностей, на них не было даже в достаточном количестве травы, люди в изорванной грязной одежде, свернувшись, лежали на голых жердях и кучками ютились и грелись около печей. Снаружи около бараков там и тут были разведены костры, вокруг которых также кучками сидели и грелись люди. На наш вопрос, почему они греются вокруг костров, а не идут в бараки, они отвечали, что в бараках холодно, а около костров теплее. Местная же администрация объясняла это просто привычкой этих людей, что они, дескать, и в прошлом привыкли всегда жить около костров.

При осмотре бараков, в которые были помещены больные, мы обнаружили точно такую же картину преступно-безобразного отношения к содержанию больных, которые лежали впо-

валку точно на таких же нарах из жердей, с той лишь разницей, что они лежали не на голых нарах, а на траве, которая, видимо, не менялась по нескольку дней, а может быть, и недель и представляла собой сплошной навоз, издающий удушливый, вонючий запах. Больные были по преимуществу интрики, цинготники, туберкулезники, венерики, просто истощенные, покрытые язвами, ранами и т.д.

...Нами немедленно были даны распоряжения участковым комендантам о повышении нормы выдачи больным и слабым, а также и об улучшении общего котлового довольствия поселенцам. Возможности в этом отношении оказались вполне реальными, ибо при последующей проверке складов районной комендатуры мы обнаружили постное масло, сухие грибы, большое количество галет. На наше замечание, почему люди разуты и раздеты, оборванные и грязные, мы получили ответ, что нет обмундирования, что на запросы это обмундирование не присылают. А при осмотре складов районной комендатуры нами обнаружены лежащие с июля месяца 100 комплектов обмундирования, детские костюмы.

...При последующих посещениях других участков расселения трудпоселенцев в Новый Путь Верх-Панинского участка мы там обнаружили точно такую же картину состояния трудпоселенцев: наличие множества больных, слабосильных и большую смертность.

Одновременно нами были выявлены факты грубого, бесчеловечного обращения с поселенцами со стороны отдельных комендантов, стрелков и самоохранников. Так, например, в поселке Верх-Паня комендант Царапкин занимался избиением трудпоселенцев, а стрелок Болонкин от него в этом не отставал.

Нормы довольствия безобразно регулировались и были низки. Мы встретились с таким фактом: если по тем или иным причинам, по слабости здоровья, заболеванию, трудпоселенец отказывался идти на работу и не имел записки от лекпома или фельдшера, что он освобожден от работы, то такой трудпоселенец не только наказывался карцерным положением, но и лишался полного довольствия и получал заниженную норму хлеба от 200 до 150 граммов в сутки, без горячей пищи, а выдаваемые записки врачебным персоналом об освобождении сплошь и рядом комендантами и стрелками игнорировались.

Одновременно по всем участкам расселения трудпоселенцев комиссией был организован специальный разбор заявлений о неправильно высланных. Таких заявлений было разобрано 914. Через комиссию прошло живых людей 840 человек. Из этого количества было освобождено 174 человека, направлено людей для дополнительной проверки в Новосибирск — 231 человек, отказано — 51 человек и направлено заявлений для проверки через аппарат Сиблага — 240.

Надо сказать, что комиссия при сборе заявлений, в беседах и опросе лично отдельных заявителей наталкивалась на факты, указывающие на явное нарушение ревзаконности со стороны центральных организаций, ведавших задержанием и отбором людей для направления на трудпоселение.

Ниже приводим список лиц, неправильно высланных, наиболее характерных:

1. Иванов Иван — инженер, работает на Канавинском котло-турбинном заводе в Нижнем Новгороде, приехал в командировку в Москву — котлоуправление, где и был задержан.

2. Овласевич — инженер, техдиректор авиазавода в г. Москве; был задержан на Ленинградском шоссе при выходе из трамвая.

3. Вяхирев Николай Петрович — инженер, геодезист, окончил Московский межевой институт; с 1928 года работал в Уральской области; с 1932 года служит в Москве, Мособлпроект (Мясницкая, 43); арестован 28/IV у Покровских ворот, когда шел к сестре.

4. Булыгин Григорий Иванович — 1906 г. [рождения], работал чернорабочим в Москве, на кистевязальной фабрике (Семеновская ул., 22, Пролетарского района), имеет паспорт, арестован, когда вышел за покупкой хлеба; паспорт выдан 33-м отделением милиции.

5. Воронин Сергей Андреевич — 1916 г. [рождения], работал в г. Старая Русса Ленинградской области, 13-я дистанция пути Октябрьской ж.д., слесарем; арестован, когда возвращался через Москву из отпуска.

6. Гарин Иван Ипатович — 35 лет, старший мастер по метлахским плиткам химкомбината на ст. Бобрики Рязано-Уральской жел. дор., задержан на вокзале, когда приехал к жене, работающей кондуктором на городском трамвае в Москве, она проживала на Воронцовской ул., дом 28, кв. 3.

7. Мозжерин Иван Петрович — проживал в с. Шаблища Багарянского района Уральской области, колхозник колхоза

«Красная поляна», приезжая в Новосибирск к отцу, вышел на ст. Называевской Омской ж. д. за хлебом. Проходя мимо эшелона, следуемого с т/п (трудпоселенцами), был последними схвачен, затащен в вагон, раздет и привезен в Томск, а затем в Назино. Отец проживает в Новосибирске, Лесков Лог, 26, которого зовут Петр Данилович.

8. Пучка Мария Кузьминична — 1912 г. рождения, колхозница-трактористка, проживала на ст. Камышевская Ейского р-на Северо-Кавказского края, по письму брата поехала в отпуск в г. Москву и на вокзале была арестована, при себе имела справку от колхоза.

9. Муллер Алексей Ефтихьевич — 14 лет, поехал из деревни Гольевки, около Житомира, от матери к брату в г. Владивосток, мать состоит в колхозе, брат — стрелочник железной дороги; задержан при пересадке на вокзале.

10. Артюх Федосий Михайлович — 1912 г. рождения, колхозник, с. Тепловка Пирятенского района Прилуцкого округа, УССР, колхоз им. Ленина, в Москву послан с 3 товарищами за хлебом и на вокзале был арестован, его трое товарищей — односельцы Комский Михаил, Волоцкий Иван и Тихенко Иван умерли на острове Назино, у которых дома остались семья и дети; при аресте на Брянском вокзале предьявлял документы от колхоза, но на них не обратили внимания.

11. Горбунова Галина Георгиевна — жена командира секции крейсера «Аврора», проездом через Москву была задержана на Московско-Казанском вокзале, где имела пересадку на Ленинград, при задержании была беременной и родила в Назинском поселке в Нарыме.

12. Овсянников Алексей Иванович — 15 лет, жил у отца: г. Москва, Таганка, Большие Каменщики, 36, кв. 6; отец — пекарь, арестован на улице.

13. Гончаров Иван Романович — имеет орден Красного Знамени № 20010; приехал в Москву за получением персональной пенсии, где был задержан.

14. Маслов — член ВКП(б), работал в г. Москве, на нефтегазе, выпивал с шурином и инженером; ввиду того что не хватило закуски, все трое пошли в лавку, но были задержаны как беспаспортные. Инженер и шурин умерли, первый — на острове Назино, второй — на 5-м Назинском участке.

15. Шиков Александр Сергеевич — окончил ФЗУ на Коксо-стройкомбинате в г. Шегловске Запсибирского края, послан на

работу по контрактации, но был задержан на ст. Болотная Томской ж.д. и направлен в г. Томск, а затем в Нарым.

16. Скрипов Николай Селивестрович — приехал в г. Омск, т.к. в Ишиме, куда он следовал к родственникам, был карантин; задержан в Омске, на базаре, конвоем, ведущим арестованных, и заключен в эшелон, где следовали т/п, и с ними прибыл через Томск в Назино.

17. Слесаренко Егор Герасимович — 1918 г. рож[дения], работал в г. Омске, на Омской ж.д., в вагонном цехе; проходя по г. Омску, был задержан охраной эшелона, следующего с т/п, посажен в вагон и направлен в Назино, мать работает на ст. Петухово Омской ж.д., на механическом заводе, чернорабочей в литейном цехе, ее зовут Елизавета Леонтьевна.

18. Куртюков Николай Федорович — 16 лет, проживал в г. Москве, Пролетарский р-н, Большая Каширская, дом 38, кв. 4. Отец Федор Яковлевич работает по поделке вешалок. Куртюков ехал домой со станции Раздельная, военный городок (у Владивостока), от зятя, Ивана Васильевича Березина, находящегося в Красной Армии командиром взвода на ст. Маслянинская Омской ж.д., вышел за кипятком, пролезал под эшелонном к своему поезду, но был задержан охраной эшелона, посажен в вагон и направлен в Нарым.

19. Усенко Б.Ф. — бухгалтер, происходит из г. Курска, поехал на ст. Голутвино, которую проспал. У стоящего эшелона стал проситься доехать, ввиду разговора повышенным тоном был арестован, посажен в эшелон и направлен в Нарым; бывший доброволец Красной Армии и состоит на учете в запасе командиром запаса.

20. Рахаметзянова — 12 лет, татарка, по-русски не говорит, ехала с матерью через Москву, на вокзале мать ушла за хлебом, милицией была задержана и направлена одна в Нарым.

21. Волков Николай Прохорович — 46 лет, рабочий-переплетчик с 28-летним производственным стажем, работал в совхозе при ст. Сиапин около Харькова, арестован в Москве, куда приехал за документами.

22. Шудков Н.В. — член ВЛКСМ, зам. директора Нежилтреста Ленинского р-на в г. Москве, брат учится в Промакадемии, в выходной день был на постановке в Большом театре на «Пиковой даме», по окончании спектакля вышел и был задержан на Неглинном проезде и отправлен в Нарым.

В Александровской комендатуре комиссия нашла большую пачку разных документов, в том числе: новые паспорта, комсомольские билеты, воинские билеты, отпускные удостоверения, старые удостоверения личности, справки с места работы, пропуска с заводов, трудовые списки и т.д. Найти живых людей по всем этим документам не представилось возможным, но отдельные лица были найдены, освобождены и им вручались документы.

Комиссией обнаружено, что среди высланных имелись инвалиды, без ног, без рук, слепые, явные идиоты, малолетние дети без родителей.

...Мы ни на одном участке не могли получить точных цифр, какое количество людей прибыло, какое количество людей умерло и какое количество людей сбежало. Нет также точного учета наличия продовольствия, хозяйства и т.д.

Те общие цифры, которые нам удалось выявить, указывают, что из общего количества 10 289 человек поступивших трудпоселенцев в Александровскую комендатуру налицо на день нашего приезда на всех поселках комендатуры имелось 2025 человек. Если к этому прибавить еще 1940 человек, отобранных до нашего приезда и посланных для переселения их в концлагеря, то мы получим колоссальную цифру разрыва, которая выражается в 6324 чел., причем из этого количества 3196 человек умерло и 2691 чел. числится в бегах, но из этих бежавших надо считать значительную часть погибшими в тайге, в болотах и на речках.

Из числа оставшихся 2025 человек ко дню отъезда комиссии на поселках Александровской комендатуры осталось 1300 с лишним человек, из которых комиссия определяет 50 процентов больных, лежащих, из остального количества процентов 35–40 слабосильных и только около 10–15 процентов людей могут еще выполнить какую-то работу.

...Комиссией даны конкретные указания уполномоченному «Сиблага» по Нарымскому округу т. Белокобыльскому по всем вопросам, связанным с улучшением бытового устройства т/поселенцев.

Результаты обследования были сообщены бюро Нарымского окружка партии, которое также со своей стороны приняло ряд практических мероприятий в деле улучшения бытового устройства т/поселенцев.

ГА НО, ф. 3-П, оп. 1, д. 540а, лл. 132–151

5–4717

Из доклада участкового коменданта Лизжева о работе участковой комендатуры Сиблага ОГПУ с контингентом трудпоселенцев расселения 1933 г.

11 декабря 1933 г.

Строительство:

1. По Назинской поселковой комендатуре обеспечен новый контингент бараками-полуземлянками для жилья, столовыми, красными уголками, банями, вошебойками и дезкамерами полностью, за исключением частичных недоделок внутреннего оборудования (побелка, переделка полов, отопление, топчаны, обмазка барачков). На четвертом участке все работы по жилищному строительству вполне закончены.

2. По Полудневской комендатуре новый контингент расположен: а) больные — в избах крестьянского типа, б) здоровые и слабосильные — в бараках-полуземлянках. Столовая, красный уголок, баня, вошебойка, дезкамера имеются. Нет прачечной. К отоплению всех помещений больницы приступили.

3. По В.-Панинской комендатуре новый контингент размещается в сырых неотопляемых землянках, за исключением больных, которые помещены в домике крестьянского типа.

Помещение интерната (школьный возраст) в избе крестьянского типа, для жилья оборудован. Интернат для дошкольного возраста в такой же избе помещается вместе с кухней. Здесь же вделаны два котла, не изолированных от остального помещения. Помещение сырое. Баня имеется. Красного уголка, вошебойки и прачечной нет. Кухня строится.

Снабжение:

Продовольствием всех видов все комендатуры обеспечены примерно на 8 месяцев, включая и диетпитание. Нет мяса, животного жира, свежей рыбы для больницы. Комендатура выделила частично мяса больницам за счет наряда ВОХР. Все комендатуры теплым обмундированием обеспечены полностью, исключая полушубки, которые по норме не полагаются, а заменяются телогрейками и ватными полупальто. Рукавицами обеспечены на 85 процентов. Обеспечены простынями на 40, тюфяками — на 90, подушечными наволочками — на 110, одинарными полотенцами — на 68, одеялами — на 61 процент.

Медобслуживание:

Ко времени отъезда комиссии имелось медсоставов: в Назино — 2 лекпома и 1 медсестра. 16 октября прибыли два врача, 10 ноября один врач заболел. В В.-Панино и Н.-Пути имелось по одному лекпому. Медикаментами обеспечены до навигации, но отдельных видов лекарств недостаточно.

Амбулаторным и стационарным лечением все нуждающиеся обеспечены на 100 процентов, кроме В.-Панино, где нет амбулатории. Прием производится в бараке.

В ноябре проверкой уполномоченного Сиблага ОГПУ при Нарымском окрисполкоме совместно с участковым комендантом путем практических мероприятий на местах достигнута правильная расстановка медработников... Урегулированы вопросы питания здоровых, особенно больных и слабосильных. На основе п.п. 2 и 3 организована борьба за снижение смертности. Результат этой работы налицо на некоторых участках и подтверждается цифрами.

За невыполнение решения комиссии и ряд служебных преступлений привлечь к ответственности конкретных виновников строй- и адм.-хоз. состава, передав дела на них уполномоченному третьему отдела.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 27, л. 165

Доклаживал все это участковый комендант Александровскому райкому ВКП(б) 11 декабря. Но и в этом докладе не было всей правды, о чем свидетельствует полученная почти в то же время окружкомом радиограмма от уполномоченного из Александрова, после которой на очередном заседании бюро окружка констатировалось: «Со стороны Александровско-Ваховской участковой комендатуры проявлено прямое игнорирование указаний комиссии крайкома, в результате чего не были устранены имевшие место до приезда краевой комиссии факты грубого нарушения революционной законности в обслуживании трудпоселенцев. Смертность не шла на убыль, наличие вшивости, преступное расхищение диетпродуктов не по назначению, нормы питания больных не были повышены, наличие случаев избияния и издевательства над трудпоселенцами, бараки не все утеплены...»

Застыли сибирские реки, трещали морозы, а уцелевшие люди еще ютились в землянках и полужемлянках. Зато уже имелись красные уголки, где они могли прочесть в газетах о построении социалистического общества в СССР и борьбе пролетариата за

свои права в странах капитала. И были вошебойки и дезкамеры, чтобы бороться со вшами. И была организована «борьба за снижение смертности», которая не шла на убыль. «Революционная законность» — эти два слова несовместимы. Кошунственны слова о некоем «обслуживании трудпоселенцев».

Сколько же их выжило из тех двадцати пяти с лишним тысяч, прошедших тогда через Томскую пересыльную тюрьму? Сколько погибло на Острове смерти, сколько утонуло в нарымских реках и речушках, сколько сгнуло в болотных топях? Сколько тех несчастных, что умерли возле костров, отдали Богу душу на нарах в землянках и полуземлянках? Никто никогда этого не узнает. Минуло более шестидесяти лет, а кости тех людей нет-нет да забелеют где-то на сырой нарымской земле после весеннего половодья или вдруг покажутся на замытом берегу, когда обнажаются песчаные косы мелеющей Оби. Жуткая память страшного времени...

40

Из письма окружкома ВКП(б)
всем райкомам ВКП(б)
Нарымского округа

13 октября 1933 г.

В подготовительной работе по проведению Октябрьских торжеств добиться еще большего укрепления нашей партии, поднятия ведущей роли ячеек и в отдельности каждого коммуниста в связи с ... массовой очистк[ой] рядов партии от чуждых оппортунистических разложившихся элементов, предстоящей очистк[ой] партии, усилени[ем] борьбы на два фронта в рядах партии и повышени[ем] классовой бдительности и идейной вооруженности коммунистов с классовыми врагом.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 19, л. 93

В Центре документации новейшей истории Томской области хранится множество папок с документами о «чистке» партии, повсеместно начавшейся в 1934 году и интенсивно продолжавшейся в течение нескольких последующих лет. «Чистили» и «выявляли» принародно.

Из протокола заседания комиссии по «чистке»
партии в колхозе «Путь к коммунизму»
Кривошеинского района

7 июля 1934 г.

(«Чистке» была подвергнута колхозница, кандидат в члены ВКП(б) Колбина Татьяна Зиновьевна, 37 лет)

Палыгалов: Я служил секретарем ячейки, в это время Колбина была дояркой и воровала масло, но при проверке это не подтвердилось. Тов. Колбина занималась развратом, и мы ее предупредили, чтобы она распутством не занималась.

Овчинникова: Я болела три недели, а мой муж с Колбиной пугался и хочет меня из-за этого бросить.

Вопрос: Со многими ли она жила?

Ответ из публики: С Коровиным, Завьяловым и другими.

Шустова: Для меня она хорошая, а другим не нравится, так как они ее ревнуют к своим мужьям.

Цыганова: Она больше ста рублей накопила денег и хочет уезжать из колхоза.

Спиридонова: Прошлый год я отдала внеплановый закуп хлеба и в кооперации купила себе юбку, а она мне говорит, что на этот бы хлеб можно было купить две юбки, если продать на базаре.

Вопрос: Скажите, кто такой тов. Сталин?

Ответ: Наш управитель.

Вопрос: Кто может быть в партии?

Ответ: Не знаю.

Там же, д. 78, л. 59

Комиссия постановила Колбину из кандидатов в члены ВКП(б) перевести в сочувствующие.

В информации Нарымскому окружному ВКП(б) о «чистке» партии в Александровском районе докладывается о некоем Трофиме Ивановиче Бабкине, члене ВКП(б) с 1920 года, который «до сих пор не знает, зачем он в партию вступил». Объясняет тем, что: «Один приезжал, агитировал, что надо вступать, другой, потом третий... Я взял да и вступил» (там же, д. 57, л. 61).

Из протокола заседания комиссии
по «чистке» партии в колхозе им. Беляевских
Кривошеинского района

8 июля 1934 г.

(Проходил «чистку» заместитель председателя колхоза, кандидат в члены ВКП(б) Сазыкин Федор Данилович, 30 лет)

Вопрос: Кто может быть кандидатом партии?

Ответ: Не могу сказать.

Вопрос: Кто является высшей властью в Советском Союзе?

Ответ: Коммунистическая партия большевиков.

Вопрос: Кто такой тов. Калинин?

Ответ: Всероссийский староста.

Вопрос: Кто такой тов. Сталин?

Ответ: Генеральный секретарь партии.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 78, л. 62

Комиссия по «чистке» партии перевела Сазыкина из кандидатов в члены ВКП(б) в сочувствующие.

Из протокола заседания комиссии
по «чистке» партии в колхозе
«Третья пятилетка» Кривошеинского района

11 июля 1934 г.

(На вопросы отвечал бригадир колхоза, кандидат в члены ВКП(б) Василий Яковлевич Нечепурук, 27 лет)

Вопрос: Кто такой тов. Калинин?

Ответ: Председатель ЦК.

Вопрос: Кто у нас является высшей властью?

Ответ: Центральный Комитет.

Вопрос: Кто такой тов. Сталин?

Ответ: Сталин, кажется, секретарь краевого комитета ЦК партии.

Вопрос: Вы знаете о порядке приема в партию?

Ответ: Если в Красной Армии, то обязательно принимать в партию, а здесь деление.

Там же, л. 70

Комиссия постановила — Нечепурука из кандидатов в члены ВКП(б) исключить.

44

Из протокола заседания комиссии по «чистке» партии в колхозе им. Сталина Кривошеинского района

15 июля 1934 г.

(На вопросы комиссии отвечала колхозница, член ВКП(б) Изотенок Анна Денисовна, 29 лет)

Вопрос: Скажите ваше соцположение.

Ответ: Был один конь, одна корова.

Вопрос: Зачем брали батрачку?

Ответ: Были дети, имели огород.

Вопрос: Кто такой тов. Ворошилов?

Ответ: Тов. Ворошилов — председатель военно-морского флота или секретарь.

Вопрос: Кто такой тов. Молотов?

Ответ: Тов. Молотов — Совет Народных Комиссаров.

Там же, л. 78

В постановлении комиссии записано: «Изотенок, вступившая в партию, скрыла свое соцположение, она по всем документам считается беднячкой, а в действительности считается середнячкой». Изотенок А.Д. из партии исключили.

На вопросы той же комиссии отвечал бригадир колхоза, кандидат в члены ВКП(б) Василий Денисович Малиновский, 31 год:

Вопрос: Какая авангардная роль коммунистов?

Ответ: Вести правильную работу на участке и чтобы были не одинаковые.

Вопрос: Как вы узнаете левого оппортуниста на практике?

Ответ: Это двурушники, ведут в другую сторону.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 78, л. 79

Из кандидатов в члены ВКП(б) Малиновский В.Д. был переведен в сочувствующие.

На вопросы комиссии также отвечала колхозница, член ВКП(б) Хацкевич Василиса Андреевна, 31 год:

Вопрос: Как с религией?

Ответ: Религии нет.

Вопрос: Кто в Кривошеинском районе является высшей властью?

Ответ: Тов. Попов*.

Там же

Комиссия постановила перевести Хацкевич В.А. из членов ВКП(б) в кандидаты.

Рьяная показательная «чистка» партии проходила на фоне бедственного положения крестьянства. В деревне не доставало всего необходимого, в первую очередь хлеба.

45

Из информации в Нарымский окружком ВКП(б) об итогах «чистки» членов и кандидатов партии Каргасокского района

Октябрь 1934 г.

Когда заболевает кто-нибудь из колхозников, то его вовсе не снабжают хлебом. Можно привести два примера, которые ха-

* Попов — секретарь Кривошеинского райкома ВКП(б).

рактизируют состояние с хлебом. Колхоз «Долой собственность»: больной колхознице пришлось собирать корни трав, сушить, толочь и этим питаться. Второй факт также по выдаче хлеба одному колхознику — обсчитали на 300 грамм[ов], так по этому вопросу очень резкие были выступления на чистке председателя колхоза. В Казальцево, когда колхозники приезжают на покос, так на своем хлебе делают «зарубки» и, когда возвращаются на обед, то смотрят, эти зарубки целы или отрезаны.

Там же, д. 52, л. 157

Протоколы комиссий по «чистке» (и последовавшей за ней «перечистке») партии в районах Нарымского округа изобилуют присущей тому периоду терминологией, использовавшейся для определения действий коммунистов, «искривлявших линию партии»: «левацкий заскок», «правый оппортунизм», «троцкистские выпады», «потеря классового чутья», левые и правые «уклоны», «загибы» и «перегибы». Одному из проходивших через чистилище коммунистов предъявили обвинение даже в «квадратном оппортунизме». Неукоснительно исключали из партии за «сращивание и связь с чуждым элементом». Например, в Александровском районе председатель колхоза «Ударник» Дмитрий Иванович Девятов был исключен из ВКП(б) за то, что «с кулаком тестем не порывал связь до момента прохождения чистки, его же устраивал на работу в колхоз (строил избушку)» (там же, д. 57, л. 60).

В информации Каргасокского РК ВКП(б) Нарымскому окружному приводятся данные о «чистке» партии за 1934 год с указанием причин исключения из партии: «Классово чуждые — 4, двурушники — 4, за зажим самокритики — 4, пассивно относящиеся к работе — 5, буржуазные перерожденцы — 12, шовинисты — 1, шкурники и карьеристы — 8, морально разложившиеся — 14» (там же, л. 24). В выводах окружного комитета ВКП(б) по итогам «чистки» партии в этом районе записано: «Слабо велась борьба с моральным разложением, что показала практика. Исключено 12 человек, и даже в момент чистки отдельные прошедшие чистку коммунисты: Катков, Скулкова (исключены при перечистке), Егоров, Кузнецов и Городович — продолжали разлагаться» (там же, д. 52, л. 173).

Во всех районах округа количество исключенных из ВКП(б), переведенных из членов партии в кандидаты либо в сочувствующие по причине «морального разложения», было наиболее велико. Председатель кривошеинского колхоза «Звездочка» Н.И. Шутов не только пил, но и, как явствует из протокола, «мыл вином голову» (ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 78, л.64),.. председатель Першинского сельсовета С.П. Овчаров «пьяный дрался с учителем и перед квартирой учительницы стоял на коленях с веревкой на шее для того, чтобы доказать учительнице, что он ее любит» (там же, л. 177). Парторг Красноярского лесозавода В.Я. Колесников «в июле приехал на покос, где работают трудпоселенцы и члены профсоюза. Вместо массовой работы, как парторг, тов. Колесников снял с себя штаны и голый бегал перед массаами, махал штанами. Когда его спросили, [для чего] он это делает, то тов. Колесников заявил, что он штанами тучи разгоняет, чтобы не было дождя» (там же, л. 134).

Примечательно, что в большинстве случаев у тех, кто, с точки зрения комиссии по «чистке» партии, испытание выдержал, процедура проверки (вопросы, ответы, а также выступления присутствующих на заседании) в протоколы не заносилась. Перечислены лишь анкетные данные, после которых краткая запись: «Считать проверенным». Такую проверку в Каргасокском районе прошел 20 октября 1934 года некий Эрнст Янович Кристулл. Анкетные данные: родился в 1897 году. Латыш. Сын рабочего-прокатчика. С 1912 по 1914 год работал на постройках и учеником литейного цеха завода в г. Риге. С 1914 по 1918 год — рядовой латышского стрелкового полка, г. Москва. С 1918 по 1920 год — пулеметчик ЧК. 1920 год — комендант в г. Николаевске. 1921 год — комендант особого отдела в Севастополе. 1922 год — лечился в психлечебнице в Москве. С 1926 по 1929 год — рабочий инструментального завода. В 1929 году командирован на курсы двадцатипяти тысячников. 1930 год — председатель колхоза «Первая пятилетка» Средне-Волжского края (работал 1 год и 2 месяца). 1931–1932 годы — председатель сельсовета и пом. директора МТС. 1933 год — комендант Пудинской поселковой комендатуры (см. там же, д. 61, л. 9).

Комментарии излишни.

Из постановления бюро
Нарымского окружкома ВКП(б)

2 октября 1934 г.

Всякое постановление органов власти о наложении штрафов и других видов репрессий должно немедленно приводиться в исполнение, ибо в противном случае подрывается эффект репрессий.

Там же, д. 33, л. 48

Из директивы Управления НКВД
по Западно-Сибирскому краю
всем комендатурам УНКВД и
секретарю Нарымского окружкома ВКП(б)
К.И. Левицу

Лично. Строго секретно

2 января 1935 г.

До последнего времени в практике нашей работы восстановленные нами [в правах] трудпоселенцы в индивидуальном порядке беспрепятственно покидали трудпоселки... Ближайшая наша перспектива — восстановление сельхозартелей — при таком положении, если оно не будет изменено, может поставить под удар заселение и освоение Севера. Поэтому, согласно приказу Наркома тов. Ягоды, приказываю всем восстановленным и восстанавливаемым в правах трудпоселенцам выезд последним запретить из трудпоселков.

Означенный приказ не распространяется на трудпоселенцев, освобожденных в порядке пересмотра (неправильно высланных). Наряду с этим Вам надлежит развернуть массовую работу среди восстановленных, особенно среди молодежи, на предмет закрепления их в трудпоселках. Впредь ходатайствовать о восстановлении трудпоселенцев — только о тех, которые хорошо хозяйственно устроились и не думают уезжать при наличии производственных заслуг.

Трудпоселенцев, хозяйственно не устроенных, не восстанавливать.

Зам. начальника ОТП УНКВД
Зам. начальника первого отдела

Анастасенко
Ромов

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 131, л. 4

48

Из директивного письма
заместителя начальника ОТП УНКВД
по Западно-Сибирскому краю Анастасенко
и начальника 1 отделения Гладышева
секретарю Нарымского окружкома ВКП(б)
К.И. Левицу

Лично. Совершенно секретно

2 января 1935 г.

По данным на август, полученным от Вас, у Вас имеется нетрудоспособных женщин, обремененных детьми, стариков, инвалидов, не могущих быть освоенными с точки зрения втягивания их в сельское хозяйство или промышленность, 6250 человек. Эти люди, по существу, являются только иждивенцами коммандатуры, и мы вынуждены [их] все время кормить и одевать.

Учитывая, что в ближайшие год-два будет передача контингента частично, а возможно, и полностью в органы Советской власти, мы неизбежно столкнемся с таким положением, что эти люди, не могущие в какой-либо мере [быть] приспособленными к труду, окажутся в совершенно критическом положении, т.к. органы не будут иметь той возможности по прокармливанию и вообще обеспечению их, какую мы имеем сейчас. Учитывая это, краевой комитет партии решил всю эту массу, т.н. балласт, ни к чему не способный, рассосать двумя путями.

1. Путем выявления родственников стариков и инвалидов (братьев, сестер и т.д.): списаться с ними и передавать им на иждивение.

2. Женщин, обремененных детьми, больных, инвалидов, стариков, не имеющих родственников, дальних и близких, не подлежащих хоть в какой-то мере быть использованными, путем сбора на них характеристик, составления подобных списков с указанием всех установочных данных, после проверки в местных районных отделениях НКВД и после установления, что дан-

ное лицо ни в чем плохом, антисоветском себя не проявило, нужно освобождать.

...Ни в коем случае после решения об освобождении нельзя высвобождать всех сразу, освобождение должно идти несколькими группами по 2-3 семьи. Это важно потому, чтобы нам не наводнить районы Западной Сибири и магистрали сразу большим количеством освобожденных, не способных к труду.

...Составьте определенный список с перечислением поименно и возрастно всех детей и самой главы с обязательной визой местного райотдела НКВД о непрохождении у них по материалам... Ту часть нетрудоспособных, которую можно рассосать по артелям в качестве сторожей, мастеров или инструкторов, не нужно представлять к освобождению.

Ознакомить с директивой разрешено только Вашего помощника и руководителя работой УСО.

Там же, л. 1

49

Из докладной записки участкового
коменданта Тоинской комендатуры Дуды
начальнику ОТП УНКВД
по Западно-Сибирскому краю Долгих,
начальнику окротдела УНКВД Мартону и
секретарю окружкома РКП(б) К.И. Левицу

28 января 1935 г.

...Учитывая, что свободного рынка продажи хлеба, где бы трудпоселенцы могли приобрести таковой, Чаинский район до настоящего времени не имеет, напряженное состояние с продовольствием на почве массового недоедания хлеба, приходится сталкиваться с рядом нежелательных явлений: 1) имеем случаи невыхода детей в школу, мотивируют: «нет хлеба»; 2) массовые побеги; 3) самовольные отлучки из поселков под предлогом поиска хлеба; 4) невыход на работу и отказ от работы из-за отсутствия хлеба; 5) неподчинение поселковому руководству, не только руководителям артелей и старшим поселков, но и поселковым комендантам.

Там же, л. 53

Из письма В.В. Куйбышева к Р.И. Райх

11 сентября 1910 г.

Милая, шлю привет! Сегодня сильно занят, не смогу побеседовать с тобой. Дело в том, что мне поручено проревизировать все колониальные учреждения. У местной колонии* есть своя потребительская лавка, столовая, мясная лавка, пекарня. Существует трехмесячная отчетность по всем этим учреждениям. Вот один из таких отчетов я должен проверить. Материал довольно кропотливый**.

Из докладной записки начальника
Нарымского окротдела НКВД Мартона
начальнику СПО УГБ УНКВД
по Западно-Сибирскому краю

*О подготовке к весенне-посевной кампании участковых
комендатур Нарымского округа в 1935 году*

Подготовка к весенне-посевной кампании в целом ряде участковых комендатур проходит в текущем году при исключительно тяжелой обстановке, созданной благодаря:

- а) переживаемым тяжелым материальным положением трудпоселенцев ряда комендатур вследствие отсутствия необходимых продовольственных ресурсов;
- б) угрожающим состоянием засыпки семян;
- в) чрезвычайно плохого состояния тягловой силы;
- г) отсутствия зернофуража;
- д) отсутствия необходимой гибкости, четкости и быстроты в руководстве ОТП.

* Сообщество ссыльных, поселенных вместе в одном из сел Нарымского края.

** Нарымская ссылка (1906–1917 гг.)..., с. 91.

...Причины — недород, громоздкие планы, удлинявшие сроки сева, неблагоприятные метеоусловия 1934 г.; ранние заморозки вызвали громадную гибель хлебов — от 30–50 процентов предполагавшегося урожая... Влияние оказали впервые проводившиеся в 1934 г. хлебопоставки (до 6000 тонн сданы трудоселенцами хлеба).

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 131, л. 8

52

Из информации участкового коменданта
Тоинской комендатуры Дуды
начальнику ОТП УНКВД Долгих,
начальнику Нарымского окротдела УНКВД
Мартону

25 мая 1935 г.

О ходе посевной

...В двух случаях по Гореловской пос. комендатуре и двух случаях по Бундюрской комендатуре рабочие получали паек 600–800 грамм[ов] на себя, систематически делили его между членами своей семьи, отчего на почве недоедания у них появилась частично опухоль тела. Благодаря выдаче им хлеба состояние их здоровья улучшилось, и они продолжают работать.

Там же, л. 87

Политические ссыльные (большевики, меньшевики и др.), сосланные в Нарымский край царским правительством, получали ежемесячное пособие — 7 руб. 70 коп. на человека. В 1914 году ржаная мука в Нарыме стоила 80 коп. за пуд, черный хлеб — 2 коп. за фунт, белый хлеб — 5 коп. за фунт, картофель — 8 коп. за ведро, рыба (налим) — 2 коп. за фунт, крупа гречневая и пшено — 5 коп. за фунт, сахар — 18 коп. за фунт*. Помимо ежемесячного пособия выдавалось на зимнюю одежду мужчине — 18 руб. 43 коп., женщине — 18 руб. 61 коп.

* См.: Нарымская ссылка (1906–1917 гг.)..., с. 300–301.

Основная масса репрессированных крестьян — более двухсот тысяч человек — была завезена в Нарымский край в 1930–1931 годах. Ссылка продолжалась и в последующие годы. Казалось бы, печальный опыт должен был чему-то научить тех, кто вершил судьбы сотен тысяч людей, однако и последующее принудительное переселение проводилось все по той же однажды разработанной и одобренной сверху схеме. Голод, эпидемии, тысячи могил по берегам таежных рек — все это было отнесено на издержки.

В кабинетах утверждались маршруты следования ссыльных, для поселения отводились необжитые места, куда под конвоем доставляли крестьянские семьи. Семьи были большими, возле каждого спецпоселка сразу возникал погост... Сегодня эти места обезлюдели, исчезли с лица земли насильно созданные поселки, заросли осинником поля, сровнялись с землей могильные холмики... Но тогда, в 30-х, все это было впереди и оплаченное жизнями тысяч и тысяч людей «освоение» Севера продолжалось. Несмотря на голод и продолжавшуюся смертность ранее завезенных спецпереселенцев.

53

Из «Плана приема 270 семей трудпоселенцев, имеющих прибыть в Колпашевскую комендатуру в 1935 г.»

27 мая 1935 г.

Все вновь прибывающие 270 семей трудпоселенцев будут поселены на Шудельском земельном массиве.

...От Колпашева водой по Оби 60 км, далее по р. Шудельке 92 км, от плотбища гужом 50 км. Всего 202 км.

...Массив обследован в 1933 г. На массиве организовано 5 трудпоселенческих участков. Площадь в основном представляет старые гари, большей частью начавшие зарастать порослью лиственных насаждений (береза, осина) и кустарниками (малина, шиповник). Гужевой колесной связи от Инкина до плотбища №1 не имеется. Также нет в настоящее время колесной связи с массивом от плотбища №1. На этом участке летом сообщение возможно пока только верхом или пешком. Сообщение водой по р. Шудельке здесь невозможно из-за заломов

на реке... Никаких населенных пунктов, кроме плотбищ № 1 и № 6, от Инкинской пристани до массива не имеется. На самом массиве имеются два старожильческих поселка в 50 хозяйств и 10 хозяйств...

Все прибывающие 270 семей (1078 едоков) следуют водным путем по Оби до прист. Инкино. В Инкино производится выгрузка и прием переселенцев, их скота и инвентаря... Люди с Инкинской пристани на плотбище № 1 перевозятся водой на мелких паузках или лодках с катерной тягой четырьмя партиями, по 65–70 семей каждая партия. Причем первая партия перевозится на второй день по прибытии в Инкино... Перевозка всех четырех партий до плотбища № 1 заканчивается за 10 дней со дня прибытия в Инкино. В случае каких-либо затруднений с катерной тягой перевозка производится силами самих переселенцев на лодках.

По прибытии на плотбище № 1 переселенцы размещаются частью на этом плотбище, частью на плотбище № 6. Здесь дается для каждой партии 2–3 дня для устройства семьи. Затем все трудоспособные с необходимым строительным инструментом направляются пешком до места назначения и здесь приступают к жилищному строительству и к корчевке.

Нетрудоспособные с необходимыми для обслуживания женщинами остаются на плотбищах № 1 и № 6 до окончания строительства дороги Шуделька — плотбище № 6. В случае необходимости часть трудоспособных направляется на строительство дороги. Для детей на обоих плотбищах организуются ясли. А оставшиеся здесь взрослые члены семей размещаются в приспособленных постройках и палатках... Перевозка семей и имущества на место вселения производится на лошадях после достройки дороги.

Для непосредственного руководства на месте приемкой, выгрузкой, погрузкой, размещением людей и их обслуживанием на все время приема переселенцев, их переотправления на места вселения назначаются коменданты.

Участковый комендант
Ст. агроном
Инспектор-землеустроитель

*Исупов
Заречанский
Максимов*

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 131, лл. 91–92

В 1935 году в Нарымском округе было уже более трехсот колхозов, и каждому полагалось придумать название. В первую очередь, не мудрствуя лукаво, колхозам присваивали имена

вождей: Ленина, Сталина, Кагановича, Ворошилова, Буденного... Исчерпав этот перечень, который, кстати, в 30-х годах заметно поубавился, «крестные отцы» перешли к писателям. Удостоились значиться в наименованиях колхозов Горький, Герцен и Пушкин. Одновременно коллективным хозяйствам давали и такие имена: «Мировой Октябрь», «Долой собственность», «VII Коминтерн», «Путь к социализму», «Путь второй пятилетки» и т.п. В Каргасокском районе решили, что лучше быть ближе к действительности и начальству, и присвоили одному из колхозов имя секретаря окружкома ВКП(б) Левица.

54

Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

28 августа 1935 г.

О допущении названия в Каргасокском районе колхоза имени Левица

Бюро ОК ВКП(б), отмечая, что дача колхозу названия имени тов. Левиц[а] является политической близорукостью, допущенной со стороны Каргасокского РКП(б), решительно осуждает действия райкома в этом вопросе как ведущие к культивации вождизма и подхалимства в парторганизации округа. Указать бюро Каргасокского РК ВКП(б) и секретарю тов. Трунтову на политическую недооценку важности партийного руководства делом организационного оформления колхозов. Предупредить РК, что подобная практика свидетельствует о недооценке стремлений кулака владеть руководством колхоза и ведет к проявлению правого оппортунизма на практике.

Поручить начальнику окр. отдела НКВД тов. Мартон[у] и инструктору ОК ВКП(б) Шелеманову проверить, как и кем проведено организационное оформление этого колхоза, а также его политическое и хозяйственное состояние и информировать окружком ВКП(б).

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 91, л. 170

Останься в названии каргасокского колхоза фамилия секретаря окружного комитета ВКП(б), через три года все равно на-

именование артели пришлось бы срочно менять. В 1938 году Левиц был арестован органами НКВД как «враг народа».

55

Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

26 января 1936 г.

*О передовой статье газеты «Советский Север»
№ 11 от 21 января 1936 года
«Двенадцать лет без В.И. Ленина»*

Бюро окружного комитета ВКП(б) считает передовую статью «Двенадцать лет без Ленина», написанную редактором газеты тов. Киселевым и опубликованную в газете «Советский Север» № 11 от 21 января 1936 года, политически вредной и недопустимой к опубликованию как имеющую ряд политических ошибок. Наряду с неряшливыми и неверными формулировками совершенно нетерпимым является то, что в этой статье обойдена роль товарища Сталина как продолжателя дела В.И. Ленина и организатора побед социализма в СССР. В единственном месте, где в статье упоминается имя тов. Сталина, и там — вместо гениального учителя, лучшего стратега и вождя народов написано, что тов. Сталин является учеником Коммунистического Интернационала.

Окружком ВКП(б) постановляет: одобрить распоряжение тов. Левиц[а] начальнику окр. отдела НКВД тов. Мартон[у] обеспечить задержку распространения газеты «Советский Север». Принять к сведению заявление начальника окр. отдела связи тов. Беломызова, что газета попала только в утреннюю разноску по Колпашево и что он проверил распоряжение вернуть указанные номера обратно в редакцию. № 11 от 21 января газеты изъять и выпустить снова этот же номер, заменив первую страницу и датировав газету от 22 января вместо 21 января.

Редактору газеты тов. Киселеву объявить выговор и снять с работы. Дорофеева (окрлито) с работы снять. Временно исполняющим должность редактора назначить инструктора ОК ВКП(б) тов. Шелеманова. Просить крайком партии срочно командировать соответствующего товарища на работу редактора окружной газеты.

Там же, д. 160, л. 5

Из докладной записки уполномоченного
окружкома Ильясова из Чаинского района
Нарымскому окружкому ВКП(б)

25 мая 1936 г.

Плохое политическое настроение отдельных лиц на ответственных участках работы. Один из пахарей, некто Крылов, является саботажником и плюс к тому агитатором против советских мероприятий. Он заявляет: «Да, долго буду помнить Советскую власть и ее руководителей, что крестьянину остается взять нож и порезаться только». Дело будет оформлено и передано в суд... На днях судили одного единоличника за оскорбление председателя сельсовета, и ему дали шесть месяцев принуд[ительных] работ. Он остался недовольным и заявил: «Я думал, мне дадут не меньше [чем] два года, отправят в концлагерь, а вы дали только шесть месяцев». Его фамилия Турашев. Конюхам колхоза «Комбайн» Фролову Алекс. и Фроловой Елизавете за кражу посылки дали одному 2 года, другой 1 год. Они очень довольны и настойчиво просят отправить их в концлагерь.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 169, л. 4

Из информации Нарымского окружкома
ВКП(б) крайкому ВКП(б) о работе
председателей колхозов,
посланных крайкомом ВКП(б)
и крайисполкомом в Нарымский округ

10 июня 1936 г.

Все командированные товарищи, за исключением одного сбжавшего, работают председателями наиболее крупных колхозов округа.

...Встреча вновь прибывшего тов. Гребцова на работу председателем колхоза «Красный май» Кривошеинского района была отрицательной. Там под влиянием агитации классово враждебных кулацких элементов колхозники три раза не шли на собрание и собрались полностью только на четвертое со-

брание. Значит, вина в этом кроется на Кривошеинском РК ВКП(б), который, зная, что этот колхоз один из наиболее засоренных классово враждебным элементом, не принял меры для проведения соответствующей подготовительной агитационно-организационной работы.

В колхозе имени Сталина Николаевского сельсовета кулацкие элементы, пробравшиеся в колхоз, своей вредительской деятельностью пытались подорвать экономическую мощь колхоза и снизить авторитет нового руководства, тов. Чудова... тов. Беркутов работает пред. колхоза им. Буденного Бакчарского района. До его прибытия лошади были сильно истощены и стояли с побитыми плечами и спинами. Желая немедленно устранить корни такого безобразия, тов. Беркутов сразу же взялся за проверку личного состава колхозников. В результате своей работы он выявил, что конюхом оказался колчаковец-каратель, который был немедленно от работы отстранен и предан суду.

Зав. сельхозотделом Нарымского
окружкома ВКП(б)

Войцехович

Там же, л. 101

58

Из информации уполномоченной окрисполкома Ляминой Нарымскому окружкому ВКП(б)

13 июля 1936 г.

О состоянии колхоза «Луч Востока» Кривошеинского района

В колхозе 50 хозяйств бескоровных, однако многим выдавались телочки, но они их продают с целью, чтобы ничего не иметь, ничего не платить. Так, по сельсовету культсбор собран только на 20 процентов, задолженность за 37 хозяйствами. У большинства из этих хозяйств в доме куча ребятишек, горшок, и больше ничего. И плохо работают. Видно, что не хотят работать честно, добросовестно, а также жить хорошо. Село в прошлом было очень богатое, имелось очень много рогатого скота, хорошая постройка и даже городская обстановка. Видно, что в колхоз вступили, чтобы спастись, прикрыться... Все размотали, скрыли и помаленьку спекулировали в Томске, а колхоз не укрепляли... Имеется колоссальная задолженность разным ор-

ганизациям, председатели часто менялись, менялись члены правления, а вместе с ними и счетоводы.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 169, л. 137

Поиск вредителя... Пассивного, но все равно вредителя, не желающего «работать честно, добросовестно»... Нет, не по вине тех, у кого остались в пустой избе куча ребятишек да горшок, обеднело некогда богатое сибирское село и все враз пошло прахом. Обнищали села, да и вся Россия, из-за тех, кто, строя на костях мнимое светлое будущее, насильно загонял в колхозы людей, ломал их уклад жизни, натравливал друг на друга. Обнищали, разорились из-за тех, кто, пытаясь учить работать, на самом деле от работы отучил. Истоки того, к чему пришло сегодня наше сельское хозяйство, не в перестройке, начавшейся в 80-х, а в том, что сделали с деревней в начале 30-х. Вот где корень нашей беды.

59

Из докладной записки начальника
Нарымского оперативного отдела НКВД
Мартона и начальника СПО УГБ Колесникова
начальнику СПО УГБ УНКВД
по Западно-Сибирскому краю
майору госбезопасности Жабреву, Новосибирск,
и секретарю Нарымского окружкома ВКП(б)
К.И. Левицу, Колпашево

23 сентября 1936 г.

Деятельность антисоветского элемента вокруг хлебоуборки-хлебопоставки проявляется... в агитации за выход из колхозов, [в разговорах о] тяжести непосильной, бесполезности работы... Член колхоза «Таежный передовик» Коноваленко 25 августа [19]36 г. на кульстане говорил: «Завоевали непоколебимую власть, которая ежегодно десяток тысяч мужиков сажает в тюрьмы за их личный труд. Не выполнишь глан сева — три года дадут, а если выполнишь, да не успеешь убрать и сдать в хлебопоставки, то десятку отломают. Всю жизнь живи и бойся». Бригадир колхоза «Красная заря» Ярков В. 28 августа [19]36 г. на

производственном совещании бригады говорил: «Я вот бригадир, а сам хожу разутый и голодный. И все мои люди в бригаде так же, как я. А работать нас заставляют. С нас, таких, и работу не нужно спрашивать... Живем как в кабале». Член колхоза «Тажный передовик» Ермолаев говорил: «В колхозе жить невозможно. Заставляют работать как лошадь. Хлеб сдадим государству, а на трудодни ничего не достанется. Будем сидеть голодом...» В колхозе «Красный пахарь» кладовщик, сын кулака Вострокнутов, которого неоднократно вызывали ночью, чтобы провести отгрузку хлеба в госпоставки, как правило, отказывается и выходит после длительных разговоров. Было случай, когда бросил ключи и говорил: «Возьмите, а я не пойду».

По Каргасокскому району за злостный отказ от озимого сева привлечено к уголовной ответственности, несмотря на массовый саботаж, всего 4 единоличника. По Кривошеинскому району, где оформлено 7 дел, райпрокурор занимается волокитой. Например, на единоличников Малиновского и Римшу, категорически отказавшихся сдавать хлеб, было оформлено дело по ст. 61 части II УК. Прокурор санкцию на арест не дал, а указание, что если особой злостности нет, то нет и указаний к привлечению к уголовной ответственности. 11 сентября на место был командирован опер. работник РОМ для оформления дела, но Малиновский и Римша уже скрылись, не сдав — первый 19,08 кг, второй — 32,40 кг хлеба.

Единоличники хлеб прячут, сами скрываются по полям. В Александровском районе при проверке оказалось, что все единоличники дома не живут, скрываются по полям. Сельсовет принял решение произвести обмолот единоличных хлебов, организовал красные тока.

Трудпоселенческий сектор:

...Антисоветский элемент ведет усиленную агитацию о бесполезности работ, так как «хлеб все равно отберут»... Член артели «Красный пахарь» (Галкинская комендатура) Васильева М. говорила на кульстане: «Работаем день и ночь, сидим разутые, раздетые и голодные. Опять весь хлеб заберут, остается один выход — бросить все и бежать». Член сельхозартели «Северный путь» (Галкинская комендатура) Лукьянов Г. говорил: «Возьмите любого артельщика или колхозника, разве он может сказать, что свободен и равноправен? Он привязан к колхозу, как цепная собака. А то, что выработает своим трудом, так или иначе отберут». Член артели пос. Тележинка (Галкинская комендатура) Духовников 4 сентября в конторе артели «Советский Север» говорил: «Вот при Советской власти дожили, что

само государство спекулирует нашим хлебом. От нас хлеб берут по 4 рубля за центнер, а нам продают по 90 копеек за килограмм. Вечно нас будут угнетать и обманывать». Член артели «Красный пахарь» (Галкинская комендатура) Старосветский говорил: «Советская власть всех господ и помещиков разогнала, а на их место сели коммунисты...»

За саботаж хлебопоставок и озимого сева привлечено к ответственности по ст. 61 УК 45 единоличников. В том числе по групповым делам 8 человек. Дела переданы в суд. Осуждено 16 человек... В помощь Кривошеинскому и Чаинскому РО командировано 3 опер. работника отдела.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 130, л. 124

Читаешь и словно видишь тех босых, в худой одежке мужиков и баб, слышишь их, горько сетующих на свою несчастную долю... Неужто не понимали те, кто докладывал об этой «антисоветской агитации», что все, что говорили подневольные крестьяне, — правда? И нечего было противопоставить ей, кроме карательных мер. Не сдал 19 килограммов зерна — судить! Прятался в поле — судить! Сказал: «Живем как в кабале» — привлечь за антисоветскую агитацию!

60

Из справки об итогах партийных собраний в Каргасокском и Александровском районах по обсуждению отчетного доклада Нарымского окружкома ВКП(б)

3 октября 1936 г.

О классово враждебных проявлениях

В Парабельском районе в колхозе «18 лет Октября» ссыльный вырвал переходящий красный флажок у пахаря, говоря: «Брось такое барахло!» Член партии тов. Курган, уезжая в отпуск, отдал ключ от своей квартиры ссыльной. Жена Кургана сожительствовала с зиновьевцем. Комендант тов. Соков играет в волейбол с зиновьевцем... В колхозе «Новая жизнь» Казальцевского сельсовета весной погибло 26 лошадей — дело рук врагов. В Александровском районе классовые враги в Лукашкинском колхозе делали поход против стахановцев...

Там же, д. 178, л. 17

Из информации инструктора окружкома Печенина из Чаинского района в Нарымский окружком ВКП(б)

3 июня 1936 г.

Есть сведения о большой засоренности, особенно колхозов верховских сельсоветов, кулачеством, бежавшим из родных мест от экспроприации (на 22 кулака уже есть проверенные материалы)... Из числа чуждых настроений у отдельных колхозников можно привести следующий факт: В колхозе «Красный крыловец» колхозник Самарин задал вопрос: «Почему бы колхознику не разрешить держать лошадь?» Эту вылазку колхозники осудили правильно, указав Самарину, к чему бы это могло привести в наших условиях.

...Среди единоличного коренного населения и особенно спецсектора много было довольных убийством т. Кирова. Только-де мало этого, надо бы «черного» (имеется в виду т. Сталин). У единоличников спецсектора есть сильные настроения «бежать». Усугубляет эти настроения в ряде мест хотя не острое, но не всегда удовлетворительное состояние с продовольствием. Много уходило без ведома на работу в окрестные села. Лишь в пос. комендатуре Коломинские Гривы на 1 мая 55 человек и 45 только что вернулось из бегов.

Среди служащих с. Подгорного ходят слухи, что т. Крупская подралась или поссорилась с т. Сталиным и он ее вместе с Зиновьевым сослал в Колпашево... НКВД раскрыт троцкист — бывший комсомолец Фадеев*, плановик госбанка, который не-

* Управлением ФСК РФ по Томской области в 1991–1994 годах издана книга памяти томичей, репрессированных в 30-х — начале 50-х годов, под названием «Боль людская». В четырех томах этой книги приводятся краткие данные почти о семнадцати тысячах человек, осужденных по пресловутой 58-й статье.

Работая над «Нарымской хроникой», я обнаружил в списках репрессированных, которые опубликованы в томах «Боли людской», фамилии некоторых людей, упоминающиеся в приводимых мной архивных документах. Краткие сведения об этих людях, взятые мной из книги «Боль людская», я привожу в постраничных примечаниях.

«Фадеев Петр Григорьевич, 1914 г., род. с. Половинкино Рубцовского района ЗСК, проживал в с. Подгорное Чаинского р-на, плановик Чаинского отделения Госбанка. Арестован в 1935 г. [очевидно, ошибка в дате. — В.М.]. Осужден на 8 лет ИТЛ». — В кн.: Боль людская, т. IV. Томск, 1994, с. 297.

редко во всеуслышание издевался над комсомольцами, плохо одетыми, примерно так: «Сталинская получка доведет вас, скоро нагишом будете ходить». Радовался убийству т. Кирова. Он заявил на допросе, что он не согласен со Сталинской политикой и что выход в том он видит, что надо убрать Сталинское руководство. Будучи посажен, делал три попытки бежать.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 106, лл. 114, 119

62

Из докладной записки начальника
окротдела НКВД Мартона
и начальника ОПО УГБ Овечкина
в Нарымский окружном ВКП(б)

22 июля 1936 г.

*О нарушениях революционной законности
в Бакcharском районе*

В 1935 году в Гарский сельсовет прибыл зам. председателя Чаинского РИКа Глухов, который, выступив на пленуме сельсовета, заявил: «Мы с вами, единоличниками, нянчиться не будем, с вас живых будем драть шкуру, угробим вас всех...» 14 июня 1936 года в Гарский сельсовет прибыл уполномоченный Бакcharского райфо Медведев, который, проведя на пос. Васега собрание единоличников, говорил: «Вы, единоличники, являетесь кулаками. Все вы бежали из широких мест и скрываетесь. Вы, долгороды кержаки, не платите налогов и прячете свое имущество, боясь распродажи». Для мобилизации средств из Нарымского окрфо прибыл в Гарский сельсовет ревизор Артемьев, который, выступив на пленуме сельсовета, дал следующую установку: «Чтобы быстрее провести мобилизацию средств, нужно описывать и продавать хозяйство единоличников». В результате Артемьевым и уполномоченным Чаинского РИКа Литвиновым было распродано за пятнадцатидневку 98 единоличных хозяйств. А всего за год по Гарскому сельсовету из 405 хозяйств распродано за неуплату налога 147. Причем без утверждения описей часть продаваемого имущества приобреталась работниками, производившими торги. Так, уполномоченный Бакcharского райфо Медведев 14 июня

[19]36 г. явился на квартиру к единоличнице Киргинцевой и без согласия сельсовета приступил к производству описи имущества за неуплату налога. У Киргинцевой было изъято три скатерти, одно полотенце, зеркало и две юбки. При изъятии Киргинцева выхватила их из рук присутствующего при описи избача Обвинцева, выскочила с ними в окно на улицу и побежала. Обвинцев догнал ее и юбки отнял.

В пос. Базаровка за единоличником Кучумовым числилась недоимка в сумме 70 руб. В счет покрытия недоимки прибывшими в поселок уполномоченными Усовым (вторая фамилия не установлена) в отсутствие домохозяина забрали по описи имущества на 400 рублей, и это имущество было распродано. Часть имущества на торгах была куплена зам. пред. Гарского сельсовета Сухановым.

В 1935 г. вблизи дер. Борисовка работниками Гарского сельсовета был найден сундук с вещами, хозяином которого явилась единоличница Чарышникова, которая заявила, что она, боясь продажи имущества, спрятала его в лесу. Несмотря на это, сельсоветом имущество было распродано, причем покупателями явились пред. Интегралтоварищества член ВКП(б) Медведев, председатель колхоза «Борьба» Михалев, пред. сельсовета Суханов и пред. ревкомиссии Усов.

Уполномоченным Бакчарского РИКа Колесниковым 27 апреля [19]36 г. на пос. Хатка были арестованы за отказ от сева единоличники Крохнин, Михорев и Шестаков, которых Колесников, ведя в пос. Васегу, дорогой оскорблял нецензурной бранью. Придя в пос. Васегу, арестовал единоличника Блинова и всех привел в сельсовет, а сам, уйдя домой, напился пьяный и, придя обратно в сельсовет, учинил задержанным допрос.

Антисоветский элемент, используя перегибы в отношении единоличников, встал на путь дискредитации проводимых в Гарском сельсовете сельхозкампаний. Так, например, в пос. Парфентьевка Гарского сельсовета единоличник Богомолов К. весной [19]36 г., выехав на пашню, запряг свою семью в плуг и на них пахал. Увидя шедшего секретаря сельсовета Кожевникова, заявил: «Вот до чего Советская власть довела крестьянство, что люди на себе пашут. А это потому, что вы у нас всех лошадей изъяли». В пос. Чага Гарского сельсовета избач Обвинцев, проходя по полям... увидел, что на двух участках полей пашут землю на людях. Причем в первом случае запрягалось в плуг 3 семьи, а во втором — 5 семей. На вопрос Обвинцева к

этим людям: «Почему вы пашете, не применяя лошадей?» — пахавшие ему ответили: «Пашем на себе потому, что нас довел до этого сельсовет, распродал наших лошадей». Дoproшенный по этому делу единоличник Ведерников показал: «Почти на каждом поселке Гарского сельсовета единоличники запрягаются в плуг всей семьей и пашут. Я сам лично сделал маленькую соху, и с женой вдвоем пашем, потому что мне сельсоветом план сева доведен 3 га, и, если я его не выполню, меня осудят. А лошадь сельсовет продал за налоги».

Бакчарским РО НКВД по делу ведется расследование.

ЦДНИ ТО, ф.206, оп. 1, д. 130, л. 72

63

Из открытого письма колхозников
колхоза им. Эйхе Парабельского района
секретарю Запсибкрайкома ВКП(б)
Р.И. Эйхе

18 марта 1936 г.

Дорогой товарищ Эйхе! С чувством глубокого счастья и радости мы, колхоз, несущий твое имя, приняли переходящее Красное знамя краевого штаба большевистского Зап.-Сиб. краевого комитета ВКП(б) и боевого органа нашей краевой партийной организации «Советская Сибирь», переданного нам как передовому колхозу Севера. Эта великая награда нас всех взволновала...

Вкладывая свои скромные труды в общее дело, мы вместе с тем с величайшим восторгом и любовью к нашей великой социалистической Родине видим, как под руководством нашего любимого вождя и учителя товарища Сталина, под руководством партийной организации нашего края и тебя лично, товарищ Эйхе, лучшего орденоносного руководителя сибирских большевиков, изменяется лицо некогда отсталой царской Сибири в край цветущий, край социалистический... Твою работу, товарищ Эйхе, и твое руководство, осуществляемое через окружную и районные парторганизации, мы здесь чувствуем особенно четко...

Очень хотелось бы показать тебе лично, товарищ Эйхе, как мы живем, и рассказать, как организовался и вырос наш колхоз... Сегодня мы имеем 36 хозяйств, 67 га посева. Имеем 40 лошадей, 20 голов к[рупного] р[огатого] с[кота], 14 плугов, 7 веялок, 1 косилку и прочий с/х инвентарь.

...Для еще более лучшего осуществления поставленных нами задач, дающих возможность выйти на высшую ступень культурной и зажиточной жизни, тебя, товарищ Эйхе, просим удовлетворить нашу просьбу — прислать нашему колхозу партийного организатора краевого комитета партии.

Да здравствует великая партия Ленина — Сталина и мудрый вождь народов, родной любимый товарищ Сталин! Да здравствуют непосредственные руководители борьбы за социалистическое преобразование Севера — лучшие большевики края тт. Эйхе и Грядинский и боевой авангард Нарымского Севера — окружная партийная организация.

Письмо принято... в присутствии 82 человек и подписано президиумом собрания и лучшими колхозниками в числе 32 человек.

Там же, д. 169, л. 80

Не хочу комментировать это письмо из колхоза, два года спустя спешно переименованного, ибо «лучший большевик края» товарищ Эйхе оказался «врагом народа». Письмо, сочиненное, естественно, не колхозниками, а работником райкома либо сотрудником окружной газеты, озабоченным, как бы складней написать, упомянув при этом всех вождей и организаторов, начиная от самого «родного любимого» и кончая окружкомом ВКП(б). Присущее тому времени славословие... Но, читая это письмо, подумалось вот о чем. 36 хозяйств, 40 лошадей, 67 гектаров посева — меньше чем по два гектара на хозяйство. И переходящее Красное знамя за ударный труд. Невольно вспомнились приведенные в одной из информаций слова единоличника: «Сделал маленькую соху, и с женой вдвоем пашем, потому что мне сельсоветом план сева доведен 3 га, и, если я его не выполню, меня осудят. А лошадь сельсовет продал за налог...»

Из информации секретаря
Парабельского РК ВКП(б) Кулюпанова
Нарымскому окружному ВКП(б)

12 февраля 1938 г.

*О состоянии проверки руководящих колхозных кадров
по Парабельскому району*

Проверив состояние проверки руководящих кадров района, выяснено, что в 21 колхозе проверка совершенно не проводилась. В настоящее время проверка двух колхозов Городищенского сельсовета (колхоз «Вторая пятилетка» и колхоз «Новая жизнь») закончена. Результаты показывают засоренность колхозных руководящих кадров. В колхозе «Новая жизнь» конюх Нечаев И.М. служил волостным казначеем царской казны в 1916–1917 гг., кроме того, был полицейским. Нечаев Викт[ор] — член правления, зам. пред. колхоза, у которого брат родной — кулак, брат жены — арестован. Нечаев, оставаясь за пред. колхоза, заморозил 7 центнеров картофеля, вредительно построил телятник. Счетовод колхоза, бывший ссыльный Карманов, совершенно не вел работы по счетной части, не хотел записывать в труд. книжки колхозникам трудодни... В колхозе «Новый путь» Басмановского сельсовета бригадир Иванов — бывший кулак из трудпереселенцев. Председатель ревкомиссии Вишнев — кулак. Они совместно с пред. колхоза Коноваловым угробили 34 лошади, 8 голов крупного рогатого скота и 904 кролика. Все они посажены. В колхозе имени Сталина и имени Микояна работают счетоводами бывшие ссыльные.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 272, л. 24

Волна массового террора, достигшего кульминации во второй половине 30-х годов, захлестнула страну «от Москвы до самых до окраин». В официальной терминологии наряду с «классово чуждым» и «антисоветским элементом» появилось страшное словосочетание: «враг народа». Поиск «врагов» стал манией. Достаточно было «выявить», что какой-то человек — бывший «кулак», бывший купец, бывший священник или даже родственник «бывшего», чтобы обвинить его во вредительстве. «Не то» соци-

альное происхождение уже само по себе было обвинением. На «врагов» и «агентов» можно было свалить свои просчеты, свою недальновидность, свое головоуятие... Скорее «разоблачить», «привлечь», доказать этим свое рвение и подняться на ступеньку выше...

Далее приводятся два характерных для того времени документа.

65

Из докладной записки заместителя
заведующего окружным земельным отделом
Эндера Нарымскому окружному ВКП(б),
окрисполкому и окрпрокурору

12 января 1938 г.

При проверке работы Каргасокского райзо и организации работы по подготовке к областному слету стахановцев и ударников социалистического животноводства вскрыта явно вредительская работа со стороны старшего ветврача Афанасьева, который сознательно занимался распространением эпизоотических заболеваний скота в районе и, очевидно, состоит в связи с контрреволюционными троцкистско-бухаринскими элементами, врагами народа, как с Шальневым (бывший старший ветврач Каргасокского райзо), который взят органами НКВД. В Каргасокском районе распространена экзема, всего болеет 137 голов скота, заболевание произошло потому, что бывший ст. ветврач Шальнев распространял эту заразу, и в данное время ветврач Афанасьев продолжает установку Шальнева... Вредительские действия Афанасьева подтверждаются еще и тем, что, когда в колхозе «Верный путь» обнаружился лимфангоит, Афанасьев осмотрел лошадей, но не изолировал... В колхозе им. Сталина обнаружена больная лошадь, подозрительная на лимфангоит, которая, лично по моему мнению, если она действительно окажется после анализа больной лимфангоитом, заболела только потому, что ей лимфангоит привит.

Кроме вышеизложенного сообщаю факты по колхозу «Пролетарий», по которым, как и по делу Афанасьева, необходимо немедленно организовать следствие и привлечение к ответственности людей как врагов народа. В колхозе «Пролетарий»

бригадиром животноводства работал кулак Русанов*, бывший владелец мельницы, а брат его работает в этом же колхозе на мельнице, которая раньше принадлежала ему, в качестве специалиста. Бригадир Русанов оставил под снег скошенных 1,5 га овса, стравил скоту 5 га гороха, оставил на гумне невежливую рожь... Учет труда в бригаде запутал. Брат Русанова запутал учет гарнцевого сбора. Русанов ведет в колхозе прямую, ничем не прикрытую контрреволюционную работу. 7 ноября на торжественном колхозном вечере он, указывая на портрет тов. Ворошилова, заявил: «Раньше носили иконы, а теперь носят этих блядей. Нужно всех выбросить». Этот факт и другие факты были вскрыты нашим сотрудником Тарасовым, который был командирован по проверке этого колхоза. Кроме того, в этом колхозе в [19]37 г. абортывались три матки-кобылы, пало 7 лошадей, 3 свиньи.

Сообщая об этих фактах, прошу немедленно организовать следствие и привлечение людей к ответственности как врагов народа.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп.1, д. 272, л. 15

66

Из докладной записки
заместителя заведующего окружным
земельным отделом Эндера
секретарю Нарымского окружкома ВКП(б)
Попову

Февраль 1938 г.

Аппарат Каргасокского райзо состоит из 48 человек, из них принято от комендатур 18 человек, т.е. бывшие трудпереселенцы. Предварительной проверкой политических и деловых качеств работников райзо мною выявлена исключительная засоренность аппарата классово враждебными элементами...

* «Русанов Василий Кириллович, 1890 г., род. дер. Клиновка Сарapulьского уезда Вятской губ., проживал в дер. Русановка Каргапольского района, мельник колхоза 'Пролетарий'. Арестован в 1938 г. Осужден на 8 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах». — В кн.: Боль людская, т. IV, с. 256.

1) Старший агроном райзо Крокс — кулак, исключен в [19]30 г. из ВКП(б) за скрытие соц. происхождения. Специального образования агронома не имеет, учился в сельхоз. школе, которую не окончил. В практике работы проводит вредительскую линию.

2) Андреев — участковый агроном, бывший колчаковец. Он знал контрреволюционную подрывную работу бригадира-кулака Русинова в колхозе «Пролетарий», но ничего не предпринял.

3) Андреев Г. — секретарь райзо, брат Андреева-колчаковца, пьяница...

4) Афанасьев — счетовод, занимается прямым вредительством по распространению инфекционных заболеваний (см. мою докладную от 12 января [19]38 г.).

5) Кучин Д. — инспектор-бухгалтер, брат которого взят за участие в банде. Он, т.е. Кучин Д., был подносчиком патронов.

6) Кучина — жена Кучина Дм., сама — дочь трудпоселенца, работает бухгалтером райзо.

7) Вялов — ветфельдшер — адм. ссыльный в [19]36 и [19]37 гг. неоднократно срывал мероприятия по ликвидации чесотки скота...

8) Власов — ветфельдшер, продолжает в практике установку врага народа Шальнева.

Сообщая об этих фактах, считаю необходимым для более глубокой проверки аппарата земорганов, очищения их от враждебных и непригодных людей, укомплектования аппарата земорганов лучшими большевистскими кадрами создать решением бюро ОК ВКП(б) окружную комиссию, в районах — районные комиссии и провести действительную генеральную очистку аппаратов земорганов.

Там же, л. 17

Сколько арестованных мужчин и женщин прогнали этапом в 1937 и 1938 годах по нарымским зимникам, сколько отправили в трюмах барж по рекам, по которым несколько лет назад привезли сюда в ссылку! Теперь это была уже их последняя дорога, последний путь. Большинство арестованных смогли добраться не дальше центра Нарымского округа — Колпашева. Три десятилетия спустя Обь подмыла берег, обнажив залежи трупов... Чтобы не возбуждать «нездорового настроения», по приказу согласовавших свои действия с местными властями

гэбэшников ночами берег обрушивали в воду. Сохранившиеся в песчаной земле трупы поплыли по Оби. Их вылавливали и топили, а те, что разнесло по обским сорам, наскоро закапывали в топкую глину. Такова страшная трагедия Колпашевского Яра.

К началу 40-х годов раскрестьянена была деревня, изведена интеллигенция, уничтожены, согнаны в концентрационные лагеря и на спецпоселения миллионы людей.

67

Секретарю Парабельского РК ВКП(б) Кулюпанову

30 апреля 1941 г.

25 апреля 1941 г. в дер. Шонгино проводилось собрание колхозников колхоза «Путь Ленина», на котором кандидат в члены партии Костарев Василий просил отпустить его в отходничество. Выступая по этому вопросу, Костарев говорил: «Отпустите меня на отходничество с колхоза, а то я ж голодный с семьей жить не могу. Мы все голодаем, и поэтому прошу вас принять мое заявление во внимание. Я дошел со своей семьей до того, что готов есть пропавшую лошадь, да вот и ее нет. У меня другого выхода нет». Это, по существу, не только антипартийное, а антисоветское выступление было поддержано женой Костарева, которая, выступая по этому же вопросу, утверждала, что они голодают, а их голодными заставляют работать.

После этих заявлений выступил член этого же колхоза Батурин Осип, который также заявил о своем уходе из колхоза, что он голодный работать не будет, что у него осталось только 20 процентов жизни, что он голодом жить не хочет. В том же направлении высказалось еще несколько человек.

Таким образом, Костарев своим выступлением подал пример к распространению нездоровых разговоров в колхозе.

Начальник Парабельского РО НКВД
лейтенант госбезопасности
Оперуполномоченный РО НКВД
сержант госбезопасности

Яковлев

Загорулько

ЦДНИ ТО, ф. 92, оп. 1, д. 73, л. 27

Из письма жителя села Парабель
М.М. Желтухина к И.В. Сталину

23 апреля 1941 г.

У нас по Нарымскому краю плохо снабжают продуктами питания... Я работаю с 7 апреля 1940 года в Парабельском районе. В июне-июле независимо от количества семьи давали хлеба 700 грамм[ов] на рабочего, а с августа по это время на рабочего дают 500 грамм[ов], на иждивенца по 150, а в магазинах ничего нет... Я имею жену на иждивении, сына 2 лет и дочь 1 года, их приходится кормить чем попало... Если не дают белый хлеб, то приходится кормить малых детей черным, и то, по этой норме, 150 грамм[ов] не хватает. Я лично смог достать по врачебной справке за зиму на двух детей 3 кг манной крупы, но детям нужен сахар, печенье, пряники. Но у нас, кроме хлеба, и то не досыта, ничего не дают... Население ощущает голод, но в районе ничего не знают, почему это так, только некоторые говорят, что это все время.

Потому пишу Вам и считаю, что Вы без внимания не оставите и ответите.

Там же, л. 61

Из Новосибирского обкома ВКП(б)
секретарю Парабельского РК ВКП(б)
Кулюпанову

30 мая 1941 г.

Отдел пищевой промышленности обкома ВКП(б) направляет Вам копию письма гр-на Желтухина на имя тов. Сталина для рассмотрения и дачи ответа заявителю.

Зав. отделом пищевой промышленности
обкома ВКП(б)

Гореловская

Резолюция (от 6 июня 1941 г.): Тов. Лебедеву. Разъясните.

Кулюпанов

Вторая резолюция (от 11 июня 1941 г.): В дело. Гр-ну Желтухину ответ дан устно в беседе с ним. *Лебедев*

Там же, л. 60

«Если завтра война, если завтра в поход, мы сегодня к походу готовы...» Песня, начинавшаяся этими словами, звучала по радио, ее пели в школьных классах и на улицах. 22 июня 1941 года война началась. Но оказалось, что страна к ней готова не была.

70

Из информации Нарымского окружкома ВКП(б) Новосибирскому обкому ВКП(б)

27 июня 1941 г.

О работе партийной организации в связи с объявлением войны

22–23 июня повсеместно проходили митинги трудящихся, которые отличались значительно большим, чем в обычное время, участием на них граждан, организованностью, быстрым созывом и глубоким чувством ненависти к фашистской военщине. Присутствовало на митингах в Колпашево более 3000 человек, Тогур — более 1000 чел., в Александрово — райцентре и поселках — присутствовало все население. Народный гнев выражен в невиданном политическом и производственном подъеме, в невыразимом советском патриотизме, в готовности старого и малого отдать жизнь в отечественной войне за родину, за Сталина.

Выступавшие, выражая преданность партии Ленина—Сталина, заявляли о готовности идти на фронт, крепить тыл, заменить ушедших мужчин женщинами, работать производительнее в 2–3 раза. Бывший красноармеец орденосец тов. Волков И.В., выступая на многолюдном митинге, заявил: «Наша сила в советском строе, наше могущество в доблестной РККА, наша победа выражена в правоте нашего дела, в мудром руководстве народом Великого Сталина!»

На колхозном митинге в колхозе имени Свердлова Колпашевского района колхозница Пшеничникова Л.С. заявила: «Теперь мы не бабы царской России, а свободные русские женщины, знаем цену своей власти, Сталину (аплодисменты). У меня сын в РККА, пойдет и мой Иван Васильевич (муж). Все мы пойдем за Родину, за землю, но фашистскому зверю не бывать на

советской земле! Да и всей-то земле и германской земле пора быть советской (гром аглодисментов)».

В Президиумы на митингах подавались заявления о добровольном вступлении в РККА. Только в Колпашево за 22–23 июня подано 125 заявлений... * Во всей партийной работе ОК ВКП(б) руководствуется речью тов. Молотова, указами и материалами, публикуемыми в печати. Каких-либо указаний окружкома от обкома ВКП(б) со времени объявления войны с 22 июня по сегодняшний день не получил.

И. о. секретаря Нарымского окружкома ВКП(б)

Ужев

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 470, л. 21

71

Из информации № 3 Нарымского окружкома ВКП(б) Новосибирскому обкому ВКП(б)

11 июля 1941 г.

Основное внимание партийной организации округа за последнее время было сосредоточено на том, чтобы мобилизовать коммунистов, комсомольцев и всех трудящихся на быстрее выполнение указаний тов. Сталина, данных в выступлении по радио 3 июля 1941 г. До выступления тов. Сталина были подготовлены все имеющиеся радиоточки и места для коллективного радиослушания... Когда диктор объявил, что у микрофона Председатель Государственного Комитета Оборона тов. Сталин, то все присутствующие сразу ближе старались подойти к репродукторам с тем, чтобы услышать каждое слово из уст тов. Сталина.

...Наряду с общим подъемом трудящихся округа, выражающих чувство глубокого патриотизма, с каждым днем увеличивается количество фактов явно враждебного настроения со стороны ранее высланных кулаков из мест сплошной коллективизации и прибывающих в округ в большом количестве адм. ссыльных. Секретарь Верх-Кетского РК ВКП(б) тов. Доможиров сообщает: адм. высланные паны распространяют слухи о том,

* В первый год войны на фронт брали лишь «вольных». Сыновьям спецпереселенцев, хотя они и были сняты с учета спецкомендатуры, защищать Родину не доверяли.

что скоро Герман[ия] освободит и даст им полную свободу, освободит и других ранее высланных кулаков. Большинство из них повешали иконы и молятся до упаду, чтобы их скорее освободил фашизм. Паны используют в своих антисоветских целях своих детей для распространения всевозможных слухов. У адм. высланных панов установлено наличие полевых радиоприемников по сообщению дальнего действия, таких приемников выявлено пока два, которые изъяты.

Секретарь Пудинского РК ВКП(б) тов. Тарасенко сообщил, что особенно среди спецпереселенцев (бывших кулаков) имеет место ряд контрреволюционных выступлений. Спецпереселенец из с. Пудино Боровская заявляет: «Вот придут немцы, тогда мы служащих (надо полагать, коммунистов) заставим корчевать. Расстреливать не будем, пусть корчуют». В пос. Яровое на митинге колхозники-спецпереселенцы ни один не высказался и отказались принять решение, выражающее возмущение зверским нападением фашизма на СССР.

Секретарь Молчановского РК ВКП(б) тов. Задворнов сообщает, что в колхозе «Сила большевика» Колбинского сельсовета 24 июня [19]41 г. на митинге из 86 человек значительная часть не голосовала за принятие резолюции, выражающей гнев и ненависть кровавому фашизму. Причину такого нездорового настроения тов. Задворнов объясняет, во-первых, отсутствием систематической массово-политической работы среди колхозников, во-вторых, в этом колхозе более сорока человек было изъято органами НКВД как враги народа.

В Верх-Кетском районе имеются подозрительные типы, настроенные против Советской власти (Хрычков, Смагин и другие). Имущество свое продали, семьи направили в Колпашево, а сами намерены уехать в Усть-Озерное на канал к Енисею. С какой целью, не установлено, но там имеются кержаки и всякая другая нечисть, среди которых обитают два бывших офицера Щербинин и Рябинин. Эти типы неоднократно срывали политические мероприятия, а Хрычков, Смагин и другие с ними имеют связь и идут к ним, которые вполне могут организовать опасное для нас дело.

В Пудино на митинге 25 июня на призыв докладчика: «Дадим Красной Армии хлеб, мясо, масло» — из аудитории спецпереселенцев вполголоса была брошена реплика: «Пусть в воздух». Лицо, бросившее реплику, не установлено.

Лесообъездчик Колпашевского райлесхоза Коркин распространял слух среди колхозников Матюшкинского сельсовета о том, что «СССР внезапно напал на Германию, не Германия на-

пала на СССР. Наши правители тоже с головой, знают, когда нужно напасть».

По всем вышеперечисленным фактам приняты необходимые меры, соответствующие военному времени.

И.о. секретаря Нарымского окружкома ВКП(б)

Ужев

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 470, лл. 27, 30

72

Из информации Парбигского РК ВКП(б) Нарымскому окружкому ВКП(б)

19 июля 1941 г.

...На митинге одна женщина из высланных говорила: «Когда у нас были немцы на Западной Украине, мы все сидели в подпольях от страха. Когда пришли товарищи красноармейцы, мы вышли, дарили букеты цветов, кувшины молока. Красная Армия нас освободила». Наряду с этим имеются факты антисоветских выступлений со стороны вражеских элементов. Счетовод колхоза «Советский Север», трудпоселенец Степанов заявляет: «Эти советские побирушки, уполномоченные по займу, просят у нас, врагов Советской власти, денег взаймы».

Там же, д. 518, лл. 17-18

73

Из информации секретаря Шмаковской парторганизации и поселкового коменданта Ярославцева Васюганскому РК ВКП(б) и районному коменданту Смирнову

28 июня 1941 г.

(Орфография и пунктуация подлинника сохранены)

Связи нападением германского фашизма на нашу родину мы провели митинги в семи артелях. Как реагируют на это население нужно сказать что большинство колхозников чувствуют ответственность сразу же после митинга показывают результаты своей работы. Весь народ от старого до малого взялись за ра-

боту по всем отраслям где первый же день показали результаты в положительную сторону. Есть и такие люди которой пошли против этого например бригадир колхоза Ударник Бюличенко Нифодий запретил своей жене и дочери выходить на работу. В артели Путь север Морозов Филип который заявил что куда советский союз лезит тут ему будет не повкусу. Следующий Черноштан Василиса Евдокимовна артель «Тельман» заявила агенту мясопром Союза т. Горячкиной услышали войну начали драть снас шкуру дай кожу, мясо, масло, шерсть. Нездавали издавать небудем раньше нас не просили и жилос хорошо а тепер сидим голодной и босой. Сейчас служащие сами ходют голодной. От как помощники врага реагируют наэто даже так заявляла что придет германия а намто серавно с насмешкой сидя тутжа ия муж не слова не сказал. Нужно сказать что ряд таких явлений состараны трудпоселенцев но открыто неговорят на трибуне выступают народу много и дают обещание досрочно все выполнить.

Резолюция: т. Серебряникову: снять копию и заявление.
Грошев

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 30, л. 80

74

Из докладной записки районного прокурора Вольхина Васюганскому РК ВКП(б)

2 июля 1941 г.

По вашему поручению мною проведен митинг в пос. Веселый о нападении германского фашизма на Советский Союз и результатах военных действий первых дней войны. По докладу выступило 5 человек из среды колхозников. Высказывали ненависть к фашизму и призывали колхозников помочь фронту своим честным трудом. После проведения митинга поднялся рост производительности труда... Помимо всех этих работ мною закончено 6 следственных уголовных дел... Пред. колхоза «Комбайн» Князькин получил 2 года лишения свободы, и две колхозницы за хищение картофеля от 1 года ИТР до 2 лет лишения свободы. Одно дело разобрано за оскорбление председателя колхоза колхозницей, когда он требовал от нее работы...

Там же, л. 97

Из информации уполномоченного по сенокосу
в пос. Черемшанка Гертана
Васюганскому РК ВКП(б)

8 июля 1941 г.

...Все босые, нет хлеба, нет денег, что является основным упором отдельных лодырей и снисходительности правления... Я собирал заседание и потребовал привлечения двух людей к суду. Составлен материал и передан.

Там же, л. 114

Недреманным оком окружкома и райкомов были наезжавшие в колхозы уполномоченные. Чтобы оправдать доверие и уцелеть на должностях, они подгоняли председателей колхозов, которые в свою очередь подгоняли и давили на спецпереселенцев и именуемых в официальных бумагах коренными жителями таких же бесправных колхозников, которых, однако, ссыльные в отличие от себя именовали вольными.

И с первых же дней войны в нарымских колхозах замаячил призрак голода.

Из информации уполномоченных
В.Д. Глазырина и В.В. Дербенева
Васюганскому РК ВКП(б) и райисполкому

12 июля 1941 г.

В поселке Ершовка многие члены сельхозартели «Ким» не выходят на работу, мотивируя, что хлеба нет. «Мы голодные, на работу не пойдем, что хотите, то и делайте», — отвечают они на наши с ними беседы. Член этой же артели Донскова Мария на заседании правления заявила: «Я была в тюрьме, мне там гораздо лучше было жить, чем живу я сейчас. Все равно на работу не пойду и добыюсь, чтобы меня осудили. Мы добились

того, что выкопали братскую могилу всех туда загнать. Говорю открыто, что сбегу с поселка».

В остальных сельхозартелях антигосударственных разговоров со стороны членов сельхозартели не наблюдается.

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 30, л. 89

Об «антигосударственных разговорах» Васюганский райком сообщает окружкому ВКП(б). О том, что говорили колхозницы-спецпереселенки, секретарь окружкома Каштанов 31 июля сообщает дальше, Новосибирскому обкому партии.

«В спецпереселенческой артели “Ким” Васюганского района отдельные члены артели не только не идут на работу, но явно выступают с контрреволюционными вылазками. Например, когда финуполномоченный Батькова стала проводить беседу о досрочном погашении денег по займу, то колхозники Слюсарева и Баландина заявили: “Нам все равно, что Япония, что Германия, что Советский Союз, а платить за подписанные займы не будем”. Член этого же колхоза Донскова на заседании правления заявила: “Когда я находилась в тюрьме, мне гораздо лучше было жить, чем сейчас живу в колхозе. Хоть что делайте, а на колхозную работу я не пойду и буду добиваться, чтобы меня осудили. Мы добились того, чтобы выкопать братскую могилу и всех нас туда закопать и зарыть землей. Я говорю открыто, потому что все равно сбегу из этого поселка”. Об этих контрреволюционных вылазках ведется расследование» (там же, ф. 206, оп. 1, д. 470, л. 73).

77

Из инструкции № 001223 относительно способа проведения депортации антисоветских элементов из Литвы, Латвии и Эстонии

Совершенно секретно

Депортация антисоветских элементов из Прибалтийских республик — задача большой политической важности. Ее успешное проведение зависит от того, насколько тщательно местные и центральные органы власти способны разработать план выполнения операций и предвидеть заранее все необхо-

димые факторы... Основной предпосылкой должно быть проведение операций без шума и паники, с тем чтобы не допустить каких-либо демонстраций и других беспорядков не только среди депортируемых, но также и среди определенной части окружающего населения, враждебно настроенного к Советской власти.

...Операцию следует начинать на рассвете. Войдя в дом депортируемого, старший опергруппы должен собрать всю семью депортируемого в одной комнате, принимая все необходимые меры против любых возможных эксцессов.

Проверив членов семьи по списку, следует уточнить местонахождение отсутствующих и число больных, после чего им следует предложить сдать оружие. Независимо от того, сдано оружие или нет, каждого депортируемого следует обыскать и затем произвести обыск во всем помещении с целью обнаружения оружия.

...При оказании вооруженного сопротивления вопрос об аресте лиц, оказывающих вооруженное сопротивление, и о препровождении их в районное отделение Народного Комиссариата Государственной Безопасности должен решаться районными «тройками».

...После проведения обыска депортируемым следует объявить, что по решению правительства их переселяют в другие области Советского Союза.

Депортируемым разрешается взять с собой предметы первой необходимости общим весом не более 100 кг: 1) Костюм. 2) Обувь. 3) Нижнее белье. 4) Постельное белье. 5) Посуда. 6) Очки. 7) Кухонные принадлежности. 8) Еда — установленный месячный паек на семью. 9) Наличные деньги. 10) Мешок или ящик для укладки в него перечисленных вещей.

...При отказе депортируемого открыть дверь своего дома, несмотря на то что он знает о присутствии работников НКГБ, дверь следует взломать. В отдельных случаях следует вызывать соседние админ. группы, проводящие операции в данной местности, для оказания помощи.

...В связи с тем, что большое число депортируемых должно быть арестовано и помещено в специальные лагеря, а их семьи поселены в специальных пунктах в отдаленных районах, необходимо провести операцию депортации как членов семьи, так и самого депортируемого одновременно, не сообщая им об ожидающем их разделении. Только на станции главу семьи следует поместить отдельно от его семьи в железнодорожном вагоне, специально предназначенном для отцов семейств.

...Конвой должен действовать особенно осторожно при проведении колонны депортируемых через населенные пункты, а также при встрече с прохожими: конвой должен следить за тем, чтобы не было совершено попыток побега, и не должен допустить разговоров депортируемых с прохожими.

В каждом пункте посадки ответственными за посадку являются член районной «тройки» и специальное лицо, назначенное для этой цели.

В день проведения операции начальник пункта посадки совместно с начальником депортационного поезда и начальником военного конвоя НКВД проверяют оборудованные железнодорожные вагоны на предмет обеспечения их всем необходимым (нары, параша, фонари, ограждения и т.д.).

...После заполнения необходимым количеством семей железнодорожный вагон следует запереть*.

Инструкция о депортации антисоветских элементов из Литвы, Латвии и Эстонии была подписана заместителем народного комиссара государственной безопасности СССР И. Серовым еще до включения Прибалтийских республик в состав СССР.

* * *

В то страшное утро мне снилась война, но не грядущая, которая была потом, ее я не мог себе представить, а та, которую видел в кино, куда мы накануне ходили с отцом. Снилось — суворовские чудо-богатыри тянут тяжелые пушки, скользят по обледенелым склонам затянутых облаками перевалов, лавиной скатываются на опешивших французов. Ранцы, треуголки, кивера, разинутые в крике рты. Пальба, грохот и впереди на белом коне Суворов с разлетевшимися на ветру седыми волосами.

А с улицы уже стучали. Стучали громко и требовательно. Били кулаком, может быть, прикладом винтовки.

— Кто там? — услышал я сквозь сон голос вышедшего в кухню отца. — Да, — сказал он кому-то. — Сейчас я оденусь.

Сон улетучился, была явь.

В дверь опять стали бить.

— Люба приехала? — спросила с постели мама.

— Нет.

* «Радуга» («Vikerkaar», Таллин), 1989, № 11, с. 49–53.

За последние месяцы в поселке арестовали многих. Взяли Карамзина, взяли Серпухова, Бойкова, еще нескольких эмигрантов. Говорили — при заводууправлении создан комитет, комитетчики заседают ночами, составляют списки.

А в природе было извечное — длиннее становились дни, зеленела еще не поблекшая от сланцевого дыма листва, в палисадниках цвела сирень, и запах ее бледно-фиолетовых кистей был сильнее запаха близкого завода.

Вчера мы с моим другом Женькой были возле станции.

— Глянь — в товарных вагонах окошечки с решетками, — кивнул я Женьке. — Для свиней, наверно.

Мимо поселка теперь часто проходили товарняки со скотом. Одни говорили — скот увозят в Россию, другие — в Германию, ведь с немцами был заключен договор. Порожняк со странными вагонами стоял на станции вторые сутки.

— Может, для буржуев?

Женька засмеялся. Я тоже — мы-то не буржуи.

В воздухе пахло войной, но мы не боялись войны. Не было у меня предчувствия страшного, было интересно жить, и мир казался ясным. Так бывает перед грозой — клубящаяся черная туча уже затмит полнеба, а еще не закрытое ею солнце словно торопится светить сильнее, и от его прощальных лучей по-особенному тепло и ярко.

— За мной пришли, — сказал отец глухо.

Я всегда пугаюсь ранних предутренних стуков и, если кто-то приехавший ночным поездом вдруг застучит в дверь, просыпаюсь с колотящимся сердцем. Но только недавно понял — это с того далекого страшного утра.

— Господи... Коля...

Помню оборвавшийся мамин голос, помню — пробудившись, в кроватке села, подогнув под одеяльцем ноги, моя четырехлетняя сестренка Светлана.

Застучали сапоги на кухне, и чей-то голос резко спросил:

— Оружие есть?

— Нет, — ответил отец.

— Листовки? Золото?

— Нет.

У косяка двери в комнату, стукнув о пол прикладом винтовки, встал красноармеец. Перетянутый португеей лейтенант в

фуражке с синим околышем кивнул выглядывавшему из-за его спины низенькому штатскому:

— Произведите обыск!

Тот, бочком протиснувшись в комнату, выдернул верхний ящик комода и суетливо принялся вынимать из него сложенные простыни, полотенца, белье...

Ухватившись за отца, мама плакала.

Лейтенант коротко глянул на моих родителей:

— Органами НКВД вы переселяетесь в отдаленный район СССР.

Значит, они пришли не арестовывать, папу не за что арестовывать. Они пришли нас переселять. Просто переселять. Мы сколько раз уже переезжали. Это не страшно, переселяться — не страшно. Только почему пришли военные?

— Вещей имеете право взять сто килограммов. На сборы — час, — сказал лейтенант, взглянув на будильник, и перевел взгляд на мою сестренку.

— Дети могут остаться.

— Нет, нет, — испуганно произнесла мама. — Мы поедем все. Все вместе.

Она торопливо принялась одевать Светлану.

Штатский выкидывал тряпки из второго ящика комода. Лейтенант отвернулся к книжной полке, полистав одну из книг, бросил ее на пол, снял с полки другую.

— Его белье складывайте отдельно, — кивнул он в сторону отца, не глядя на него.

— Зачем? — дрогнувшим голосом спросила мама.

— Потребуется в баню. Чтобы не искать.

Будильник на комоде показывал двадцать минут седьмого. Было утро 14 июня 1941 года.

Сейчас я представил, как этот оставшийся на комоде будильник тикал в опустевшей комнате под шум пошедшего к вечеру дождя. Словно еще стучало в пустой квартире чье-то сердце, и, когда зыбкая июньская ночь поглотила груды книг на полу, распахнутый платяной шкаф, детскую кроватку, под которой остались разбросанные кубики, остановились стрелки и умолкли часы.

Четырнадцатое июня сорок первого года...

Память — часть меня, часть моего сознания. Но, вспоминая прошлое, я не могу восстановить все последовательно, вижу

одни и те же картины, слышу издали те же слова. Наяву и во сне. Когда хочу вспомнить и когда не хочу. Все то же, все одно и то же много раз.

Помню — спросил часового, можно ли пройти на кухню, взять висевший на спинке стула пионерский галстук, и часовой, молча посторонившись, пропустил меня. Помню двух напуганных соседок, не знаю — привели их понятыми или они пришли сами. Прощаясь, обе заплакали, и мама, растерянная, постаревшая за один час, протянула одной из них коробку с пуговицами. И потом, уже в ссылке, вспомнив однажды об этих пуговицах, застыдилась, что отдала на память всего-навсего эту жестяную коробку...

Не помню, как выносили на улицу вещи, увезли ли их на грузовике или на лошади. Помню, у калитки я обернулся на окрашенное охрой крылечко, к которому никто из нас никогда не вернется. Я не сознавал трагичности происходящего, только обернулся и посмотрел.

Начинался пасмурный день, привычно пахло сланцевым дымом, шпалами и слабо — сиренью. Нас вели по Железнодорожной улице, на станции все так же стояли те бурые вагоны с зарешеченными окошечками, и мне показалось, что за ночь состав стал длинней. Подтянутый лейтенант шел сбоку и чуть впереди нас, мама вела Светлану, та не попевала, и отец понес ее на руках. Я слышал шаги идущего следом конвоира с винтовкой, но не было страшно, наоборот, было во мне какое-то удалство — я иду под конвоем и люди смотрят на нас. Смотрели — кто с любопытством, кто с сочувствием. Попавшаяся навстречу пожилая эстонка бросилась к маме, обняла ее, поклонилась отцу. Совсем незнакомая, простившаяся с нами эстонка...

Нас вели вдоль уходящей к Нарве железной дороги, мимо дощатого забора, через который столько раз, обдирая локти и колени, я перелезал с мальчишками на поросшее у ворот истоптанной травой футбольное поле, вели вдоль палисадников, за которыми жались низкие кусты акаций и невесомо висели бледно-фиолетовые кисти сирени. Вели мимо, мимо...

И я не понимал, что эта утренняя улица, спрятавшиеся за зеленью испуганные окна пожелтевших от заводского дыма одноэтажных домиков, маячащий за поселком террикон, поднявшись на верхушку которого можно увидеть сливающуюся с небом полосу Балтийского моря, — все, как и то окрашенное охрой кры-

лечко, захлопнувшаяся за нами калитка, — все это последние видения моего остающегося здесь детства. Я это понял потом, и лучше, что потом.

Видения детства... Того? Или уже другого, начавшегося тем ранним утром?

Словно составленный из больших серых коробок, двухэтажный Народный дом, из окон которого видны оцепившие его солдаты в фуражках с такими же, как у приведшего нас сюда лейтенанта, синими околышами. На полу сумрачного фойе дома — чемоданы, тюки, баулы, бельевые корзины... Этим утром сюда привели русских эмигрантов. Здесь и разбуженные в это июньское утро стуком в дверь эстонцы — бывшие владельцы мелочных лавок, бывшие кайтселиитчики, здесь крестьянские семьи с окрестных хуторов, тут семьи ранее арестованных, ожидающие теперь со всеми своей участи. А конвоиры все приводят кем-то внесенных в список людей, и все прибывает народу в Народном доме. Сашка и Мишка, у которых полгода назад забрали отца, Колька и Наташка, две Верки, Галья, Лембит, Святослав. И Женька, с которым мы вчера проходили мимо товарняка; здесь и его младшая сестренка. Мальчишки и девчонки с отцами и без отцов, ребята, с которыми я вчера играл в лапту, вместе учился и для которых тоже пригнали на станцию товарняк. Мы не ведаем, что нас ждет, еще я не понимаю, что в моей жизни что-то кончилось и вот-вот кончится еще. Мне интересно. А в глазах родителей — печаль. Такая печаль...

Прошло почти полвека, но я снова вижу их, вижу в последний раз всех вместе. Прижавшись друг к другу, они сидят на тюке, перепоясанном дорожными ремнями, — мама, отец, Светлана на его коленях. Папина кепка, синее в горошек мамино платье, белый бант на волнистых волосах моей сестренки. Их лица, глаза... Только себя я не вижу, меня нет. Но я тоже там... Я же был тогда рядом!

Недавно прочел у Бунина: «...стоит мне лишь немного подумать, как время начинает таять... Не раз случалось: вот я возвратился в те поля, где был некогда ребенком... И вдруг, взглянув кругом, чувствую, что долгих и многих лет, прожитых мной с тех пор, точно не было. Это совсем не воспоминание... Просто я опять прежний, совершенно прежний...» Нет у меня такой счастливой способности возвращения в прошлое, оно отторгло меня, я смотрю на него сквозь призму времени и ощущаю себя

таким, каким меня сделали годы, — состарившимся, уставшим. Лишь во сне, редко-редко во сне вижу себя в том времени. Но не радужны эти сны.

В памяти не оставляют следов иные годы, но остаются порой зарубки от мгновений. Чей-то грустный взгляд, чьи-то последние слова...

— Береги маму и сестренку, — сказал тогда отец.

Мама еще была с ним рядом, притихшая Светлана еще сидела на его коленях, но он уже все понял.

Плотный низкорослый капитан крикнул: первыми поведут на станцию мужчин, женщины и дети поедут в других вагонах.

В наступившей тишине зазвучали фамилии, и те, кого вызывали, один за другим становились в шеренгу.

Выкликнули отца. Он надолго прижался щекой к Светлане, передал ее маме. Поцеловал ее, меня. Мама торопливо перекрестила его... И мы остались втроем.

Отгороженный солдатами строй у выхода рос, вытягивался.

Первый раз видел я отца в строю.

— Хлеб... Отнеси папе. Когда еще их покормят.

Я схватил из маминых рук половину ржаной буханки, побежал к построившимся, уже пересчитанным.

Будто этот кусок хлеба мог еще что-то сохранить. Будто мог уберечь, спасти.

— Папа! Возьми!

Он услышал, махнул рукой: не надо.

— На-а-пра-а-во! — жестко скомандовал капитан. — Ша-а-гом!

— Папа!

В проеме двери он обернулся и в последний раз посмотрел на меня. Бледный, мучительно, через силу попытался улыбнуться.

Больше я его никогда не видел.

Шорох шагов. Конвой.

Что же было потом? Что было потом?

Запах паровозного дыма и людских тел, грохот встречных поездов, нары в два яруса, занавешенный одеялом дощатый лоток в углу вагона. Долгие стоянки, плач грудного ребенка, ожидание, предчувствие, надежда, страх.

Но была еще одна, последняя, ночь дома. На нарах, за закрытой на засов дверь вагона, но еще там, там... Кого-то еще не привели, кого-то искали, чего-то ждали... Но возврата туда уже нет. Рядом тихие голоса, чье-то сонное дыхание, а на улице

дождь. В зыбкой ночной темноте крупными каплями скатывается он со вздрагивающих листьев, льется из водосточных труб, мерно стучит по крыше вагона. Шелестящий, о чем-то плачущий июньский дождик.

Настанет серое утро, дернутся вагоны, без прощального крика паровоза стронется с места эшелон. И я, перебравшись на верхние нары к прижавшимся к зарешеченному окошку людям, буду пытаться увидеть проплывающие мимо дома, мокрую зелень, потемневшие палисадники. Оборвалась тусклая от дождя улица, скрылись дома, убегают столбы с провисшими проводами, и все в туманной хмари оплакивающего ночь дождя.

Через восемь дней взорвется рассветная тишина и жизнь разделится на довоенную и военную. Но для тысяч семей из Прибалтики, Бессарабии, Буковины колеса идущих на восток товарняков уже отстукивали разлуку, разлуку, разлуку...

И уже не снились мне суворовские чудо-богатыри, снилось что-то детское из оставшейся на короткой улочке прежней жизни. Вечер, освещенный лампой склонившийся над книгой отец. Он отрывается от чтения, смотрит на меня, мучительно пытается улыбнуться. Будто просит прощения за то, что увозят куда-то маму, сестренку, меня, словно виноват в том, что так случилось. Но уже я, я всю жизнь буду винить себя за то, что не смог спасти их, не уберег.

Тогда, в том идущем на восток товарняке, еще теплилась надежда — вот привезут нас на конечную станцию и опять будем вместе. Разве может быть иначе? Разве может? Но томительно, с долгими остановками, бесконечно долго шел эшелон, не было последней станции, и уже знали, что вагоны с мужчинами прицепили к другому паровозу и тот паровоз повез их по другому пути.

Потом, уже потом, однажды ноябрьской ночью, я проснусь на полу в холодной крестьянской избе и услышу, как судорожно плачет мама. «Я сейчас видела во сне, — скажет она мне. — Ему плохо... Очень плохо. Наверное, он...» И сердце мое будет биться сильно-сильно, и лицо будет мокрым от слез. Мне тоже только что приснился отец — он прощался со мной... Через много лет я узнаю, что он умер в ноябре сорок первого. В ту самую ночь.

* * *

14 июня 1941 года только лишь из Эстонии были отправлены в концентрационные лагеря и места специальных поселений в отдаленных областях 10 157 человек. Две трети из них — дети

до восемнадцати лет. Опыт массовых репрессий у тех, кто их проводил, был основательный. Знали, как разлучать семьи «без шума и паники», знали, в каких вагонах отправлять в концентрационные лагеря и на спецпоселение «в отдаленные районы». Районы эти, в частности Нарымский округ, были также давно опробованы.

Из кого состояли «антисоветские элементы», высылаемые сюда из Прибалтики? Это были «социально опасные» эстонки и латышки с детьми, чьих мужей и отцов — бывших домохозяев, владельцев лавок, хуторян, полицейских — отправили в концлагеря, жены и дети русских эмигрантов, также отправленных в концентрационные лагеря. (Часть мужчин, которых в связи с начавшейся войной не успели увезти в эшелонах на Урал, расстреляли на месте. Впрочем, и в концлагерях из каждых ста их выжило менее десяти...)

В тот же день по точно такой же схеме проводились массовые репрессии в Буковине и Бессарабии. Население Нарымского округа пополнили поляки, белорусы и западные украинцы. Часть семей отправили в ссылку в полном составе. Смерть начала быстро разлучать родителей и детей уже в Нарыме.

78

Из докладной записки
Нарымского окружкома ВКП(б)
секретарю Новосибирского обкома ВКП(б)
Кулагину

19 июля 1941 г.

О приемке и устройстве в Нарымском округе адм. ссыльных

...В первой половине июня через областное управление НКВД окружкому ВКП(б) стало известно о вселении в Нарымский округ адм. ссыльных в количестве 4000 человек, включая членов их семей. В конце июня количество адм. ссыльных, вселяемых в районы округа, было увеличено до 9000 человек. Восьмого июля окружкому сообщили о том, что количество адм. ссыльных, вселяемых в округ, увеличивается до 21 000 человек. Вместе с бригадой обкома окружком распределил это количество по районам.

Состав адм. ссыльных, как по национальности, так и по соц. составу, представляет довольно пеструю картину. Часть адм. ссыльных, и довольно порядочная часть, по своему прошлому и поведению в настоящее время заслуживает нечто большего, чем выселение в административном порядке. Есть и такая часть людей, которая немедленно и безо всяких оговорок включается в трудовую деятельность.

Что мы намечаем в ближайшее время? а) Закончить расселение и приобщение к полезному труду внутри каждого района*. б) Вместе с органами НКВД и УНКГБ выявить лиц, ведущих контрреволюционную агитацию, и принять к ним меры, вытекающие из законов Советской власти, с тем чтобы в самом начале не дать возможности разнузданно и безнаказанно вести подрывную работу. в) Рассмотреть и решить на месте вопросы, связанные с устройством инвалидов, стариков. Выявить и реализовать местные возможности по строительству жилья, продаже обуви освобождающимся и приобщившимся к труду**. г) В соответствии с требованиями обстановки поднять бдительность работников районов и сел.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 470, л. 50

79

Из пятидневных информаций
секретаря Парабельского РК ВКП(б)
Кулюпанова
Нарымскому окружкому ВКП(б)

2-22 июля 1941 г.

О работе с населением

В Широковском поселке Старицинского сельсовета из числа вновь привезенных спецпереселенцев-поляков, живущих у реч-

* Когда писалась эта докладная записка, более двух тысяч ссыльных еще находились в пути.

** Ничего подобного предпринято не было. Инвалиды и старики почти все погибли. Но еще раньше стали умирать малолетние дети. Так, только из ссыльных, привезенных на Васюган, уже к октябрю 1941 года умерло более двадцати малышей. Жилья для ссыльных не строилось, не было и никакой «продажи обуви». Наоборот, сосланные отдавали местному населению (в том числе и начальству) в обмен на продукты свои последние вещи.

ки Омелич, ведется агитация в такой плоскости, что Гитлер все равно освободит их, и сговаривают спецпереселенцев ехать с ними, рассказывают, что в Польше все было дешево и жить было хорошо.

Комсомолец Щербаков, инспектор РОНО, одной из вновь прибывших обещал устроить ее учительницей в среднюю школу и добился в райторге выдачи для нее хлеба как школьному работнику. Милиционер Парабельской комендатуры Костарев, член ВЛКСМ, познакомился с одной из вновь прибывших репрессивного контингента и держал ее у себя три дня на квартире. Костарев с работы снят.

Из Старицы передали телеграмму, а Парабельский радист в свою очередь передал телеграмму в Колпашево следующего содержания: «17 июля 1941 года из Старицы. Совнарком, Сталину. Эшелон Буковины белорусов 870 душ кочует шестую неделю. Сейчас находится в барже Парабели Старица. Старики и дети, нетрудоспособные женщины. Несколько умерло, грозит эпидемическое заболевание. Район Парабели перегружен, начальство трудом кормят. Просим верить лояльности, преданности... Для нас тяжелые условия, климат, жилища нет, грозит физическому существованию. Просим срочного распоряжения об изменении направления. *Старшие вагонов Черкес, Милихсон, Дучак*». Этой насквозь ложной телеграмме (так как не только смертности, но и случаев заболевания в нашем районе во время пути следования не было) работники телеграфа не придали значения.

На следующий день из Старицы поступила телеграмма следующего содержания: «18 июня 1941 года. Москва, Сталину. Кример, заслуженный директор*, композитор Черновицкой государственной консерватории, сослан в Сибирь переселенцами этапом. Не дали взять инструмент, живу в маленькой деревушке Нарыме. Дунаевский меня лично знает, мо[жет] дать обо мне сведения. Прошу исправить ошибку, разрешить мне семьей поселиться большом городе». Работникам связи даны соответствующие указания и разъяснения. По остальным вышесказанным вопросам органы НКВД принимают меры.

Там же, д. 502, лл. 29–30

* Очевидно, дирижер.

Из информации Пудинского РК ВКП(б) Нарымскому окружному ВКП(б)

23 июля 1941 г.

Классово чуждые элементы, особенно из спецпереселенческих колхозов, саботируют проводимые в районе госпоставки, а также уплату средств по займу и сельхозналогу.

В июне этого года в наш район прибыло более тысячи ссыльных за контрреволюцию из Бессарабии и др. пограничных районов. 30–40 процентов подали заявления о вступлении в спецпереселенческие колхозы, и некоторые работают. Другая часть, их большинство, в колхоз еще не вступили, имеют много денег и вещей, живут дармоедами. Эта группа ссыльных в первые дни приезда в пос. Яровое одновременно написали в райком ВКП(б) 11 заявлений, в которых изливают свои жалобы об оставлении ими по месту прежнего жительства имущества, кроме того, также изливали «обиду» на снабжение их продуктами. Некоторые из них ведут разговоры о побегах из Нарымского округа. Одна ссыльная сделала попытку сбежать, была задержана органами НКВД.

...Спецпереселенка кулачка Иванова Варвара своей подруге спецпереселенке говорила: «Все вожди уехали на фронт, и Сталин уехал. Теперь всех убьют, всех маленьких и больших большевиков, да что[бы] их всех прибили. Теперь деньги советские скоро не пойдут, надо не держать в руках, а расходовать куда-то или пропивать».

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 506, л. 13

О том, что сказала в Пудинском районе колхозница Варвара, и.о. секретаря Нарымского окружного Ужев спешно докладывает Новосибирскому обкому ВКП(б):

В Пудинском районе кулачка Иванова Варвара среди неорганизованного населения пропагандирует: «Все вожди уехали на фронт, и Сталин уехал, теперь там всех убьют, всех больших и маленьких большевиков. Да чтобы их всех перебили...» И целый ряд других фактов, свидетельствующих о том, что кулацкая

часть населения округа поднимает голову и готова идти на самые гнусные поступки.

Ко всем враждебно настроенным по отношению к Советской власти элементам принимаются самые решительные меры.

Там же, д. 470, л. 80

Просто дивишься подчас тому, что могло вызвать тревогу партийных органов. Так, председатель Парабельского райкома профсоюза Богатырев сообщает в Парабельский райком партии: «Есть случаи в Парабели, когда из кулаков-переселенцев сочувствуют привезенному контингенту, приносят лук зеленый, отдают бесплатно» (там же, д. 502, л. 28).

Секретарь Парабельского райкома партии Кулюпанов докладывает о том же в Нарымский окружком ВКП(б): «Новый контингент находит себе питательную среду в отдельных людях ранее высланного кулачества. Так, например, были случаи, когда спецпереселенцы приносили лук и давали вновь прибывшим бесплатно» (там же, д. 513, л. 7).

И.о. секретаря Нарымского окружкома ВКП(б) Ужев 19 июля 1941 г. приводит те же факты в очередной информации Новосибирскому областному комитету партии: «В Парабели кулаки-переселенцы сочувствуют вновь прибывшим ссыльным, приносят лук и другие продукты...» (там же, д. 470, л. 38).

Как реагировали в Новосибирске на это, по выражению Ужева, «враждебное проявление», неизвестно. Быть может, включили в очередную сводку и сообщили в ЦК ВКП(б).

Сочувствовать ссыльным нового контингента было нельзя. Все тот же Кулюпанов докладывает окружкому: «В пос. Белка на общем собрании колхоза один из старых колхозников обратился к гражданам с призывом пожалеть вновь прибывших и обращаться с ними как следует, научить их работать, за что тут же благодарили его приехавшие. А сам отказался совершенно от подписки на заем. По обоим этим фактам приняты соответствующие меры» (там же, л. 70).

Из информации секретаря Нарымского
окружкома ВКП(б) Каштанова
секретарю Новосибирского обкома ВКП(б)
Кулагину

30 июля 1941 г.

В колхозе [им.] Ворошилова Колпашевского района в кулестане находящиеся портреты вождей оказались с порванными лицами. Ведется расследование.

В Бакчарском районе ссыльная полячка Гриб при изучении речи тов. Молотова в группе колхозников заявила: «Да здравствует Гитлер!» Гриб арестована*.

Секретарь Парабельского РК ВКП(б) Кулюпанов сообщает: «Имеются случаи, когда члены артели "Трудовик Нарыма" (поселок Белка) Зуев и Шелехина обменивают ссыльным картофелем урожая 1941 г. на вещи. Пользуясь временным отсутствием врача, в с. Нарым из вновь прибывшего репрессированного контингента рекомендуют себя врачами и производят подворный обход якобы для выявления оказания им помощи. Аналогичный случай был в поселке Камчатка Нарымского Совета. Больному катаром желудка Ушакову врач, сосланный из Риги, выписал рецепт на русском языке без указания дозы и подписи врача. Больному в выдаче медикаментов отказано».

В пресечении всех фактов контрреволюционного характера принимаются самые решительные меры.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 470, л. 72

Из информации секретаря Шмаковской
парторганизации Васюганскому РК ВКП(б)

31 июля 1941 г.

(Орфография и пунктуация подлинника сохранены)

Нужно будет остановиться на таких людях, которые прямо являются не нашими в своих разговорах их перечислю и имено

* «Гриб Мария Иосифовна, 1914 г., род. дер. Вертаны Стрыйского района Дрогобычской обл., проживала в с. Бакчар, портниха промартели. Арестована в 1941 г. Расстреляна». — В кн.: Боль людская, т. IV, с. 92.

в чем это выступление. В колхозы имени Кирова собравшиеся колхозники где член колхоза Силиванов Петр Филипович заявил что у нас лесу много в власть скрестьян дерет две шкуры где был Саников Сергей. Был также факт в этом же колхозе Силиванова Матрена в разговорах с колхозниками когда мы отмучимся от этой власти нас сколько уже заморили зголоду народ гибнет а Сталин сидит далиша Трухин Ф. говорил нам посылают бездельников чтоб нас погоняли чтоб больше мы пахали сколько спашем столько и ладно совсем нас хотят угробить сели верхом на нас Следующий член колхоза 17 партсезда Щербин Л. говорит почему это так получается что нам говорят что колхозники сами колхозу хозяйивы а посмотриш не колхоз распоряжается а власть вот хлеб весь в колхозы забрали и теперь сиди бесхлеба. Вот какие разговоры среди колхозников много.

Резолюция: Соловьеву. К сведению и к принятию мер.
М. Гляделов

Там же, ф. 102, оп. 1, д. 30, л. 116

83

Из информации и.о. секретаря Парабельского РК ВКП(б) Новикова Нарымскому окружному ВКП(б)

24 августа 1941 г.

Среди отдельных адм. ссыльных, особенно женского состава с детьми, имеются разговоры покончить жизнь самоубийством на почве якобы голода. В то же время не идут на работу, не хотят зарабатывать хлеб. Имеются коллективные письма женщин с требованием привезти им мужей, дать хлеб.

Недостаточно еще до сих пор введение строгого режима на спецпоселках, враги используют. До сих пор хотя и в меньшей мере, но еще имеет место хождение ссыльных из поселка в поселок и посещение райцентра. Для того чтобы не работать в колхозах на физической работе, значительная часть ссыльных находит мотивы: болезнь, к физической труду не способны, могут работать только легкую работу и т.д. В ряде мест враждебному элементу удается привлечь симпатию отдельных неустойчивых колхозников... Враги ведут агитацию за неизбеж-

ное поражение Красной Армии. Некто Копьев* (сын попа)... говорит: «Я был в Парабели, что там делается, ужасно — плач, стоны, крики, дезертирство из рядов призванных в армию... Одним словом — гибель».

Имеется факт сбора на одном из поселков собрания адмоссельных работником райфо по вопросу продажи облигаций госзайма. В результате, конечно, займа было продано на несколько десятков рублей, но, в свою очередь, была предоставлена трибуна для открытого антисоветского выступления.

По всем этим вопросам со стороны РК ВКП(б) приняты меры. Райкоменданту, начальнику РО НКВД дано указание навести строгий режим на спецпоселках. Проводится работа по выселению из райцентра адмоссельных и спецпереселенцев. Коммунисты на проходившем 17 августа райпартсобрании проинформированы о проводимой антисоветским элементом контрреволюционной работе, подрывной деятельности вражеских элементов.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 502, л. 39

84

Докладная записка зав. орготделом
Нарымского окружкома ВКП(б) Родикова
начальнику окротдела НКВД
Островлянчику

30 августа 1941 г.

Оргинструкторский отдел Нарымского ОК ВКП(б) сообщает, что по имеющимся у нас материалам известно, что в Парабельском районе отдельная часть адм. ссельных ведет открытую пораженческую агитацию... Контрреволюционную агитацию ведет сын попа Копьев... Просим принять соответствующие меры к вышеперечисленным контрреволюционным элементам. О результатах сообщить лично тов. Ужеву.

Там же, л. 41

* «Копьев Петр Николаевич, 1896 г., род. дер. Козьмодемьянск Медынского района Калужской обл., проживал в с. Соиспаево Парабельского района, лесник ЛПХ. Арестован в 1941 г. Осужден к ВМН — расстрелу с последующей заменой на 10 лет ИТЛ». — В кн.: Боль людская, т. IV, с. 166.

Из сборника «Нарымская ссылка (1906–1917 гг.)»

Одной из форм борьбы ссыльных против существовавшего режима ссылки были их письма и телеграммы в Государственную думу и Министерство внутренних дел...

Небольшая помощь ссыльным поступала от Красного креста, находившегося за границей... часто медицинскую помощь оказывали сами ссыльные, когда среди них находились врачи и фельдшера. Причем их услугами пользовались не только товарищи по ссылке, но также и местное население.

...Согласно уставу, выработанному политическими ссыльными, высшим органом самоуправления являлся делегатский съезд политических ссыльных, который собирался ежегодно...

Органы самоуправления организовывали общественные столовые и клубы, потребительские лавки и кассы взаимопомощи, решали вопросы об организации побегов из ссылки, проведении культурно-просветительских мероприятий, борьбы против усиления полицейского режима, организации митингов, сходок, демонстраций, получении нелегальной литературы...

Местные власти неоднократно запрещали создание органов самоуправления политических ссыльных, но они возникали вновь...

...Велась довольно оживленная переписка с заграничным центром, с местными организациями. Ссыльные получали решения партийных органов, нелегальную литературу, денежные средства...

...Ежегодно в день международного праздника трудящихся 1 Мая в Нарымском крае проводились митинги и массовки, в которых принимали участие не только политические ссыльные, но и местное население. Колонны демонстрантов с пением революционных песен проходили по улицам Нарыма, Парабели и других деревень и сел. Над ними гордо развевались красные знамена, раздавались призывы к борьбе с самодержавием... Полицейский надзор не мог мешать этим демонстрациям. Но позже политические ссыльные подвергались арестам за участие в этих демонстрациях...

...В местах ссылки регулярно работали библиотеки и читальни, хотя «положением» и это категорически воспрещалось... По

просьбе ссылных многие редакции газет и журналов высылали в их адрес бесплатные экземпляры своих изданий...*

86

Из информации уполномоченного из колхоза «Новый путь» Пономарева Васюганскому РК ВКП(б)

4 августа 1941 г.

Проведено два общеколхозных собрания и две информации о последних известиях... Колхозники и колхоз не живут, а существуют (полуголодные, живут в грязи). Колхоз даже не мог найти 20 рублей купить бруски точить литовки. Колхозники не рассчитаны деньгами за 1940 год... У бригадира нет решительной требовательности, председателя также надо подгонять, и зачастую приходится подменять его распоряжения.

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 30, л. 111

Крестьяне-труженики... Крестьяне, пострадавшие только за то, что работали истово. И, сосланные, обездоленные, они продолжали трудиться не кладая рук, потому что не привыкли иначе.

Однако, если судить по протоколам райкомов ВКП(б), информациям уполномоченных, поселковых комендантов и партторов, не они — те, кто босиком пахал и сеял, вязал снопы, кто, сгорбившись под непосильной тяжестью, по пояс в снегу носил четырехпудовые вязанки пихтовой лапки, валил в делянах лес, долбил пашней метровый лед, — радели о стране, а те, кто их «подгонял», читал и разъяснял доклады товарища Сталина...

Я не говорю, что у всех тогдашних больших и малых начальников не было сердца. Жестокими их делала система. Много лет спустя мне довелось встречаться с некоторыми из тех, кто в ту пору приезжал из райцентра в колхозы «требовать» и «нажимать». Все они помнили, как самоотверженно трудились те, кого они подгоняли, у кого отбирали последнее.

А те, ныне уже вовсе немощные старухи и старики, которых тогда называли саботажниками, лодырями, врагами, сегодня не таят против них злобы. Бог рассудит...

* Нарымская ссылка (1906–1917 гг.)..., с. 8–13.

Из информации Каргасокского РК ВКП(б) Нарымскому окружному ВКП(б)

8 августа 1941 г.

Есть случаи контрреволюционных выступлений среди административно-ссылных.

1. Пред. колхоза им. М. Горького Стронский сообщил, что адм. ссыльные собрали без ведома комендатуры собрание о вступлении в колхоз и большинством решили в колхоз не вступать. Нами приняты меры. Послан представитель НКВД.

За факты контрреволюционной агитации привлечено к ответственности по 58-й статье из адм. ссыльных 3 человека.

Секретарь РК ВКП(б)
Зав. отделом пропаганды и агитации

Давыдов
Бабанов

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 497, л. 32

Из информации М.В. Гяделова, секретаря Васюганского РК ВКП(б), Новосибирскому обкому ВКП(б) и Нарымскому окружному ВКП(б)

30 августа 1941 г.

*О политико-массовой работе среди населения
и о выполнении хозяйственно-политических задач
по Васюганскому району*

Вся агитационно-массовая работа перестроена на военный лад. Проведено 129 собраний с охватом 6675 человек... Все это воспитывало трудящихся в духе советского патриотизма, любви и преданности к нашей коммунистической партии, ее вождю и учителю тов. Сталину, поднимает у трудящихся производственный энтузиазм. Растет гнев и ненависть к узурпаторам средневековья германским фашистским стервятникам. В фонд обороны поступило гос. займов на сумму 71 015 рублей. Колхозники уже свыше 79 процентов рассчитались по подписке на заем третьей пятилетки, кроме того, в фонд обороны поступают золотые и серебряные вещи, продукты. Сдано 4577 кг ягод,

около трех тонн грибов... Проведена проверка у ряда организаций, учреждений, отделов исполкома — как сохраняется государственная переписка, которая в ряде случаев показала безобразно-преступное отношение к этому вопросу. Например, в райзо, райфо, районо шкафы, столы, окна не закрывались и вся переписка хранилась в шкафах и столах. Зав. райзо Вязов с работы снят. На этих фактах была мобилизована партийная организация района, что повысило бдительность, в результате чего уже задержано несколько враждебных элементов... Все радиоприемники, находящиеся в индивидуальном и общественном пользовании, изъяты... При наличии непрерывного роста советского патриотизма и морально-политического единства трудящихся района имеет место и оживление деятельности враждебных элементов. Например, в колхозе имени Кирова Шмаковского сельсовета «колхозник» Селиванов П.Ф. говорил, что у нас лесу много, а власть дерет две шкуры, или в том же колхозе «колхозница» Селиванова Н. говорит колхозникам: «Нас Сталин заморил с голоду, народ гибнет, а Сталин сидит». Или в колхозе 17-го партсъезда «колхозник» Щербин А.Г. говорит: «Почему это так получается — нам говорят, что колхозники сами колхозу хозяева, а посмотрим — не колхоз распоряжается, а власть. Вот хлеб весь в колхозах забрали, а теперь сиди без хлеба». Новый контингент распространяет, что Гитлер взял Москву и т.п. нелепицу. Или тем вновь приедем, которые с первых дней начали хорошо работать, как, например, в колхозе «Земледелец» две семьи Фоминых, то Ханелиане говорит: «Что вы работаете? Хотите получить у Сталина большую золотую медаль?» И т.п. Меры против враждебных элементов принимаются.

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 31, лл. 9, 11

89

Из докладной записки секретаря
Нарымского окружкома ВКП(б) С. Паршина
секретарю Нарымского окружкома ВКП(б)
Ужеву

24 августа 1941 г.

О состоянии дел в Васюганском районе

Проверкой с 1 по 14 августа установлено, что непонимание обстановки, нежелание отдельных руководящих работников в

районе и на местах трезво оценить свое враждебное окружение привели к послаблению внутрипартийной и политической работы в районе. Непринятие своевременно решительных мер против оживления деятельности враждебных элементов создало возможность врагам осуществить хотя и незначительные по размеру, но явно контрреволюционные акты... Возрастает гибель и растраниживание общественного животноводства... Выше колхозов «Север» и «Красный партизан» по р. Чертала обнаружено массовое заболевание людей. Болезнь не установлена.

По отдельным поселкам более реакционно настроенная часть сосланных и бежавших на Васюган сокращает или реализует свое индивидуальное хозяйство. В отдельных артелях враждебные элементы срывают сеноуборку (приняты меры вплоть до привлечения к ответственности). Сопrotивление выполнению госпоставок масла имеет [место] не только со стороны отдельных индивидуальных сдатчиков, но и спецпереселенческих колхозов. Нередко масло, молоко, яйца идут на т.н. внутриколхозные нужды и продаются новому контингенту. Мной предложено сместить управляющего раймаслопрома. Уполминзаг Никитин и прокурор предупреждены.

В районе можно встретить самые провокационные слухи, особо от нового контингента: «Москва сдалась», «Сталин и Молотов ушли в отставку», «Придет Гитлер — освободит от налогов». Есть стремление врага вызвать недовольство иждивенческими требованиями, стремление подготовить и использовать колхоз, как организованную форму, в контрреволюционных целях (дело пред. артели «Идея Ленина». Лукьянов* арестован). Среди нового контингента наблюдается скрытый или открытый отказ от труда у значительной части высланных, особенно евреев. В ряде поселков новый контингент стремится вступать в добров. общества МОПР, Красного креста или создавать их заново. Это стремление, очевидно, обусловлено избранием формовой организации. Достаточно такого примера — в Айполовской и Тевризской комендатурах вступившие в общества организовано от имени обществ писали письма и телеграммы в адреса международных организаций, изливая свои недовольства. Все вышеперечисленное — далеко не полные факты, сви-

* «Лукьянов Илья Гаврилович, 1898 г., род. с. Ивановка Березовского р-на Красноярского края, проживал в пос. Медвежий Чвор Васюганского р-на, председатель колхоза «Идея Ленина». Арестован в 1941 г. Осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах». — В кн.: Боль людская, т. IV, с. 191.

детельствуют о скрытом оживлении контрреволюционной бан-
дитской деятельности враждебных элементов.

Политический вывод:

Если с внешней стороны моральное состояние выглядит здо-
ровым, а когда вникнешь глубже, оно явно противоположное. Скрытая активизация враждебных элементов, с одной стороны, и существующая до сих пор беспечность и благодушие в пар-
тийной и руководящей среде и непринятие своевременно ре-
шительных мер предупреждения могут привести к противона-
родным преступлениям... Исходя из сложившихся у меня выво-
дов по Васюгану, мной руководящий парт. сов. хоз. актив рай-
она ориентирован. Составлен план на случай необходимости
производства операций. Копия плана с картой выслана фельд-
связью на имя Ужева.

По вселению нового контингента:

К моему прибытию в район расселение нового контингента
не было закончено (затянули). Приняты меры развоза. При рас-
селении вскрыт ряд извращений. Заселение происходило во
все села, в т.ч. и поселки коренного населения. Приняты меры
выселения в спецпоселки. По всем вопросам мной дано исчер-
пывающее разъяснение... Целесообразно престарелых, неспо-
собных к труду, определить в инвалидные дома, а детей, остав-
шихся безродными, определить не по всем детдомам, а оче-
видно, в один из детдомов округа. Среди прибывшего нового
контингента наблюдается массовое заболевание, больше все-
го среди взрослых — дизентерией, среди детей — дизенте-
рией и корью... В районе медикаментов не было. Заболевание
корью и ее исход были смертью для многих больных.

По детдомам:

Айполовский детдом не избавился полностью от воспитате-
лей-спецпереселенцев и клопов в общежитиях. Детдом и шко-
ла засорены явно враждебными по своей идеологии и проис-
хождению преподавателями.

Средне-Васюганский детдом. Хуже его по состоянию вряд ли
найдешь в округе. Директор детдома Дмитриев (установлено,
в районе всем известно — сын матерого кулака). В корпусах и
дворе детдома все разбито, разломано... Из 16 воспитателей
по штату наличие — 13. В их числе 5 спецпереселенцев. Ребята
никто не организует, ребята шатаются где попало и куда при-

дется. Дано указание Дмитриева с работы снять и отдать под суд.

Особый вопрос:

Собранное за несколько лет оружие в большом количестве хранится в райотделе НКВД. Дано задание тов. Островлянчику* послать катер с паузком и вывезти как можно быстрее это оружие.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 493, лл. 18, 20

90

Из информации секретаря Пудинского РК ВКП(б)
Тарасенко
Нарымскому окружному ВКП(б)

17 сентября 1941 г.

*О состоянии работы в Пудинском районе
с 5 августа по 15 сентября 1941 г.*

С хлебом в колхозах, особенно спецпереселенческих, анти-советскими элементами развита контрреволюционная агитация, направленная на срыв хлебоуборки и выполнение хлебопоставок... Сегодня принималось решение о привлечении председателей колхозов к уголовной ответственности.

При мобилизации пьянок, чрезмерных слез провожающих не было. Семьи мобилизованных в большинстве случаев не имеют хлеба, и колхоз им не может дать. Мы сделали так: за счет сокращения пайка адм. ссыльным даем хлеба семьям мобилизованных из кооперации.

Проводили работу с поляками по разъяснению Указа Президиума Верховного Совета от 12 августа, договора с Польским правительством о создании польской армии. Провели собрания по всем поселкам. У нас их насчитывается больше 300 человек. Беседы проходят хорошо, поляки выражают удовлетворение Указом и договором, но в армию не особенно хотят идти, пока нет ни одного заявления о вступлении в польскую армию. Некоторые открыто высказывают антисоветские мысли, заяв-

* Начальник окротдела НКВД.

ляя, что Красная Армия помогла фашистам уничтожить Польшу. Особенно эти настроения развиты в Язовке.

За последнее время в районе активизируется деятельность антисоветских элементов... Ссылный рецидивист Вайнег* открыто вел агитацию, что Гитлер лучше Сталина... В пос. Астанино ссыльные собираются группами с географической картой, обсуждают ход военных действий на фронте. Все ссыльные настойчиво требуют в магазинах географические карты. Какие были карты, все растащили.

В Лавровке 12 человек ссыльных рецидивистов объявили забастовку, требуя масла, мяса, хлеба, одежды, обуви. Потрясли за грудь пред. колхоза, затем организованно пошли в комендатуру. Когда их комендант разогнал, они организовали побег. Три человека сбежали в тайгу, а остальные были задержаны. Всего по району уже более 30 побегов. Около десяти человек сбежали, остальные задержаны, [о]суждены за побег и отправлены в тюрьму. Сейчас опять забито ими КПЗ.

Адм. ссыльные, как правило, по воскресеньям сотнями собираются в Пудино со своими ряжками на базар и под предлогом базара организуют встречу, распространяют к[онтр] р[еволюционную] пропаганду. Сейчас нами дано указание председателям колхозов запретить им ходить на базар. Ссыльные из Риги, Бельцов — такие, как Эренбург и др., — ведут к[онтр] р[еволюционную] агитацию, что там, т.е. в капиталистических странах, лучше — нет налогов, не отбирают продукты и т.д. А здесь, в Советском Союзе, большие налоги, все отбирают у крестьян и т.д.

Распространяется агитмассовая пропаганда и среди спецпереселенцев: «Фронт и тыл неотделимы. Пусть нас накормят мясом, тогда мы будем работать, крепить тыл. Нас задавили налоги, заставляют голодных работать и т.д.»

Резолюция: Ознакомить нач. окротдела НКВД т. Плотникова для принятия мер, ликвидации к[онтр] р[еволюционных] элементов в Пудинском районе. С. Паршин

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 506, лл. 7-8

* Фамилия искажена. Правильно Вайникс. «Вайникс Израиль Михайлович, 1911 г., род. г. Рига (Латвия), проживал в пос. Лушиково Пудинского района Новосибирской обл., без определенных занятий. Арестован в 1941 г. Расстрелян». — В кн.: Боль людская, т. I. Томск, 1991, с. 152.

91

Из докладной записки секретаря
Нарымского окружкома ВКП(б) Ужева
начальнику окружного отдела НКВД Плотникову

27 сентября 1941 г.

Копия информации секретаря Пудинского РК ВКП(б) тов. Тарасенко посылается Вам для принятия соответствующих мер к ликвидации контрреволюционных вылазок.

Там же, л. 4

92

Из докладной записки секретаря
Пудинского РК ВКП(б) Тарасенко
секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Ужеву

4 октября 1941 г.

...Прошу ускорить командирование прокурора и добиться, чтобы ему давали санкцию на привлечение к угол[овной] ответственности по ст. 58.

Там же, л. 9

Кто же в те годы руководил, требовал, привлекал к ответственности? От кого зависели судьбы тысяч и тысяч людей?

93

Из справки секретаря
Пудинского РК ВКП(б) Тарасенко,
представленной Новосибирскому обкому ВКП(б) и
Нарымскому окружному ВКП(б)

13 июля 1941 г.

О политико-экономическом состоянии района

Характеристика кадров

...Третий секретарь РК ВКП(б) тов. Мумриков технически и политически остро малограмотный. Поэтому часто допускает

выпивки даже с бывшими кулаками, делая прогулы в 1940 г. Зав. оргинструкторским отделом тов. Волкова технически малограмотная. Зав. военным отделом тов. Парфенович, как выдвигенец, также слабо справляется с работой. Пропагандист тов. Филиппов несерьезно относится к агитационной работе. Инструктор тов. Регин малоинициативен, часто занимается выпивками.

Аппарат райисполкома по деловым и политическим качествам слабый. Пред. исполкома тов. Лямкина мало проявляет инициативы, руководит поверхностно... Инспектор нархозучета Новоселов безынициативен, пьяница, работает только из-за денег, в общественной работе совершенно неблагонадежен. Зав. РОНО Карчин безынициативен, отец [о]сужден, жена — дочь колчаковского карателя... Участковый агроном Стратонов — пьяница.

Райуполминзаг тов. Курилов политически отсталый, часто занимается пьянкой. Старший учетчик тесно связан с единоличниками-саботажниками, политически неблагонадежен. Управляющий Росглавмяса Трифонов политически отсталый, занимается пьянкой. Пред. райпотребсоюза тов. Еремин в работе разменивается на мелочи. С работой справляется плохо. Управляющий загот. конторы Аненков с работой не справляется. Занимается самоснабжением.

Начальник РО НКВД тов. Левченко недостаточно дисциплинирован, несерьезный, имеет ряд недостатков... Уехал провожать жену на курорт, ключи от несгораемого шкафа оставил своей домработнице, адм. ссыльной, [о]сужденной по 58-й статье. В оперативной работе занимается не тем, чем следует. Осведомителя Ключко подослал к прокурору Литвинову, чтобы она склонила его на половое сожитительство, и этим хотел свести личные счёты с Литвиновым. Ключко этой цели не добилась, но все же Левченко заставил ее написать заявление о том, что Литвинов пытался ее изнасиловать, хотя этого не было.

Нарсудья тов. Шумилов систематически пьянствует, до крайности распущен в половом отношении, имеет половую связь с рядом спецпереселенков. Судебный исполнитель Шемякин пьянствует. Секретарь нарсуда Ожегов — алкоголик. Прокурор тов. Литвинов склонен заниматься мелочами, в результате разжигает склочные взаимоотношения с РО НКВД. Пом. прокурора тов. Лысенко недисциплинирован.

Управляющий Райпромкомбината Кулик — спецпереселенец. Управляющий Раймаслопрома Болдырев — спецпереселенец.

Примечательно, что двое последних в этом перечне руководящих работников и их пороков аттестуются лишь одним словом — спецпереселенец. По мнению главы района, этого вполне достаточно для исчерпывающей характеристики.

94

Письмо в редакцию окружной газеты «Советский Север» из Парбигского района

(Подшито вместе с информацией о массово-политической работе, полученными окружкомом ВКП(б) из райкомов Нарымского округа за 1941 год. Это неопубликованное письмо характеризует страшную атмосферу того времени. Орфография и пунктуация подлинника сохранены)

Судь дела

Христинья Евсеевна Колмогорова теперь не комсомолка, она потеряла это великое звание, ее исключили из великой семьи ленинско-сталинского племени, как нарушитель советского Закона от 26 июня 1940 г., как растратчика госуд. средств. Колмогорова работала помощником налогового агента и вот в такой ответственный период, когда труд каждого должен удесерятся, Колмогорова подряд почти три дня 16—17 и 19 июля позволила себе не явиться на работе под видом болезни. «Проболев» 2 дня, 18 июля постаралась получить справку из больницы, но так как была здорова замысел не осуществила — 19 июля чувствуя невзгуду как нарушитель советских Законов и преследуя цель вызвать к себе сожаление и поддержку, чтобы ей облегчили положение с судимостью совершила покушение на свою жизнь посредством отравления организма эссенцией, последняя была разведена водой, как сделал заключение врач и с отравлением у нее тоже не вышло. На вопрос Колмогоровой при рассмотрении на комсомольском собрании: «Чем вызвано покушение на свою жизнь?» был получен ответ неслыханный в истории счастливой и радостной советской молодежи. Ответ был в двух словах «Жить надоело». Комсомольцы на собрании дали совершенно справедливую оценку действиям Колмогоровой. «Она хотела за ее преступные действия представиться такой жалкой такой несчастной каких нет в Советской

стране. Смотрите, мол, до чего меня довели, что приходится кончать свою жизнь самоубийством, чем самым внести в ряды комсомола и всей молодежи недовольство и расстройство.

Вот до чего доводит бытовая распущенность и самолюбие, остатки пережитков старого буржуазного общества. Вот до чего доводит наша политическая слепота.

Н. Шардаков

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 598, л. 12

95

Из докладной записки секретаря
по пропаганде Нарымского окружкома ВКП(б)
Калининой секретарю по кадрам
Нарымского окружкома ВКП(б)

7 октября 1941 г.

О кадрах Парабельского района

В Парабельском районе в различных учреждениях и предприятиях работает 154 спецпереселенца. Это только в районных организациях. В сельской местности кадры полностью еще не проверены. 1) В школах начальных и средних — учителями — 48 человек. 2) Директором Новосельцевской неполной средней школы в коренном сельсовете работает спецпереселенец. Преподавателями истории и конституции работают 6 спецпереселенцев. Один преподаватель немецкого языка — спецпереселенец. Бухгалтером в РОНО работает сын попа (дом его отца, бывшего парабельского попа, занимает редакция). Зав. избами-читальнями работают 3 спецпереселенца. 3) Ответ[ственный] секретарь в районной газете «Сталинское знамя» Бобров, его отец сослан в Нарымский округ как кулак и арестован как враг народа. 4) Зав. торговделом работает сын попа. 5) В райфо все бухгалтера спецпереселенцы и два участковых налоговых агента. 6) В леспромхозе на руководящей работе 11 спецпереселенцев, в леспродторге — 5 человек. 7) Мастерами маслоделов в районе — 15 спецпереселенцев.

Во время командировки в Парабельский район Ужева было предложено заменить на руководящих работах спецпереселенцев, но это указание секретарем по кадрам РК ВКП(б) т. Лебедевым не выполнено. Считаю необходимым вопрос об ответ-

ственности за засорение классово чуждыми элементами поставить на бюро РК ВКП(б) и принять необходимые меры к очищению.

Там же, д. 475, л. 24

96

Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

20 октября 1941 г.

О засоренности классово чуждыми элементами советских и хозяйственных организаций Чаинского района

...Значительная часть бывших кулаков продолжает оставаться на работе в советских и хозяйственных учреждениях района. В райзо работают 2 спецпереселенца, на ветучастке — 3 (из них два находятся под следствием за вредительские действия в животноводстве). Работают спецпереселенцы в райфо и других отделах РИКа. В аппарате Светленской МТС работают 5 спецпереселенцев, в том числе глав. бухгалтер. Из шести бригадиров тракторных бригад 5 — спецпереселенцы.

Бюро постановило: В ближайшее время обеспечить меры очищения сов. хоз. и торгово-заготовит. организаций района от классово чуждых и враждебных элементов, а руководителей, допускающих засорение аппаратов, привлекать к строгой партийной и государственной ответственности.

Там же, д. 446, л. 25

Аналогичное постановление было принято по Александровскому району.

Шла война, рушились города, горели села, тысячи людей уже погибли на полях сражений, а здесь усиленно продолжали искать внутренних врагов, бороться с «классово чуждыми элементами».

В донесениях, поступающих от райкомов ВКП(б) в Нарымский окружком, сообщается: «Спецпереселенка п[оселка] Пудина Ярина ведет контрреволюционную агитацию о том, что она получила от родственников письмо, в котором сообщают, что

Киев занят немцами. Спецпереселенцы Конюховский и Колесников заявили, что ранее газеты сообщали, что Советский Союз располагает запасами на 10 лет, а сейчас требуют усиления заготовок...» (ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 513, л. 16). «Жена шофера Высокоярской МТС спецпереселенка Потапова говорит: «Когда нас выслали, так не видели, что мы сотнями гибли, а теперь о помощи закричали»... Все это однозначно расценивается как враждебная контрреволюционная агитация. Секретарь Пудинского райкома ВКП(б) Тарасенко докладывает окружному ВКП(б): «Девятилетний мальчик, сын изъятого органами НКВД Устюгова* (пос. Шерстобитово), заявил сыну председателя сельсовета тов. Парфенова, что «твой отец идет завоевывать чужую землю»» (там же, л. 17). Кругом враги, сын врага — тоже враг...

За связь с «классово чуждыми», как и в 30-х годах, продолжают исключать из партии и снимать с работы. Свидетельствуя протоколы заседаний районных комитетов ВКП(б):

Медсестра А.Л. Чумачкова «не работала над повышением идейно-политического уровня. Кроме того, вышла замуж за адм. ссыльного, добровольно служившего в армии Деникина, в настоящее время осужденного по ст. 58. За нежелание повышать свой общеобразовательный и идейно-политический уровень и притупление революционной бдительности решением Кривошеинского РК ВКП(б) из партии исключена» (там же, д. 445, л. 145).

Секретарь райкома комсомола Бакчарского района А.Р. Киприянова «скрыла от партии, что ее отец в 1928 году облагался твердым заданием и... что часть имущества за невыполнение обязательства была продана сельсоветом» (там же, д. 446, л. 34). Бакчарским РК ВКП(б) из партии исключена.

Оргинструктор Александровского РК ВКП(б) В.И. Яров, скрывший при вступлении в партию, что его отец, «как имевш[ий] кулацкое хозяйство, в 1930 году был лишен избирательных прав» (там же, д. 445, л. 109), Александровским райкомом ВКП(б) из партии исключен.

И.Д. Слободчиков, помощник прокурора Бакчарского района, «имел связь с классово чуждым элементом и пьянствовал с

* «Устюгов-Кудрявцев Андрей Тимофеевич, 1912 г.род.с. Биаза Северного района Новосибирской обл., проживал в пос. Шерстобитово Парабельского р-на, член сельхозартели. Арестован в 1938 г. Расстрелян». — В кн.: Боль людская, т. III. Томск, 1993, с. 263.

ним» (там же, л. 105). Решением бюро Бакчарского РК ВКП(б) из партии исключен.

А.Я. Волкова, сельский письмоносец. «При приеме ее в члены ВКП(б) скрыла о сожительстве со спецпереселенцем Редькиным в 1933 году. В ноябре 1941 года оформила со спецпереселенцем Редькиным сожительство браком» (там же, д. 582, л. 270). Решением Нарымского окружкома ВКП(б) «за связь с классово чуждым элементом» из партии исключена.

97

Из решения бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

22 августа 1941 г.

Второй секретарь Верх-Кетского райкома ВКП(б) Доможиров вместо большевистской борьбы за повышение революционной бдительности... дал рекомендацию в ВКП(б) дочери кулака Тимофеева. Даже после того, когда Доможирову указывалось на недопустимость приятельских отношений с семьей Тимофеевых, он продолжал посещать их квартиру и участвовать в выпивках. За участие в попойках, притупление классовой бдительности и провал госзаготовок Доможирова снять с поста второго секретаря Верх-Кетского РК ВКП(б) и объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Там же, д. 445, л. 243

98

Из решения бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

6 августа 1941 г.

Самсонов Георгий Петрович, первый секретарь Чаинского райкома ВКП(б)... Проверкой установлено, что Самсонов происходит из семьи кулака с. Колмыцкие Мысы Колмыцко-Мысовского сельсовета Поспелихинского района Алтайского края. Хозяйство отца Самсонова до революции состояло: из крестового дома, крытого железом, пятистенного амбара, завозни,

скотного двора, до 15 лошадей, жеребца, до 50 га посева. Из с/х машин и инвентаря — косилка, конные грабли, сноповязалка, молотилка (кустарка), плуг трехлемешный, «Букарь» с сеялкой, однолемешный плуг. Применялся постоянный и сезонный наемный труд и эксплуатация машин...

Самсонов в своих автобиографических данных свое происхождение из кулацкой семьи от парторганизации скрывал, противопоставил себя партактивом, не обеспечил большевистского сплочения партийной организации.

За развал работы Гришкинского детдома и сокрытие от партии соцпроисхождения (сын кулака) Самсонова Г.П. из членов ВКП(б) исключить.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 445, л. 187

99

Из доклада о пятой годовщине сталинской Конституции на торжественном собрании в г. Колпашеве

5 декабря 1941 г.

...Свобода слова, собраний, совести, свобода печати, неприкосновенность личности, жилища, общие прямые равные выборы с тайным голосованием во все органы Советской власти — вот тот действительный демократизм, зафиксированный в Сталинской конституции.

Там же, д. 481, л. 8

100

Из информации заведующего агитколлективом Благодарских Васюганскому РК ВКП(б)

Декабрь 1941 г.

*Об агитационно-массовой работе
в агитколлективе Тевризского сельсовета*

(Орфография и пунктуация подлинника сохранены)

Заперивод войны провидино 26 докладов натемы исторически Доклад порадиву от 3 июля 41 г т. Сталина и Доклад тов.

Сталина от 6 ноября 41 г. обуборки изаготовки с/хозяйств продуктов. Постановление Центрального комитета Бять Докладов к октябриским трожествам увязанных исключительно смеждународной обстановкой и 4 Доклада омеждународном положении. Из газет Периодовые о между народном положении.

Там же, ф. 102, оп. 1, д. 31, л. 32

101

Из протокола заседания бюро Нарымского окружкама ВКП(б)

11 февраля 1942 г.

Во исполнение постановления обкома ВКП(б) от 30 января 1942 года закрепить для обслуживания эвакуированных семей командно-начальствующего состава РККА, ВМФ, войск НКВД и партизанских отрядов специальный продуктовый и промтоварный магазин.

Выделить для этого магазина необходимое количество хлопчатки, готового женского и детского платья, обуви и теплой одежды... Обеспечить регулярное снабжение семей командного и начальствующего состава мясом и рыбой за счет усиления децзаготовок* мяса и выделения продукции от собственного свинооткорма и улова рыбы.

Принять меры к улучшению снабжения семей командного и начальствующего состава во всех районах, взяв их на специальное обслуживание через имеющуюся сеть столовых и магазинов.

Закрепить в городской поликлинике врача с установлением часов приема семей начальствующего и командного состава.

Там же, ф. 206, оп. 1, д. 580, л. 173

* Децзаготовка — децентрализованная заготовка.

Из докладной записки председателя колхоза
«Идея Ленина» Бирулина первому секретарю
Васюганского РК ВКП(б) Грошеву и
председателю райсовета Землянскому

17 марта 1942 г.

Стали учащаться невыходы на работу целыми группами людей, и сделано прогулов около 500 человекодней. Всему этому [причиной] отсутствие хлеба в колхозе и у колхозников. За 15 дней марта всего выдано колхозникам хлеба на 202 человека 625 килограмм[ов]. За недостатком хлеба целые семьи подверглись опуханию: Найденова Ф. — 5 детей, Гнетова М. — 3 дитя, Карпова Анна — 3 детей... Некоторые дети в возрасте до 12 лет, не считаясь ни с каким предупреждением, во время дня подламывают склады. Дети ясельного возраста, т.е. 1937 г. рождения, находятся в детских яслях, питание в день — 200 грамм[ов] овсяного или ячменного хлеба. Из семенного материала взять нельзя, а продовольственного нет ни килограмма.

Я, как председатель колхоза, разговаривать с населением не могу, ибо у каждого приходящего ко мне одно: «Хлеб, хлеб...» На неоднократные обращения к вам о помощи получил один ответ, что хлеба нет. И дальше что делать, не знаю.

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 42, л. 15

Из доклада помощника районного коменданта
Васюганской комендатуры сержанта
Г.Б. Демичева начальнику Васюганского
РО НКВД по Новосибирской области
сержанту госбезопасности Голоскову. Копия:
секретарю Васюганского РК ВКП(б) Грошеву

5 марта 1942 г.

[Из-за] стихийных бедствий в районе — наводнений, градобоя и заморозков — колхозы находятся в тяжелых условиях. Продуктового хлеба колхозы не имеют... В результате этого появилось много обнищавших, которые ходят по поселкам, соби-

рают куски. Например, в артели «Парижская коммуна» пос. Березовка Верховской пос. комендатуры каждый день по поселкам ходят десять и более человек, собирают куски. В результате недоедания имеется много случаев опухания и смертности, особенно по Верховской, Грабцевской и Айполовской комендатурам. Об этом сигнализируют медицинские работники, что от недоедания масса случаев заболеваний.

Нет никакой гарантии, что весной [не] вспыхнет эпидемия, [не] увеличится смертность. В результате трудовая дисциплина пала в артелях вплоть до того, что категорически отказываются выходить на работу. Пихтовые заводы прекращают работать, члены артели, работающие там, бросают работу и уходят домой... Учащиеся бросают ходить учиться в школу.

В результате всего этого за последнее время появилось большое передвижение трудпоселенцев* из одного трудпоселка в другой по району, а также за январь и февраль много бежало за пределы района под предлогом поиска хлеба и другого питания, но фактически совершены побегии... Можно полагать, что с открытием навигации побегии увеличатся в несколько раз, что видно из того, что движение трудпоселенцев с каждым днем увеличивается.

Там же, ф. 206, оп. 1, д. 598, л. 19

104

Из постановления бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

14 февраля 1942 г.

Учитывая, что некоторые трудпоселенцы, состоящие на учете в комендатурах, без ведома комендатур выбыли из трудпосел-

* В органах НКВД периодически менялась классификация ссыльных.

Сосланных в 30-х годах спецпереселенцев к началу 40-х в официальных бумагах стали именовать «трудпоселенцами» (что, впрочем, не меняло их бесправного положения). Привезенных в Нарымский округ в 1941 году из Прибалтики, Западной Буковины и Бессарабии поначалу именовали «административно-ссыльными», но вскоре стали называть «спецпереселенцами», иногда при этом уточняя: «Новый контингент». Впрочем, термин «новый контингент» использовали и при наименовании тех сосланных, которых привозили в Нарым после 1930 года. Сами же ссыльные в обиходе именовали себя «спецами».

ков и, пользуясь притуплением бдительности отдельных руководителей окружных и районных организаций, устроились на работу в советские, кооперативные и хозяйственные организации и учреждения округа, обязать районных комендантов принять срочные меры к выдворению этой части трудпоселенцев.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 580, л. 185

105

Из протокола открытого партийного собрания первичной парторганизации НКВД Васюганского района

24 февраля 1942 г.

Обсуждение приказа нар. комиссара обороны тов. Сталина от 23 февраля 1942 г.

Выступил Смирнов: «Нам не надо забывать, что мы должны в период Отечественной войны напрягать свои силы и быть бдительными. Должны помнить, что мы окружены здесь классово чуждым элементом, который будет пакостить в любой удобный для него момент. Весенняя посевная кампания будет проходить в тяжелых условиях... трудный момент антисоветские элементы будут использовать не в наших интересах, а в интересах врагов...»

Меньшиков: «Надо помнить, что классовый враг все использует в своих интересах, для того чтобы напакостить, сорвать весеннюю посевную. Нам надо быть бдительными ко всякого рода хитростям контрреволюционных элементов».

Голосков: «Мы должны понять, что находимся в окружении кулаков, классово чуждых элементов, а потому каждый наш промах может быть использован врагом...»

Там же, ф. 102, оп. 1, д. 78, л. 2

**Из докладной записки
председателя колхоза «КИМ» Жукова
Васюганскому РК ВКП(б)**

19 марта 1942 г.

Участвуют в работе только животноводческие работники, бригадир-полевод... Остальной народ лежит наповал, даже не двигается по своим квартирам. За исключением отдельных колхозников, которые еще не выбились из сил. В артели в данной период нет ни грамма хлеба. Полученный лимит на март из сельпо 3 центнера обеспечивает колхозников по 100 грамм[ов] в день. Своего хлеба старого запаса у колхозников нет. Сам колхоз не имеет абсолютно никакого продовольственного фонда. Есть факт, что колхозница Бекина Пелагея уже находится перед смертью. Я был вынужден выдать ей молока и других продуктов питания. Последняя лежит и только что дышит. В таком же состоянии Тваскус, Некрасова Пелагея и ряд других, которым, если не оказать помощи, что получится, не знаю. Не лучше положение и у остальных. Как таковой помощи правление организовать не в состоянии, а поэтому прошу райком ВКП(б) дать конкретную помощь колхозу в части снабжения хлебом. В противном случае правление артели требует от вас — отдайте артели предложенные вами дать в помощь купинцам 31 центнер хлеба. Где вы их изыщете, дело не наше. Нам нужен хлеб. Еще раз прошу не задерживать и как можно быстрее сообщить результат.

Резолюция: Т. Колмакову. Поручается вам лично поставить на обсуждение в комсомольской организации в Грабцево о поведении Жукова. Он комсомолец, возможно ли оставлять его на работе и в комсомоле?

Вторая резолюция: За растраниживание кормов оформить материал и передать прокурору с привлечением Жукова. 6 апреля 1942 г.

[Подпись нрзб.]

Там же, д. 42, л. 11

Из информации уполномоченного
по займу пос. Ершовка В. Чупиной
Васюганскому РК ВКП(б)

15 апреля 1942 г.

Реализация по госуд. военному займу 1942 г. по колхозу «КИМ» прошла организованно. Колхоз «КИМ» подписан на 2 тыс. рублей. Индивидуально колхозников охвачено подпиской на 95 процентов. Присутствующие на собрании подписали все до единого... Против этого мероприятия были такие колхозники, как Некрасова Пелагея, Савина Екатерина, Андронов. Проведя с ними беседу и по вызову колхозников по требованию собрания они также подписались.

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 42, л. 28

Из докладной записки секретаря
Нарымского окружкома ВКП(б) Лямина
секретарю Нарымского окружкома ВКП(б)
Ужеву

30 апреля 1942 г.

О положении дел в Васюганском районе

В результате недоедания имеется много случаев опухания и смертности, особенно в Верхне-Кетской, Грабцевской и Айполовской комендатурах. Умерли в феврале: Калисмаа Эндель и Марта, Гиндебрант Юсидр, Филиппов Тимофей, Шиполь Андрей, Энберт Генрих... Население употребляет в пищу для сохранения своей жизни разные виды трав, которые сушат, толкут, сеют и едят. Из обучающихся в Ершовской школе 64 человек осталось 37, остальные отсеялись благодаря отсутствию хлеба. Члены артели «Парижская коммуна» ввиду того, что не имеют питания, истощали до того, что не в состоянии подвезти корм для колхозного скота. За два месяца пало 2 рабочие лошади, бык-производитель, 2 овцы и 14 ягнят. Пав-

ший скот колхозниками был поеден. Возросли побег и самовольные отлучки от поселков по изыскам продуктов путем побора (милостыни). Опухание есть у двух колхозников сельхозартели «Красная заря» и в 16 семьях сельхозартели «Идея Ленина». В коренном колхозе [им.] Карла Маркса только за последнее время от недоедания два случая опухания и факт смерти трехлетнего мальчика. По заявлению пос. коменданта Шарпило, в Среднем Васюгане с 15 по 25 марта от недоедания умерли 2 человека, в том числе умерла мать двух красноармейцев Кузьмина.

В период распутицы осенью 1941 г. в Среднем Васюгане систематически проводились групповые попойки всех коммунистов. Секретарь парторганизации Шарпило рассказывает, что... в село стали приезжать районные работники, которые не только не вскрывали аморальных явлений, но лично участвовали в выпивках, способствовали их распространению. Капичев (председатель райпотребсоюза), Никитин (уполминзаг), Колотовкин (зав. «Заготживсырьем») брали в магазине у Бахаревой водку, муку, сахар, рыбу, мясо, заказывали пироги, а затем пьянствовали и развратничали. Для последнего Бахарева привлекла красноармейку Сухушину (с Колотовкиным), Седельникову (с Никитиным), сама была связана с Капичевым, а в его отсутствие с Никитиным.

Особенно шумевшим случаем является факт пьянства в Среднем Васюгане зав. орготделом РК ВКП(б) Серебренниковым, куда он выезжал для расследования указанных выше фактов. «23 января, — рассказывает Серебренников, — я закончил работу по обследованию парт. организации. Вместе с Колотовкиным на квартире Агеевой мы выпили. Я пошутил с Агеевой, когда проходил мимо постели, лег с ней, она вскочила. Балуюсь, я порвал на ней сорочку... В субботу, 24 января, выпил утром, в обед и вечером после бани. В воскресенье, 25-го, собрались ехать, пришлось опять пить. Одну поллитровку выпили утром, вторую — днем, третью на остановке в Рагузино. В понедельник, 26-го, в Сталинке выпили пол-литра, в Петровке — две стопки. Вечером кто-то организовал [выпивку] в с. Калганак. Принесли четыре пол-литра. Было нас 6 человек, в т.ч. два кучера из бывших кулаков. Утром 2-го выпили еще 3 пол-литра. В Кательге меня стала одолевать болезнь, в голове стало темно, дальше пить не мог».

Пьянство на глазах разнообразных людей, да еще вместе с кулаками... Из 74 членов и кандидатов партии — 26 так или

иначе замешаны в пьянстве. Грошев, секретарь РК ВКП(б), выпивал в период служебной командировки. Савченко — второй секретарь — открыто выпивает в общей столовой и очень часто дома для аппетита. Гяделов — секретарь по кадрам — выпивал вместе с Грошевым в командировке. Землянский — пред. райисполкома — выпивал в дороге из Колгашева. В декабре был на вечере у сына попа, врача Бенедиктова, в связи с его днем рождения. Соловьев, зав. отделом агитации и пропаганды в Среднем Васюгане, два раза ужинал с выпивкой. Ганькин, пом. секретаря РК ВКП(б), выпил, уснул в столовой, как-то пьяный уснул в клубе. Бедросов, пропагандист РК ВКП(б), пьет часто и очень много. Дербенев, секретарь исполкома, втянул в пьянку комсомольцев Ангеленова и депутата облсовета охотницу-стахановку Самарину. Вольхин, прокурор, пьет много, пьянки сопровождаются развратом. Никитин и Капичев принимают участие в пьяных оргиях. Тырышкин, нарсудья, приехал пьяным в колхоз [им.] Буденного, по дороге потерял шапку. Глазырин, зав. райфо, — выпивки связаны со служебными командировками. Зинчук, пред. райсовета Осоавиахима, напился пьяным и на глазах у колхозников оправился в колхозной конторе. Гурьянов, уполномоченный рыбозавода. О нем говорят так: «Вот это пьяница так пьяница...»

В районе засоренность агитаторов непроверенными людьми. Завуч Майской школы комсомолец Бычков на собрании пайщиков, где присутствовало 75 процентов трудпоселенцев, заявил: «Нас прислали сюда на голодную смерть». В столовой в присутствии спецпереселенцев по адресу секретаря парторганизации Ярославцева Бычков со злостью сказал: «Вишь, тыловая крыса забралась в тыл, а еще подъедает...» На многих ответственных должностях продолжают оставаться бывшие кулаки. Активизировались действия врагов Советской власти, участились побег. За 2,5 месяца по Верховской комендатуре совершили побег 19 человек. Бежавшие нашли приют в колхозе им. Кирова (из коренного населения), где председателем Халкин. Халкин отказал представителю комендатуры дать лошадей догонки бежавших: «Они у вас будут бегать, а мы вам лошадей давать будем...» В то время как комендатура разыскивала бежавших, последние укрывались у колхозников, но никто о них не сказал. Больше того, отдельные члены сельхозартели снабжали бежавших хлебом. «Что с ними поделаешь, — рассуждали. — Плачут»...

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 598, лл. 1, 4, 6, 11

В многочисленных поступавших в окружном ВКП(б) докладных и информациях сообщалось не только о ходе той или иной кампании и настроениях населения, но нередко и об интимных сторонах жизни руководящих кадров района. Кто с кем пьянствовал, имел «половую связь» и т.д. В информации уполномоченного Нарымского окружного ВКП(б) из Бакчара докладывалось даже о том, какие произносились тосты и кого посылали в погреб за капустой. Если пьянство и связи были с «классово чуждыми», это подчеркивалось особо.

109

Из протокола заседания бюро Васюганского РК ВКП(б)

6 мая 1942 г.

Смирнов Михаил Сергеевич, 1888 г. рождения, член ВКП(б), районный комендант, 6 мая [19]42 г. под видом сдачи теплых вещей в фонд обороны присвоил себе лично доху, принадлежащую Васюганской комендатуре. Настойчиво пытался отрицать факт присвоения, доказывая, что он ее сдал и что имеется на то квитанция. В результате проверки установлено, что доха находится у Смирнова, о чем он впоследствии признал[ся]. Кроме того, имея три головы скота в личном пользовании, смешал свое сено с сеном комендатуры и кормил свой скот зиму 1941/42 г. без всякого учета, в результате оказалось, что сено комендатуры перерасходовано в большом количестве, а лошади комендатуры доведены до истощения... Непартийный поступок и в том, что произвел незаконную покупку 2 центнеров овса для личного пользования, принадлежащего Осо-авиахиму. По работе Смирнова имеется большой недостаток, [такой,] как запутанность учета спецпереселенцев.

Постановили: Учитывая, что он искренне признал свои ошибки, объявить Смирнову строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Там же, ф. 102, оп. 1, д. 55, л. 54

Из докладной записки секретаря
Шмаковской парторганизации,
поселкового коменданта Ярославцева
Васюганскому РК ВКП(б)

Июнь 1942 г.

Подготовка к сеноуборочной кампании идет из рук [вон] плохо... Нужно сказать, готовятся только, когда над ними сидишь и пошевеливаешь... В колхозах коренного сектора, а также артелях трудпоселенческих с хлебом натянута. [В] большинств[е] артелей люди живут на разных травах, сколько хо[че]шь [в]стретишь опухших от этой травы, в особенности ссыльнопоселенцев... 20 июня в артели «Гигант» 12-летний ссыльнопоселенец, сидя на завалинке около дома, чистя картофель и сидя кончился. Получая 100 грамм[ов] хлеба до 16-летнего возраста и работая в артели, существовать не может лишь потому, что приварка никакого нет... За последнее время увеличились кражи. В артели «Вперед» 20 июня ссыльнопоселенцы выкопали 200 гнезд картофеля, у всхожего гороха обрывают листья. Как быть с таким тяжелым положением?

Р е з о л ю ц и я: Ответ дан.

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 42, л. 55

Начальство не голодало. Во всех райцентрах имелись так называемые закрытые магазины, которые снабжали районную элиту жирами, рыбой, кондитерскими изделиями, папиросами. Бывал там и белый хлеб. Из продуктов, отобранных у колхозников под лозунгом «Все для фронта, все для победы!», часть поступала в эти самые закрытые магазины, распределители и спецторги, куда, таясь от людей, приходили жены начальников. По-разному переживали войну в Нарымском округе — одни не ведали, что такое голод, другие умирали от истощения.

Из воспоминаний Дайны Шмулдере-Геркис, сосланной в Васюганский район из Латвии в 1941 г.

Когда кончился год, мы за свои пятьдесят шесть трудодней получили два килограмма гороховой муки. За связанные сети несколько раз нам давали хлопковый или льняной жмых. Льняной казался очень вкусным!

Когда удавалось что-нибудь продать-обменять, мы были очень счастливы. У нас не было посуды, кроме нашего большого чайника, в котором, когда нас выгнали из дома, мы взяли братику молока. За шерстяное одеяло выменяли эмалированную кастрюльку с отломанной ручкой и пол-литровую кружку. За простыню, как и за золотое обручальное кольцо, давали два ведра картошки. Щи варили из соленой картофельной ботвы и речной водицы. По утрам мама нам велела долго спать, чтобы мы не просили есть. Когда мы просыпались, она терла три картошки, заливала кипятком и следила, чтобы мы эту затируху пили медленно. Покупали сушеную картофельную кожуру, из которой на раскаленной поверхности плиты пекли лепешки. Из чешуи рыбной, если удавалось ее где-то выменять, варили холодец. Если была соль и еще чеснок, то это казалось королевским блюдом. Если доставали рыбные кости, их сушили, растирали и приправляли суп. Чаще всего вместо соли употребляли рыбный рассол. Мы ели горькие рыбные внутренности, которые оставались после снятия рыбьего жира. Поначалу нам, новому контингенту, давали хлеб — взрослым 500 грамм[ов], иждивенцам по 300 грамм[ов], но постепенно норму урезали до 150 и 100 граммов. Сейчас не помню, когда хлеб перестали совсем давать, но помню, что, когда начали расти «пестики», хлеба уже не было.

Пестики мы собирали по только что оттаявшему полю — переживали, что их нет, а когда находили, то не было силы за ними нагнуться. Мама от голода опухала, иногда теряла сознание. Весной 1942 года я была настолько слаба, что, поднимаясь в гору с водой, оглядывалась назад — казалось, что к ногам привязаны камни, не было силы их переставлять. Чтобы заработать хоть одну картошину, занималась любому искать вшей в волосах.

Однажды ночью мама нас разбудила и сказала, чтобы мы простились с братиком. Ему было так плохо, что мама не надеялась,

что он выживет до утра. Но он выжил. Мама в первую зиму продала купленные в Тевризе черные ботиночки и пальтишко, наверное, уже не надеялась на то, что братик доживет до весны.

С дровами было очень туго. Лес был не так уж близко, привезти их не на чем. Не было у нас и ни пилы, ни топора. Всегда эти орудия труда приходилось просить. Потом и сил больше не было, чтобы заготовить дрова.

Мы старались выпахать из-под снега вмерзшие с корнями выкорчеванные березки и тащили их по снегу домой. Мама этот хворост рубила и, когда хозяйка кончала топить, подкладывала в печку и варила нашу баланду. Мы часто вспоминали дрова, которые за несколько дней до 14 июня 1941-го были куплены и остались лежать посреди двора нашего дома в Риге. Мама вспомнила и деньги, которые были потрачены при покупке этих дров. Кто грелся тогда у той печки, в которой горели наши дрова?

К тому времени многие из наших переселенцев были уже похоронены на Маломуромском кладбище. Буквально через несколько дней после нашего приезда умерла четырнадцатилетняя Элга Лемберга. Умерли — Андрис Гегерис, Ирена Лаздиня, оставшаяся в Тевризе Арманда Кисе. Они все были 1940 года рождения. Живым из всех малышей остался только наш братик Айвис. У Кривошапкиных умерла мама и брат Володя. В четырехдетной семье Карклыни от голода умер десятилетний Оярс. Его хоронили летом 1942 года. Мама нам велела набрать таких цветов, какие растут и у нас в Латвии. Я набрала полевые цветочки и вдруг обнаружила, что здешние цветы не пахнут. Оярсу могилу вырыли заранее, а когда мальчика без гроба спустили в могилу, там была вода и сидела жаба*.

112

Из информации в Нарымский окружком ВКП(б)

28 июня 1942 г.

О положении дел в Бакчарском районе

По устным распоряжениям председателя райисполкома тов. Михайлова, без ведома и даже против согласия райзо, из десяти колхозов (восемь из которых не выполнили план по поголовью скота и им нужно покупать коров) было продано 18 коров

* Свои воспоминания Д. Шмудере-Геркис прислала мне из Латвии.

работникам райисполкома и прочих организаций... Работники райкома и райисполкома снабжались одновременно и в спецторге, и через райпотребсоюз (с базы и через магазин).

[Подпись нрзб.]

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 591, л. 57

113

Докладная записка уполномоченного из колхоза «Новый путь» Васюганскому РК ВКП(б)

Июль 1942 г.

Прошу отозвать меня из колхоза «Новый путь», с. Могутаево, так как в данный момент я остался основательно босиком. Вы знаете, в чем я уезжал — в брезентовых туфлях, они у меня основательно развалились. Починить у меня нечего, да, кроме того, ноги испортил, в них резиновые подошвы, т.е. у туфель. Обносился, двое брюк было, из них ни одних не осталось, хожу и трусы рямками*, и неудобно — из райцентра обтрепанный, как нищий. Но я этого не боюсь, работать надо, большевики не боятся трудностей. Во время военное некогда одеваться, но все же ходить на работу в таком состоянии, в данный момент...

По части подготовки к хлебоуборке здесь никакой работы не проводится ввиду отсутствия кузнеца и нехватки людей, да и правление никаких мер не предпринимает... А что я сделаю с ними, раз не хотят работать. Принимайте меры.

[Подпись нрзб.]

Там же, ф. 102, оп. 1, д. 59, л. 48

114

Из информации секретаря Пудинского РК ВКП(б) Тарасенко секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Ужеву

5 августа 1942 г.

Враждебными элементами насаждаются разговоры о том, что якобы «хлеб отберут». Председатель колхоза «Рассвет

* Рямки — рвань (местн.).

севера» Кожемякин (спецпереселенец) вместе с колхозниками вел разговоры не о работе, а о том, что «люди дохнут с голоду», «люди не могут работать голодные», тогда как в этом колхозе давали на работающего колхозника по 300–400 грамм[ов] хлеба. В результате такого поведения председателя колхоза там не выработало минимум трудодней 30 человек колхозников. Кожемякин привлекается к уголовной ответственности.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 595, л. 14

115

Из информации парторга колхоза им. Буденного Плосконосова Васюганскому РК ВКП(б)

Июль 1942 г.

Есть у некоторых красноармеек нехорошее настроение, у тех, которые попали взамуж спецпереселенки и теперь себя выгораживают красноармейками: «Давайте больше хлеба, с голоду заморили». Пример — спецпереселенки Гагарина Екатерина, Попкова Александра.

Там же, ф. 102, оп. 1, д. 42, л. 67

В 1942 году стали брать на фронт сыновей спецпереселенцев, сосланных в Нарымский край в начале 30-х. Война уравнила вольных и подневольных... Покидали новобранцы прилепившиеся на ярах убогие деревеньки, прощальным гудком оглашал реку, уходя за поворот, кособокий колесный пароходишко. Последний взмах руки, последнее «прости»...

Увозили парнишек защищать Родину, и судьба определила — кому погибнуть, кому вернуться. Сибиряки, защищавшие страну в тяжкую годину, «кулацкие сыны» — ветераны Великой Отечественной... Но сколько их, так и не повзрослевших сверстников, осталось на нарымских погостах, скольких солдат недосчиталась в трудный час Родина!

Из информации парторга колхоза
«Красный партизан» Булыгина
Васюганскому РК ВКП(б)

Август 1942 г.

Политическое настроение: колхозники не падают духом, не впадают в панику, работают неплохо, с планами справляются. Бывают отдельные разговоры в части войны, отсутствия мужчин: «Скоро ли наши мужья вернутся домой?» Некоторые говорят, что, наверное, не дожидаться, сколько уже получено похоронных, и многие ранены. Приходится проводить большую массовую работу.

Там же, д. 59, л. 54

Из протокола заседания
Васюганского РК ВКП(б)

21 декабря 1942 г.

Исполняющий обязанности нарсудьи Баранов И.Я. осудил красноармейку Соломгину за неуплату военного налога, на иждивении которой 4 детей и получающую госпособие, заявив: «Разбирайтесь вы, а у меня составленные материалы, проведу суд». Причем насильно, под угрозой штрафа, заставил зав. райсобесом Дубову быть на суде в качестве нарзаседателя. После конфискации у осужденной костюма в погашение задолженности по платежам тут же приобрел этот костюм для личного пользования... Проявляет везде и всюду совершенно ненужную и вредную для дела болтливость. Будучи в Среднем Васюгане, Баранов взял у начальника производственного участка Капичева лодку, пытался отказаться от дачи расписки, заявив: «Моя подпись дорого стоит, я как распишусь, так три, пять или восемь лет».

Постановили: За дискредитацию органов правосудия снять Баранова с работы нарсудьи.

Там же, д. 55, л. 137

Информация заведующего агитколлективом Благодатских Васюганскому РК ВКП(б)

[1942 г.]

(Орфография и пунктуация подлинника сохранены)

*О культурно-массовой работе Н.-Тевризской
партийно-комсомольской группы*

В сентябре провидино 5 Докладов обистреющи уборки и омолоте урожая В 5 колхозах мужчин 82 женщин 111 бесед 9 на- тему омеждународном положении 146 чел Стенные газеты ра- ботают по Тевриззу выпущено 4 газеты В пос Петровка 2 Ста- линка 2, Маломуромки 2 Красноярки 1 газеты. Плохо Дело оп- стоит в Красноярке нет ниодного Вольного чиловека Все труд- поселенцы

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 59, л. 25

Из воспоминаний Маргит Феллер, сосланной в Васюганский район из Буковины в 1941 г.

Мы жили без хлеба и календаря. Но помню, что папы уже не было с нами и что стояла лютая зима. Втроем — мама, мой маленький брат Отмар и я — мы ютились в избушке, которую надо было обогреть, для чего каждый день приходилось идти с топором в окружавшую поселок тайгу за сухостоем. Срублю там сухую жердь, выберусь с ней из глубокого снега на протоп- танную дорогу и несую ее на плече домой, где меня нетерпеливо ждут. Принесенного хватало, чтобы истопить печку вечером и утром. Сходить за дровами два раза не было сил. Русская печь была нашим самым верным другом — обогривала, светила, в ней мы варили скудную еду, на печке все трое спали.

Как-то раз вечером, возвращаясь из леса, я вышла на засне- женное поле, за которым начиналась деревня, и издали уви- дела, что дверь крайней избы открыта настежь. Это была даже не изба, а барак — изолятор из осиновых бревен, куда заводи-

ли больных чесоткой и лишаями лошадей и другой колхозный скот, чтобы те не заразили здоровых животных. Когда нас привезли в этот поселок, изолятор стоял пустой, в нем было сыро и пахло карболкой. Но вскоре в нем поселились самые обездоленные ссыльные, которым негде было жить. И вот теперь двери этого барака распахнуты. Стоял сильный мороз, и изнутри шел остывающий пар. Там, в изоляторе, жило больше десяти человек, не могли же они все куда-то надеваться... Сбросив у порога свою ношу, я вошла в полутемное помещение, и моим глазам предстала странная и жуткая картина. Укрывшись тряпьем и лохмотьями, на нарах лежали изможденные люди, а посреди барака бродил большой черный бык и обнюхивал их. Ни у кого из лежавших уже не было сил подняться закрыть дверь, от порога которой, выгоняя последнее тепло, полз мертвящий холод. Я была тоже слабой, но еще не настолько. Прогнала быка, затворила плохо закрывающуюся дверь и затопила печь, чтобы вскипятить воды и обогреть этих безвольных от голода и холода людей. Я разнесла им в кружках кипяток, они тянулись ко мне исхудавшими руками, и только одной лежавшей рядом со своим сыном несчастной женщине уже ничего было не надо. Она была мертва*.

120

Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б)

13 ноября 1942 г.

Рассмотрев включенное в повестку дня заявление колхозников колхоза «Искра», райком ВКП(б) устанавливает, что райзо дало члену РК ВКП(б) т. Голоскову разрешение на покупку коровы в остяцком колхозе «Искра», причем молочно-товарная ферма колхоза недоукомплектована, имеется только 6 коров. Тов. Голосков поручил покупку коровы начальнику районного отделения милиции т. Рыкову, который, не считаясь с желанием колхозников, самовольно выбрал лучшую корову и насильно увел ее из колхоза за 1000 рублей. Такую незаконную покупку

* Свои воспоминания М. Феллер передала мне в Томске.

подтверждает пом. райкоменданта т. Сергеев, находившийся в это время в колхозе.

Постановили: считать неправильными действия райзо, разрешившего продажу коровы. Принять к сведению заявление т. Голоскова о том, что корова будет колхозу возвращена.

Разбор заявления прокурора т. Литосова Н.Д.

...На протяжении 9 месяцев работы т. Литосова в качестве райпрокурора райкому приходится заниматься разбором склоки между т. Литосовым и т. Рыковым. Вместо совместной деловой работы занимались сутяжничеством, собиранием материалов друг на друга, подсиживанием и нанесением друг другу личных оскорблений, как это имело место со стороны т. Рыкова в кабинете прокурора 22 июля в присутствии судьи и коммуниста т. Никитина, в РО НКВД в присутствии т. Голоскова... Начальник милиции систематически не доверял прокурору, всячески его дискредитировал вплоть до похабной брани в присутствии посетителей, угрожая расправой и тюрьмой. Т. Рыков чинил произвол при покупке коровы в остяцком колхозе «Искра», для начальника НКВД т. Голоскова самолично из 6 коров, имеющихся на ферме, выбрал против воли колхозников лучшую, сам назначил за нее цену 1000 рублей, заявив: «Бросьте, не цыганьте», хотя колхозники просили за корову 1500 рублей, и немедленно приказал увести в Новый Васюган.

Т. Литосов, чтобы не остаться в долгу, всячески дискредитировал начальника милиции, рассказывая, что с Рыковым работать невозможно, что это такой бешеный человек, что он «меня съел». Занимался собиранием материалов против т. Рыкова. В силу того, что у т. Рыкова и т. Литосова время было больше занято на склоку, они скатывались на путь делячества, не боролись за реализацию решений партии и правительства, не боролись с нарушителями законов и другими преступными элементами. Так, пьяница, развратник и расхититель соц. собственности, сжившийся с кулаками Луговской, будучи уже приговоренным к десяти годам тюрьмы, более двух месяцев находился на свободе. Т. Литосов свои функции как прокурора понял неправильно, указания и решения РК ВКП(б) игнорировал. Так, не привлек к ответственности бывшего председателя колхоза Григорьева за срыв плана хлебозаготовок и развал колхоза, бывшего председателя колхоза Чернова за срыв рыбодобычи. Литосов даже не счел нужным вести следствие по этим делам, не найдя состава преступления. И в то же время вольно или невольно потакал кулакам и дезертирам — отнял корову у

красноармейки Чубыкиной и передал жене дезертира из РККА Лобанова, возвратил дом спецпереселенке, не имевшей никакого права на этот дом. Т. Литосов более значительную часть своего времени уделял на прием индивидуальных жалоб и никому не отказывал, перемещая отдельных работников с одной работы на другую, и прикреплял к закрытому магазину, писал записки о продаже керосина отдельным лицам, почти ежедневно приходил и настаивал выдавать хлеб отдельным колхозницам, красноармейкам и не красноармейкам и дошел в последнее время до того, что стал ставить себя над райкомом ВКП(б), писал записки секретарям, вмешиваясь в функции хозяйства райкома, писал протесты райкому в виде требования, вручая их под расписку, секретарю РК ВКП(б) Гляделову с припиской: «Прошу немедленно поставить меня в известность». Об этих непартийных действиях Литосову и Рыкову указывалось, они предупреждались неоднократно, однако продолжали антипартийное и антигосударственное поведение.

Постановили: за организацию склок, хулиганское поведение и дискредитацию органов милиции и прокуратуры в военное время т. Рыкова Г.В. исключить из рядов ВКП(б) и снять с работы. За организацию склоки, дискредитацию органов прокуратуры и НКВД в период войны, за систематическое игнорирование и невыполнение решений РК ВКП(б) т. Литосова Н.Д. вывести из состава членов РК ВКП(б). Из рядов ВКП(б) исключить и снять с работы.

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 55, лл. 121–123

Бешеный человек... Прочел эти слова прокурора о тогдашнем начальнике васюганской милиции Рыкове, и вспомнилось, как однажды зимним вечером мы с мамой возвращались из Нового Васюгана в поселок, где тогда жили. Брели, таща салазки с мерзлой рыбешкой и неполным мешком картошки — продуктами, которые дала в райцентре какая-то женщина в обмен на мамино обручальное кольцо. Шла к концу первая зима нашей ссылки. Страшная, безысходная зима. Свои платя, столовые и чайные ложки — все то небольшое, что мы привезли с собой из Эстонии, мама уже выменяла на картошку и хлеб. Оставалась еще ее брошка и наши нательные крестики — мамин, мой и Светланин...

До Нового Васюгана, считалось, десять километров, да еще сколько в райцентре пришлось ходить из дома в дом... Мы очень

устали, и обратный путь казался еще длинней. Все чаще останавливались, садились передохнуть на лежавшую на салазках поклажу и опять брели туда, где в пустой избе у застывшего окошка ждала нас Светлана. Моя шестилетняя сестренка, худенькая покорная девочка с большими, не по-детски грустными глазами.

Уходят годы, многое стирая в памяти, но остаются какие-то детали, из которых складывается мозаика прошлого. Помню — тогда в дороге я пересказывал маме «Девяносто третий год» Гюго. Много лет спустя я купил у букиниста этот роман, но не мог читать его — всплывала в памяти та далекая голодная зима и все, что случилось потом... Это была последняя книга, которую я прочел перед тем, как нас выслали, и, наверное, пересказывал ее, чтобы скоротать путь. А может, мама попросила меня вспомнить что-нибудь из прочитанного... Симурден и Говен, маркиз де Лантенак, ценой своей жизни спасший в горящем замке детей... Вандея с ее борьбой и страстями, жестокостью и благородством — как непостижимо далеко это было от нас! Не знаю, вникала ли мама в то, что я говорил, но помню, каким ласковым голосом она сказала, что у меня хорошая память. На ней была папина зимняя финская шапка и старое коричневое пальто, которое после маминой смерти еще четыре года укрывало и согревало меня.

В загустевшем небе мерцали первые звездочки, взошла луна. До поселка оставалось километра два, когда впереди показалась несущаяся на нас запряженная лошадь. Потряхивались дуга и прихваченные гужами концы оглоблей, конь, фыркая, шел наметом и, наверное, стоптал бы нас, если бы мы резко не сдернули с дороги салазки и вместе с ними не провалились по пояс в глубокий снег. Обдав нас запахом конского пота, сани пронеслись мимо, а развалившийся в кошевке ездок даже не взглянул в нашу сторону.

Насыпавшийся в ботинки снег жег холодом щиколотки окоченевших ног. Луна отбрасывала на зимник тени заснеженных деревьев, и, выбравшись на дорогу, мы снова побрели по этим мертвеным теням.

— Смотри, мама, кто-то потерял кнут! — воскликнул я.

Словно застывшая вдоль полозного следа змея, лежал ременный арапник. Нагнувшись, я поднял его. Что-то диковинное и дикое было в этой слабо пахнувшей дегтем и конем плети.

— Брось, — сказала мама. — Это, наверное, потерял тот человек, который только что проехал.

— Все равно кто-нибудь подберет... Посмотри — тут даже ременные кисти.

— Господи, для чего он тебе? — устало спросила мама.

Я не ответил. Вспомнил веревочный кнутик, которым гонял дома вырезанный папой из чурбачка волчок-кубарик. И раскрашенный черешок для кнутика тоже сделал мне папа...

Тускло блестел в призрачном лунном свете свежий санный след. Мы тянули салазки, а в свободной руке я держал кнут, с которым не хотел расставаться.

Снова послышались скрип полозьев и приглушенный снегом топот копыт. Теперь он быстро приближался сзади — чуть не затоптавший нас недавно вороной конь догонял нас. И опять, уступая дорогу, мы сдернули на обочину салазки и провалились в снег.

Матюгнувшись, ездок осадил лошадь, выбрался из кошевы и, волоча полы тулупа, подошел к нам. Я узнал Рыкова. Осенью он приезжал к нам в поселок и, собрав в колхозной конторе ссыльных нового контингента, объявил, что все мы сосланы сюда на двадцать лет. После этого велел взрослым расписаться, а когда одна эстонка отказалась, сказал ей, что все равно она тут сохнет... Теперь, нависнув над нами, он тяжело глядел на меня и маму. Обрамленное косматым воротом, белело словно кованое скуластое лицо, пахло винным перегаром и овчиной. Конь нетерпеливо поматывал крупной головой и, позвякивая наборной сбруей, жевал удила.

— Давай сюда бич, — выдавил из себя наконец Рыков.

— Возьмите. — Я протянул ему арапник. — Пожалуйста... Если это ваш. Он валялся на дороге.

Вырвав кнут так, что с моей руки слетела рукавичка, Рыков, коротко размахнувшись, стегнул меня.

— Как вы смеете! — закричала мама.

Подобрав полу тулупа, начальник милиции молча сел в кошеву, конь дернул с места, в полусотне метров от нас свернул в целик, развернувшись обратно, проскочил дорогу, какое-то время тянул накренившуюся кошеву вдоль нее, покуда не вскочил на свой след, и, разбрасывая ошметки снега, промчался махом мимо, кося на нас круглым глазом. Такой же бешеный, как и его хозяин.

— Очень больно? — спросила мама со слезами в голосе. — Говорила тебе — не тронь этот кнут...

Мне не было больно, бич опоясал меня по пальтишку. Было обидно и непонятно за что.

Мы выбрались из снега и, впрягшись в салазки, опять потянулись по зимнику. Нас осталось трое в этом жестоком мире — мы с мамой и ждавшая нас Светлана. Папы уже не было в живых, но мы еще не знали об этом, и мама молилась за него и за нас... Бедная мама, бедная моя сестренка, и они не дожили до следующей зимы. Господи! Почему и за что им суждено было умереть?

121

Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б)

7 марта 1943 г.

Гляделов Михаил Васильевич, рожд. 1904 г., член ВКП(б) с 1927 г., второй секретарь РК ВКП(б), скрыл от райкома прошлое своей жены, являющейся дочерью известного по Кыштовскому району торговца, в период гражданской войны активно выступавшего со своим карательным отрядом колчаковцев против Советской власти, Бармина Петра Петровича, пойманного и расстрелянного партизанами. На поставленный Гляделову вопрос — знал ли он, что его жена происходила именно из этой семьи, т. Гляделов ответил, что он не знал и не знает ничего порочащего за своей женой. При поездке т. Гляделова в Новосибирск через Кыштовский район райком ВКП(б) предложил ему лично установить этот вопрос, как коммунисту и как члену РК ВКП(б). Однако [это] т. Гляделовым сделано не было, и при разборе настоящего дела т. Гляделов ответил, что не счел нужным лично справляться о соц. происхождении жены, кому надо, тот пусть и занимается этим делом.

Неоднократно допускал факты половой распущенности и непартийного поведения. На этой же почве отнесся формально и бездушно-бюрократически к нуждам комсомолки Барановой, обратившейся к нему с просьбой содействовать в приобретении валенок. По личному настоянию Гляделова комсомолка Баранова за проявленную с ее стороны грубость в результате та-

кого к ней отношения была исключена из комсомола. Во время командировки в Средний Васюган в августе 1942 г. в ночное время так просто, «для шутки», подставил подножку своей спутнице-медработнику. Скупал в магазинах сельпо и [у] админ. ссыльных промтовары и перепродавал их в Новосибирске при поездке туда как летом 1942, так и зимой 1943 г. с целью наживы. Так, при поездке в Новосибирск зимой 1943 г. Гляделов увез и продал костюм за 3 тысячи рублей, приобретенный в сельпо по триста рублей. Продал свое кожаное пальто и другие вещи. При возвращении из Новосибирска т. Гляделов снова закупал в сельпо промтовары. Например, в Грабцевском сельпо на обратном пути из Новосибирска им было взято товаров на 2250 рублей, в т.ч. пальто, серебряные запонки и другие серебряные вещи...

За скрывание соц. происхождения своей жены, половую распущенность и спекуляцию в военное время Гляделова М.В. исключить из членов ВКП(б).

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 79, лл. 13-14

122

Из воспоминаний Дайны Шмулдере-Геркис

Помню один морозный вечер. Я шла от Кошелевых, которые мне одолжили пилу. За горизонт заходило солнце, красное-красное. Снег скрипел под ногами. Вдруг я поняла, что мама умирает и мы останемся одни. До того вечера я и в мыслях не допускала такую возможность. Я шла и плакала. Слезы замерзали на щеках.

Вечером мама нам сказала, что чувствует себя лучше. Мы все вместе порадовались этому. А утром следующего дня я проснулась от того, что у мамы началась агония. На улице было еще темно. Вилма затопила плиту и куда-то ушла. Избушка освещалась от топящейся плиты. Мама лежала на топчане, тяжело дышала и смотрела мне в глаза. Я и сегодня помню этот взгляд — будто она все понимает, но говорить уже нет смысла. Я кричала от горя, от растерянности, от бессилия. Братик лежал рядом с мамой. Я его посадила на печь к сестре.

Братику было два с половиной года, но он не ходил и не разговаривал. Но то, что он был живой, — было великое чудо.

В этот день сестренке было десять с половиной лет, а мне тринадцать с половиной.

Умершую маму я сама одела и по полу вытащила в сени. Там на скамейках была широкая доска, на которой двадцать дней назад лежала мама Дагмары. Теперь на доске лежала наша мама — холодная и безразличная к нам. Надо было ждать, пока в мерзлой, как камень, земле выдолбят могилу.

Могилу копал колхозный кузнец Снегирев — светлый человек, отец пятерых детей. Могилу он вырыл на совесть, глубокоую и с нишей. В эту могилу постелил солому. Мы с сестрой на санках отвезли нашу маму на кладбище. Снегирев маму уложил в нишу и прикрыл нишу доской, чтобы мерзлые комья не падали на маму...

Через пару недель в мамину могилу хоронили маму маленького Андрейки, умершего еще осенью 1941 года, Зинаиду Генгерис. Последнее время она была бездомной. За квартиру платить ей было нечем, и она ночевала где придется, кто пожалеет и пустит ее. В ту ночь она ночевала у порога на полу у ссыльных из Черновиц. Как она на короточках сидела, так ее холодную уже утром и нашли.

Из маминой могилы выбрали часть мерзлых комьев земли и уложили там Зинаиду. На ней были белые, теплые бурки. Хоронившие ее решили, что бурки Зинаиде больше не нужны, и стали их с нее снимать. Когда они увидели, что с застывших ног бурки не снимаются, они их разрезали и сняли. Это было последнее, что можно было у нее отнять...

Мы с сестрой на кладбище шли с наивным желанием еще раз увидеть маму.

Когда нас весной увозили в детский дом, мы ходили попрощаться с мамой. Земля под деревьями еще не совсем оттаяла, и вместо могилки было углубление. Наша мама осталась там, в той дальней глухой деревне, но я всю жизнь чувствую ее рядом с нами. Сорок шесть зим прошло с тех пор, но я и теперь часто плачу по ней. Я не плачу о нашей сиротской доле. Я плачу о доле матери, которая своей жизнью должна была заплатить за жизнь своих детей*.

* См. прим. на с. 150.

**Из докладной записки заведующего
орготделом Нарымского окружкома ВКП(б)
Агашева секретарю Нарымского окружкома
ВКП(б) Н.Г. Михайлову**

12 марта 1943 г.

По словам коммунистов, начальник РО НКВД Молчановского района Солтымаков взял в личное пользование корову, взятую у антисоветских элементов, и ряд вещей взяли другие работники. В том числе два куля муки, которая впоследствии была отправлена в Томск для продажи... Имеет место со стороны работников НКВД, когда они бывают в колхозах, особенно в спецпереселенческих («Прогресс») и других, занимаются поборами различных продуктов: мука, масло, мясо и т.д.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 697, л. 225

**Из протокола заседания
Васюганского РК ВКП(б)**

2 апреля 1943 г.

Повестка дня: Рассмотрение материалов по вселению в район населения.

Райком ВКП(б) отмечает, что при недостатке рабочей силы в существующих колхозах не используются богатейшие возможности района... В целях быстреего освоения района и дальнейшего развития сельского хозяйства, лесотехнических и рыбных промыслов просить Нарымский окружком ВКП(б) предусмотреть вселение в район трудоспособного населения в 1943 году в существующие колхозы 700 семей. (Из них в колхозы коренного сектора — 200 семей и колхозы трудоселенческого сектора — 500 семей.) В 1944 году вселить в район до 800 семей. Организовать в районе не менее 16 новых поселков с вселением в них 800 семей.

Там же, ф. 102, оп. 1, д. 79, л. 27

К протоколу приложен перечень колхозов, куда предполагалось вселить 700 семей, и схематичное описание необжитых участков по Васюгану и его притокам, где намечалось основать новые поселки (там же, л. 29).

Что скрывалось за обтекаемой формулировкой «вселение в район населения»? Видимо, в Москве готовились к решению очередной «особой задачи большой важности» — выселению из родных мест какого-то народа. Сегодня известно, как это делалось. Неизвестно лишь, кому именно тогда готовили уже апробированную участь спецпереселенцев, которым предоставлялись «богатейшие возможности» Васюганского района.

В 1943 году в здешних колхозах жило 1392 семьи. В двух третях из них не было мужчин, а подростков насчитывалось всего 470. Особенно мало детей было у ссыльных — на три семьи один подросток. А ведь завозили в ссылку на Васюган крестьянские семьи, в которых было по 3–4 ребенка. Но большинство их умерло. «Кулацкое отродье» — ребяташки — погибали в первую очередь.

И когда на Васюгане вновь умирали опухшие от голода люди, кому-то пришла в голову идея повторить опыт 1931 года.

Однако в верхах передумали. «Богатейшие возможности» нашлись в другом месте, и на берегах Васюгана не появились уготованные было кому-то новые погосты.

125

Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б)

8 июня 1943 г.

Члены ВКП(б) — секретарь финбанковской первичной парт-организации Глазырин А.Д. и зам. председателя рыбокооп. Овсянников И.В., кандидат в члены ВКП(б) Мокроусова А.П. — 6 июня [19]43 г. приняли активное участие в пьянке на свадьбе у кулака Еремина, склонившего к сожительству комсомолку, члена бюро РК ВЛКСМ Ильину. Коммунисты Глазырин, Овсянников и кандидат в члены ВКП(б) Мокроусова не придали ни-

какого политического значения антикомсомольскому поступку Ильиной, предавшей ради своих личных интересов интересы комсомола, подошли к этому совершенно не по-партийному, как обыватели, потеряв партийное чутье и классовую бдительность, забыв в этот момент о партии, о Родине, готовящейся к решающим сражениям с немецко-фашистскими захватчиками. Своим присутствием на свадьбе и участием в пьянке объективно одобрили действия кулака и санкционировали поступок Ильиной.

За потерю классовой бдительности и чувства ответственности перед партией, за участие в пьянке у кулака Еремина Глазырина А.Д. освободить от работы секретаря финбанковской первичной партийной организации, с работы зав. райфо снять и объявить строгий выговор с занесением в личное дело. Овсянникову И.В. объявить выговор с занесением в учетную карточку. Мокроусовой поставить на вид. Предложить всем партиорганизациям обсудить на закрытых партийных собраниях настоящее решение и мобилизовать коммунистов на решительную борьбу против обывательства, за чистоту звания члена партии и комсомола. Предложить секретарю РК ВЛКСМ Монлолиной на внеочередном бюро поставить вопрос о члене бюро комсомолке Ильиной на предмет ее пребывания в комсомоле. Поручить секретарю РК ВКП(б) Юдину провести в районном центре объединенное собрание первичных комсомольских организаций, на котором подвергнуть широкому обсуждению антикомсомольский поступок Ильиной.

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 79, л. 29

Война уравнивала призванных из этих мест на фронт «вольных» и сыновей спецпереселенцев. За тысячи километров от Васюгана гибли и те и другие. Одинаково принимала их земля, стандартные приходили на них похоронки, и так же оплакивали их матери, жены и сестры. Но партия не могла поступиться принципами. Полюбила комсомолка спецпереселенца и решила выйти за него замуж — следовательно, предала интересы комсомола. Пришли к ним на свадьбу три партийца — значит, потеряли партийное чутье и классовую бдительность.

Какой же фальшью при этом были напутствия райкомовских работников уходящим на фронт «кулацким» сынам! Как лицемерили они, обеспечившие себя номенклатурной бронью!

Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б)

5 августа 1943 г.

Поручить районному прокурору т. Поветьеву расследовать и привлечь к ответственности директора райзаготконторы «Заготживсырье» Кореневского, обманным путем добившегося от исполкома райсовета решения о выдаче наряда на покупку восьми коров с ферм колхозов под видом для выпойки молоком телят лося. На самом деле коровы приобретались для личного пользования сотрудникам окрконторы «Заготживсырье».

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, л. 68

Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б)

7 августа 1943 г.

Жданова Вера Ильинична, кандидат в члены ВКП(б), председатель Шмаковского сельпо, допустила факты нарушения указаний по реализации лимитированных товаров и продуктов, реализуя их для группы руководящих работников сельсовета непосредственно с базы сельпо. Лично для себя брала товары и продукты с базы на 1600 рублей. Выполняла все незаконные требования председателя сельсовета, поселкового коменданта и секретаря парторганизации Ярославцева, а также участкового уполномоченного РО НКВД Тиванова, которые требовали от нее снабжения товарами и продуктами без нормы и брали иногда товары с базы без ее ведома.

Жданову снять с работы и исключить из кандидатов в члены ВКП(б). Ярославцеву объявить выговор. В первичной организации РО НКВД обсудить о партответственности Тиванова.

Там же, л. 70

Из воспоминаний Бируты Мильберг, сосланной в Васюганский район из Латвии в 1941 г.

...Те, у кого было что-то из вещей, меняли их на продукты. Часто ради этого приходилось идти за несколько десятков километров в соседние деревни. Когда уже ничего не осталось, начался голод. В первую же зиму в деревне, куда мы были поселены, умерло несколько человек, привезенных из Латвии. Моя мама тоже ходила менять вещи на продукты и однажды по дороге обморозила ноги. Ни обувь, ни одежда у нас не были пригодны для суровых морозов.

Помню, летом в колхозе сдохла овца. Ее облили керосином и закопали, но мама выкопала ее, сварила, и мы все ели это мясо. Чего только мы не ели — разную траву, полевой хвощ, гнилую картошку, картофельные очистки и даже лягушек. Мы ютились по разным избам, вместе с нами жили такие же, как и наша, выселенные семьи. Одна за другой женщины умирали. Первой умерла Фрейволд. Пошла к проруби за водой, упала и уже не поднялась. С нами осталась ее восьмилетняя дочь. Затем умерла другая женщина, оставив троих детей. Моя мама была самая молодая среди остальных мам, ей было только 32 года. Она хотела спасти меня и мою сестренку, а тут у нее на руках оказалось четверо сирот. И мама начала воровать. Она делала это преднамеренно, хотела попасть в лагерь, чтобы получать там паек (нам хлеба не давали), и надеялась, что нас и оставшихся с нами сирот возьмут в детский дом. Сначала мама заманивала к нам деревенских собак, которых мы съедали. Съели мы собаку, принадлежащую коменданту. Как он, угрожая наганом, кричал на маму!

Весной четверых сирот увезли в Средне-Васюганский детдом, а мы уже жили в дегтекурне, где, кроме нас, помещались еще две латышские семьи. Отсюда маму и отправили в концлагерь, она добилась того, что задумала. Но нас с сестренкой сразу не увезли в детдом, мы ходили по избам и побирались. Так прошло недели две, и вот однажды паузок, на котором увезли от нас маму, опять причалил к берегу, и нам удалось с ней еще раз увидеться... Оказалось, что этот паузок сначала отбуксировали в верховье, чтобы собрать там по деревням всех арестованных, и теперь речной катер тянул его на буксире

уже к Оби, откуда арестантов должны были этапировать дальше в концлагерь. За это время мама накопила нам кусочков хлеба и даже бутылочку молока, которую кто-то из осужденных отдал ей. Отрывая от себя, мама спасала нас...

А через какое-то время меня и сестренку увезли на пароходе в детский дом. Сердобольные женщины, видя, какие мы истощенные, кормили нас по дороге. В каком-то селе нас высадили с парохода и там в комендатуре отобрали альбом с семейными фотографиями, которые мы, несмотря на все, сберегли. Как жестоко это было! Мы плакали, это было последнее, что осталось в памяти о прошлой жизни...*

129

Из докладной записки инспектора окроно Чубаровой в Нарымский окружном ВКП(б)

20 октября 1943 г.

О состоянии Айполовского детского дома

Постройки детдома в настоящее время находятся в запущенном состоянии, окна застеклены не все, не отремонтированы печи... В корпусах грязь, сорно и царит полная антисанитария. Умывальников нет, поэтому дети не умывались от бани до бани.

Дисциплина неудовлетворительная. До 20 сентября дети не посещали школу по двадцать и более человек совершенно без причины... Вместо того чтобы дети работали на уборке своего огорода, они прислуживают жителям поселка и сотрудникам. У тов. Устиновой (директор детдома) живет в домработниках воспитанница Тугова, 16 лет, у завуча Сухушиной живет воспитанница Легичева, 14 лет, у воспитательницы Ардашовой живет воспитанница Ворошилова, 17 лет, у воспитательницы Власовой живут две воспитанницы. Воспитанницы используются как домработницы, которых одевает и кормит государство. В детдоме применяются запрещенные методы воспитания НКП (наказание пищей). Есть случаи, что воспитанники продают свои пайки хлеба на деньги, которые расходуют по своим нуждам, как-то: выкуп доплатных писем и т.д.

* Свои воспоминания Б. Мильберг прислала мне из Латвии.

Большинство детей ходят босые, а поэтому не хотят идти на работу и в школу. Кожаной обуви, пригодной к носке, но требующей ремонта, всего пар около сорока. Не хватает верхнего и нижнего белья. Питание никак не соответствует и не выдерживает нормы. В течение двух последних месяцев дети совершенно не получали жиров. В августе и сентябре не было ни грамма масла. Утром чай, в обед суп и второе, в ужин суп. Все постное.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 740, л. 35

В результате подобных проверок снабжение детдомов несколько улучшалось. Сверху давали указание что-то выделить дополнительно, увеличивались лимиты... Конечно же начинали искать виновных, как правило, в первую очередь среди «классово чуждых»...

В 1943 году в детские дома округа привезли более 500 осиротевших ребятишек из Ленинграда и Смоленской области, и общее число сирот в одиннадцати детдомах округа превысило 2300 человек. За 30–40-е годы через детдома Нарыма прошло более 10 000 ребят. Как бы плохо ни было в детских домах, они спасли жизнь тысячам сирот.

Чтобы разгрузить переполненные детские дома, подросших ребят трудоустроивали, отправляли к бравшим их в свои семьи дальним родственникам. Но после войны пришло указание вернуть их в места поселения. Спецпереселенцы должны находиться там, где власть определила им жить, «социально опасный элемент» должен знать свое место. Тех, кого разыскали, отправили по этапу обратно. Под конвоем, по той же дороге, только теперь уже одних, без матерей...

Из воспоминаний Маргит Феллер

Вместе с местными женщинами и девушками летом я работала в тайге, ломала и носила вязанками пихтолапку, но норму не могла выполнить и получала в день 100 граммов хлеба и 2–3 большие картофелины. Через год я сильно ослабла, а поч-

ти половина привезенных в поселок из Черновиц ссыльных умерли. На вторую зиму из Нового Васюгана приехал какой-то начальник, и всех наших оставшихся к тому времени взрослых вызвали в колхозную контору. Пошла туда и мама. В конторе приезжий начальник сказал, что в районном центре организуется промкомбинат, туда требуются работники, и стал спрашивать — у кого какая специальность. Кто-то сказал, что умеет делать пуговицы, кто-то, что он меховщик, кто-то, что — кожевник. Многие из них имели дома хорошие специальности, которые здесь абсолютно были не нужны, некоторые имели заграничное университетское образование и знали по 3–4 языка, но этого здесь тоже не требовалось. Нужны были знающие кустарное производство. Мама вернулась в избушку, где мы с братом ее ждали, и сказала: «Одна я ответила, что ничего не умею». — «Но ты же умеешь хорошо шить! — воскликнула я. — Наверное, портнихи им тоже требуются». — «Боже! Об этом я и не подумала», — сказала мама. Но когда она снова пришла в контору, начальник уже уехал и список был составлен.

Те, кто был записан, весной уехали в Новый Васюган, в поселке остались только две семьи из «нового контингента», как нас тогда называли. А летом мама собралась в путь: «Поеду и я в Новый Васюган. Если спасусь, то спасу и вас. Еще одну зиму мы тут не переживем». У нас оставалось из всех вещей два папиных галстука и что-то мое кружевное, мама выменяла это последнее на кастрюлю картошки, сварила ее и ушла в соседнюю деревню, где приставал пароход. Она была еще молодая, но сил не оставалось, она еле добрела до той деревни с палочкой... Мы с Отмаром остались вдвоем и ждали от нее вестей. Но приехала колхозный счетовод Нюра, которая ехала с мамой на одном пароходе, и сказала, что в Катальге (это поселок на половине пути к Новому Васюгану) маму обнаружил поселковый комендант и стал ее сгонять с парохода. Она упиралась, и он спихнул ее с трапа в воду. Было темно, на берегу что-то кричали... «Ваша мать утонула», — сказала Нюра.

Кому было жаловаться? Бесправные, мы боялись каждого начальника, каждый из них имел над нами полную власть. Я была без ума от горя, но надо было жить и спасать брата! А через какое-то время пришло письмо из Катальги. Мама была жива! Ее спас Кармелин, такой же, как и мы, ссыльный. Кроме него в семье было еще четверо: Доня, Тутя, Муля и Кока, они сами

голодали, но приютили маму и делились с ней последним. Поздней осенью, когда уже не ходил пароход, она на попутной посудине с последним путем уехала в Новый Васюган. Ее хотели выдворить обратно, но она ходила к начальству, и ее устроили в промартель шить рукавицы и примитивную одежду, которую там изготавливали.

Зимой к ней ушел Отмар. Я не отпускала его, ему было всего одиннадцать лет, а надо было пройти по зимней дороге 160 километров. Но он все равно ушел к маме вместе с призывниками, которых вызвал в Новый Васюган военкомат. Ушел в своем коротком пальтишке, из которого вырос, и гуцульской шапочке, а я молилась за своего братишку Отти, чтобы с ним ничего не случилось. Он только немного пообморозился в дороге, но добрался до места и стал работать в той же артели, что и мама, только в пимокатном цехе. И стал получать хлебный паек — это было спасение.

Той же зимой ушла к ним и я. И тоже, как и Отти, вместе с призывниками. Один щуплый парнишка по дороге все отставал, я думала — вот так же шел Отти, и я боялась, как бы этот парнишка не упал и не замерз. Погиб он потом, уже на войне...

В Новом Васюгане меня взяли на работу уборщицей в клуб. Боже! В углу сцены там стояло пианино. У нас дома, откуда нас выгнали, осталось пианино, на котором я когда-то играла. А здесь никто не умел играть. Мои пальцы за два года огрубели и отвыкли от клавиш, но я попросила, чтобы мне разрешили оставаться после работы вспомнить то, что я когда-то знала. И вот каждый вечер в двенадцатом часу ночи, когда кончается кино и на электростанции выключают свет, я начинаю упражняться. Смертельно усталые глаза слипаются, а пальцы все бегут по клавишам — гаммы и этюды, арпеджио и аккорды... Бедная мама светит мне маленькой свечкой, в клубе холодно, жутко и неудобно, но мы так благодарны, что нам разрешили остаться в этом помещении, и я самозабвенно играю, играю...*

* См. прим. на с. 155.

Из письменного сообщения секретаря
Александровского РК ВКП(б) Кузьмина
секретарю Нарымского окружкома ВКП(б)
Брызгалову

20 октября 1943 г.

В Александровский район на работу начальником РО НКВД прибыл Тарсуков И.В. В сентябре Тарсуков ехал в Новосибирск за семьей. На пароходе показывался в пьяном виде. В октябре, возвращаясь в Александрово, на почве ревности, вызванной якобы изменой жены, в течение почти суток пьянствовал... Оскорблял пассажиров, пытался командовать милиционером и конвоем. Несколько раз принимался при детях бить жену, материл буфетчицу. Пять раз за ночь меня будили пассажиры, чтобы успокоить разбушевавшегося Тарсукова. Однажды у него пришлось отобрать наган. Пассажиры — женщины и дети — были напуганы этим дебоширом. На пароходе ехали трудпереселенцы. Он, Тарсуков, в их присутствии кричал, что «я их баржами топил!»*.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 711, л. 6

В начале 30-х годов в Нарымский округ было выслано несколько сот семей когда-то переселившихся на Алтай немецких крестьян. Как и сосланные в Нарым русские, татары, киргизы, они так же корчевали нарымскую тайгу, рубили избы, хоронили умерших от голода и болезней родных и близких. В 1942 году сюда было завезено еще 4698 немецких семей (16 107 взрослых и детей). Одновременно большинство ранее доставленных в Нарым спецпереселенцев-немцев было сорвано с обжитых мест и переселено в другие поселки.

Помню, как зимой сорок третьего года пришли из Березовки отправленные комендатурой в Новый Васюган немцы — мужчины, женщины, дети. Шли пешком полтора-два километра, пооб-

* Ходили среди нарымчан смутные слухи о якобы затопленных где-то на Оби баржах с заключенными. Но свидетелей этому нет...

морозились, в худой одежке, с салазками, на которых был весь их скарб... Часть этих немцев направили в рыболовецкие бригады, остальные стали работать на строительстве, в рыбозаводской бондарке, на подсобном хозяйстве рыбозавода.

Хотя документы, включенные в настоящий сборник, даются в основном в хронологической последовательности, материалы, связанные с сосланными в Нарым немцами, сгруппированы мной здесь отдельным блоком.

132

Из замечаний зам. наркома внутренних дел СССР В. Чернышова к проекту постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б)

Декабрь 1941 г.

О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке

В части, касающейся НКВД, сообщаю следующее:

1. Всего предполагается перевезти 41 000 переселенцев в низовья реки Оби (Новосибирская область), в низовья рек Лены, Енисея, Яны, Индигирки, Колымы и северной части озера Байкал. Исходя из наличия трудоспособных членов семей (один, редко два человека, при среднем количестве семьи в 4 человека), потребуется завезти в указанные выше районы до 120 000 человек.

Единственным контингентом спецпереселенцев, который возможно завезти, являются немцы, переселенные в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края, в Карельскую ССР в количестве 750 000 человек.

2. В проекте постановления записано это переселение произвести в первом квартале 1942 г. в низовья Оби и в Нарымский край и к 1 июня — в низовья Енисея, в устья рек Лены, Яны, Индигирки и Колымы.

Указанные сроки совершенно невыполнимы в связи с тем, что навигация на этих реках открывается в середине мая—начале июня месяца... По данным областей Новосибирской, Омской и краев Красноярского и Алтайского, выселенные в 1941 г. немцы освоены в хозяйстве, и их дальнейшее переселение на

Крайний Север будет производиться с прямым ущербом для посевной кампании указанных областей и краев...

4. Направить спецпереселенцев в районы Байкала считаем совершенно нецелесообразным, так как Круго-Байкальская ж.д. является единственной дорогой, связывающей Дальний Восток с центральной частью Союза, и пребывание вблизи этой дороги спецпереселенцев-немцев крайне нежелательно.

5. Нецелесообразно направление спецпереселенцев-немцев в устья рек Яны, Колымы и Индигирки, так как огромные затраты... не окупаются продукцией от рыбной ловли, а само существование новых рыболовецких поселков экономически не будет оправдано.

Исходя из вышесказанного, считаю целесообразным сократить количество переселяемых в пределах Омской области до 3000 семей (10–12 тыс. человек); Новосибирской обл. — до 2000 семей (6–8 тыс. человек); Красноярского края — до 6000 семей (15–18 тыс. человек); Якутской [обл.] (устье Лены) — до 2000 семей (6–8 тыс. человек)...*

133

Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

14 июля 1942 г.

1. О расселении переселенцев-немцев из районов области в районы округа

Для руководства расселением немцев создать тройку в составе зам. пред. окрисполкома, зам. начальника окротдела НКВД, зам. управляющего Новосибирского госрыбтреста. Объявить райкомы ВКП(б) и райисполкомы в районах вселения немцев создать районные тройки.

Составить план мероприятий по расселению. Предусмотреть поселки расселения и пристани высадки. Мобилизовать необходимое количество транспорта. Принять меры к размещению переселяемых немцев в колхозах, поселках, рыбных промыс-

* Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать» (документы, факты, комментарии). М., 1992, с. 73–74.

лах, временно размещая их в имеющихся помещениях населения, используя для этого и другие помещения — избы-читальни, клубы, конторы и т.д.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 582, л. 30

134

Из постановления бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

18 ноября 1942 г.

Обязать управляющего Новосибиргосрыбтреста тов. Котельникова произвести строгий посемейный учет всех переселенцев-немцев, переданных в рыбную промышленность, к 20 декабря с.г.

Категорически запретить спецпереселенцам — немцам, латышам, эстонцам, молдаванам, а также спецпереселенцам из Западной Украины и Западной Белоруссии — свободное передвижение в пределах района или округа...

Обязать райкомы ВКП(б) и райисполкомы изучить в районе новые места, где есть возможность организации новых поселений немцев, латышей, эстонцев, молдаван, а также спецпереселенцев из Западной Украины и Западной Белоруссии, находящихся в районах, и возможного планового вселения из других районов страны.

Развернуть работы по организации спецартелей из контингента переселенцев — немцев, латышей, эстонцев, молдаван, а также спецпереселенцев из Западной Украины и Западной Белоруссии, — вселенных в районы Нарымского округа.

Там же, д. 583, л. 250

135

Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

3 августа 1943 г.

Переселить для постоянной работы в рыбную промышленность 450 семей немцев. Из Чаинского района в Александровский район.

ровский — 50 семей, из Кривошеинского района в Александровский — 150 семей, из Молчановского района в Александровский — 50 семей, из Чаинского района в Каргасокский — 100 семей.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 687, л. 317

136

Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

20 ноября 1943 г.

О трудовом использовании и хозяйственном устройстве переселенцев в рыбной промышленности

...Из 7067 человек трудоспособных переселенцев, прибывших в округ, принято на работу в рыбную промышленность и рыболовецкие колхозы 5099. Не создано условий, скученность в грязных, не приспособленных для жилья помещениях. Многие не обеспечены обувью и одеждой. В Усть-Чижапском рыбозаводе не выдавалась зарплата в течение 4 месяцев. На Нарымском рыбозаводе значительная часть переселенцев вынуждена ютиться где попало (под лодками, на паузках, между поленницами дров, в банях и т.д.). Нет дезкамер, антисанитария. Многие дети переселенцев вследствие отсутствия одежды и обуви не посещают школу... В не менее худших условиях находятся переселенцы, работающие в сельхозколхозах, предприятиях лесной, местной и кооп. промышленности.

Потребовать от начальника окр. управления НКВД тов. Карташова и начальника трудового переселения тов. Вольнова ликвидировать негодный стиль в работе комендатур, ограничивающий... деятельность лишь оперативным учетом контингента.

Там же, д. 688, л. 180

Из спецсообщения начальника
Нарымского окротдела НКВД
капитана госбезопасности Карташова
и начальника отделения ОТСП Нарымского
окротдела НКВД Вольнова
секретарю Нарымского окружкома ВКП(б)
Брызгалову

10 января 1944 г.

*О жилищных и бытовых условиях спецпереселенцев-немцев
в Кривошеинском и Молчановском районах*

Жилищные условия:

В Никольске в 300 м от поселка на болоте в землянках размещено 18 семей — 83 человека. Из них в землянке 16 кв. метров проживает 4 семьи, 17 человек. В том числе 11 детей до двенадцатилетнего возраста. Землянка построена в октябре-ноябре, не просушена, в настоящее время мокрая, с потолка и стен течет вода... На полу снег, лед, так как двери сделаны из тонкого теса и в них продувает ветер. Окна очень малые, в землянках совершенно темно...

В пос. Белый Бугор в отдалении от поселка в 400 м на берегу Старицы построена одна землянка, в которой живут 6 семей, 26 человек. В том числе 18 детей до десятилетнего возраста. Пола деревянного нет, окон нет, печь развалилась.

Против пос. Красный Яр в 2 км на острове в бараке рыбозавода живут 8 семей, 24 человека. Из них 13 детей дошкольного возраста. Барак не отремонтирован, кругом щели, куда проносятся снег, имеющаяся глина развалилась, дым выходит в барак. Около рыбпункта и барака бани нет, а в Красный Яр в баню детям и взрослым идти не в чем, все люди грязные, в бараке масса клопов и вшей.

В ноябре за пос. Карнаухово рыбозаводом был выстроен полуземляной барак, т.е. сверх земли было еще нарублено 3 ряда леса, а внутри он оплетен плетнем, но не замазан. Накрыт барак круглым лесом и горбылем, печи сделаны из мерзлого дерна, а вместо плит различная ржавая жесть, которая вся в дырах, барак примерно 12 м длины и 4 м ширины, в нем всего 3 окна, размером 50 × 20 см, застекленные бумагой.

Подобное же положение в Молчановском районе. Здесь построили дома для себя лично директор рыбозавода, его два заместителя, председатель рыбокоопа и другие, а для проживающих в Молчаново спецпереселенцев до глубокой осени ни одного дома не построили, в результате, когда пошел снег, для них начали строить землянки на берегу р. Обь... Землянки сырые и холодные. В пос. Стрежном в землянке 20 кв. м живут 28 человек. С потолка беспрерывно течет вода.

В пос. Мандраки в землянке 18 кв. м проживает 19 человек. В землянку совершенно не проникает дневной свет, печь развалилась. Все землянки рыбозаводами строились, как правило, на низких затопляемых местах и на берегах рек и стариц. С открытием рек, безусловно, они будут затоплены и размывы.

Обеспечение одеждой и обувью:

...Все спецпереселенцы совершенно обносились, не имеют ни одежды, ни обуви, поэтому большая часть их не может работать вне помещения. В большинстве случаев это привело к тому, что в настоящее время ни одна организация не принимает их на работу. Большая часть семей спецпереселенцев находится в катастрофическом положении.

В пос. Федоровка Молчановского района проживают Янцен Елена Яновна, 1912 г.р., имеет на иждивении 2 детей 1935 и 1939 г. рождения и Тоберт Ольга Яковлевна, имеющая на иждивении 2 детей 1934 и 1937 г. рождения. Все они не имеют совершенно обуви и одежды и сидят нагие. Матери их на работу устроиться не могут, т.к. не имеют обуви и одежды. Поэтому продуктов не получают, а своих овощей никаких у них нет. В квартире окна забиты досками или заткнуты различным тряпьем, дверь не закрывается. В последних числах ноября у Янцен от истощения умер ребенок, похоронить она его не могла, т.к. не имеет обуви пойти выкопать могилу и сделать гроб. [Несмотря] на неоднократные просьбы к председателю колхоза Аксенен[ку] оказать помощь в похоронах ребенка, последний оказал помощь только на четвертый день. Труп ребенка лежал в сенях 4 суток, и ноги трупа объели крысы.

Обе эти семьи питаются только за счет того, что ходят нищенствуют по селу, обертывая одного какого-нибудь члена семьи в тряпки...

Большинство из немцев, не имея теплой одежды и обуви для работы на дворе, а также вследствие общих мастерских для изготовления орудий лова, числятся надомниками и никаких продуктов, кроме 200 граммов хлеба, не получают. Вследствие

систематического недоедания имеет место резкая истощенность спецпереселенцев и их детей, особенно в многодетных семьях.

Проверкой выявлено истощенных в пос. Мандраки 12 семей, в т.ч. Видервуд М.К. — из 10 чел., Флег М.Ф. — из 8 чел., Герман Е.К. — из 7 чел., Шпаниль М.К. — из 8 чел., в пос. Восток 3 семьи, в т.ч. Гейзе С.К. — [из] 8 чел., Цаен С.Е. — [из] 5 чел. и др.

Помимо вышеизложенного, спецпереселенцы уже более полугода не получают соли... Зарплата систематически выдается с опозданием на 2–3 месяца.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 829, лл. 7–8

138

Из спецсообщения районного коменданта
Колпашевской комендатуры Ухарева
Нарымскому окружкому ВКП(б)

1 февраля 1944 г.

Расселенный контингент немцев средств существования в пос. Н. Павловка Колпашевского района не имеет. В результате имеется ряд немцев, которые истощены и обречены на голодную смерть... Медобследованием установлено три случая смертности от истощения и голода.

Там же, д. 841, л. 4

139

Из спецсообщения начальника Нарымского
окротдела НКГБ капитана госбезопасности
Островлянчика секретарю Нарымского
окружкома ВКП(б) Брызгалову

15 марта 1944 г.

В Кривошеинском районе среди немцев, переселенных с Поволжья, имеют [место] случаи смертности и заболевания от истощения. В течение января и февраля 1944 г. в районе умерло

20 человек немцев. Например, в селе Никольевы от истощения умерли Штопаль Богдан и его жена, а двое нетрудоспособных детей Штопаль опухли от голода. В дер. Тугулино имеют [место] случаи, когда переселенные немцы употребляют в пищу павших животных...

В 1942 году в Кривошеинский район было вселено 1614 человек немцев Поволжья. Часть этого контингента была расселена и трудоустроена в колхозы района, часть передана в систему рыбной промышленности. В декабре 1943 г. в связи с сокращением объема плана по добыче в Кривошеинском районе уволено 260 человек трудоспособных немцев. Все уволенные и члены их семей были сняты со снабжения продуктами питания через систему рыболовпотребсоюза, нигде не снабжались, и по трудоустройству их действенных мер не принималось. В январе и феврале 1944 г. осталось нетрудоустроенных и снятых со всякого снабжения 143 трудоспособных человека и их семьи.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 841, л. 6

140

Из спецсообщения начальника Нарымского окротдела НКВД капитана госбезопасности Карташова и начальника отделения ОТСП Нарымского окротдела НКВД Вольнова секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Брызгалову

31 марта 1944 г.

По данным на 20 марта 1944 г., уволено с работы предприятий рыбтреста спецпереселенцев 1366 человек, которые имеют 3019 иждивенцев. Большая часть трудоустроивается в хозяйственные организации и учреждения, а также направляется в существующие спецпереселенческие колхозы.

...В связи с тем что значительная часть колхозов, куда направляются спецпереселенцы, продовольственными фондами в достаточном количестве не располагает, положение этих контингентов со снабжением не выправляется. Так как хлебом они не обеспечиваются, продолжают заниматься нищенством или выполнением частных работ у граждан за продукты... В связи с тем что округу хлебные фонды для потребкооперации не уве-

личены, в ряде районов спецпереселенцы снимаются со снабжения. Всего 28 марта [19]44 г. по рыбтресту подлежат увольнению 4818 трудоспособных, а вместе с их ждженцами снимаются со снабжения 9842 человека.

Там же, л. 11

141

Из спецсообщения начальника Нарымского окротдела НКВД капитана госбезопасности Карташова и начальника отделения ОТСП Нарымского окротдела НКВД Вольнова в окротдел НКВД и секретарю Нарымского окружкома ВКП(б)

15 апреля 1944 г.

*О трудоустройстве спецпереселенцев,
уволенных из рыбной промышленности*

В связи с уменьшением плана рыбодобычи на 1944 г. по Новосибирскому госрыбтресту и сокращением лимита по труду рыбозаводы треста в феврале-марте 1944 г. произвели массовое сокращение рабочей силы. Главным образом за счет спецпереселенцев-немцев, и в первую очередь многосемейных, инвалидов и не имеющих одежды и обуви. По Каргасокскому району уволено 105 семей — 341 человек. Все уволенные были немедленно сняты со снабжения, как рабочие, так их ждженцы и дети. Но так как уволенные в большинстве случаев являются ограниченно трудоспособными или не имеют одежды и обуви... колхозы, не имея излишков хлебных запасов, от приема такой рабочей силы отказались.

В Парабельском районе уволено 114 семей — 488 человек. Из них 153 человека не трудоустроены. По Нарымской коммандуре Парабельского района выявлено два случая смертности от истощения — спецпереселенки Шмидт Эмилии 1919 г.р. и Эберт Лидии 1919 г.р. По Колпашевскому району уволено на 10 марта из рыбной промышленности 307 семей — 920 человек. Из них трудоустроено 322 чел. Уволенный с работы контингент одновременно был снят со снабжения. На протяжении всего времени рыбозавод для спецконтингентов необходимых условий не создавал, хоз. устройством не занимался, произво-

дил, наоборот, частые переброски, семьи материально разорил, что привело к тяжелым последствиям. Спецпереселенцы в поисках работы расходились по поселкам, занимались нищенством... Имели место случаи смертности спецпереселенцев от истощения. Руководство рыбозавода не только не занималось трудоустройством, а даже не обеспечивало продуктами питания по существующим нормам, хлеб не выдавался по несколько дней. В пос. Петропавловка ряд немцев голодали, питаясь отбросами. Лидия Кошпа, Елизавета Вольстер и Яков Вольстер в феврале умерли от истощения.

По предварительным подсчетам райкомеандатур, в округе около 350 инвалидов, а также около 175 семей многодетных женщин, которые не в силах обеспечить детей питанием, с общим количеством детей, которых надо помещать в детдома, до 400 человек.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 841, л. 15

142

Секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Брызгалову

10 мая 1944 г.

В связи с тем что предприятия рыбной промышленности Нарымского округа за последнее время производят массовое увольнение спецпереселенцев-немцев, которые находятся в тяжелом материальном положении, обком ВКП(б) решил переселить в Новосибирск 400 семей спецпереселенцев-немцев для работы в оборонной промышленности.

Произведение переселения возложено на Нарымский окр. отдел НКВД.

Секретарь Новосибирского обкома ВКП(б)

Семина

Там же, л. 25

Начавшаяся в 1931 году и продолжавшаяся в последующие годы ссылка в Нарым, не говоря уже о бесчеловечности этой акции, была экономически нецелесообразна. Но руководители округа неустанно докладывали Новосибирскому обкому ВКП(б) о «трудовых успехах» и «величественном размахе освоения Севера». Новосибирский обком рапортовал выше, в Москву, «дорого-

му, любимому»... А то, что тысячи и тысячи людей «удобрили» нарымскую землю своими трупами, считалось само собой разумеющимся — цель оправдывает средства. И сменявшие друг друга местные власти, доказывая свое усердие, просили увеличивать число ссыльных. Выше приводилась просьба Васюганского райкома партии к Нарымскому окружному предусмотреть вселение в 1943–1944 годах в Васюганский район дополнительно полутора тысяч семей. Привожу еще один документ. Составлен он в 1944 году, когда в Нарымском округе не знали, что делать с оставшимися без работы, гибнущими от голода спецпереселенцами-немцами. Этот документ предназначался для ЦК ВКП(б).

143

Из справки секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) Кулагина

[Конец 1943 — начало 1944 г.]

О положении дел в Нарымском округе

В годы, предшествующие Отечественной войне, в Нарымском округе была проведена большая работа по его заселению и хозяйственному освоению. За этот период (1930–1941 гг.) на территории округа вселено свыше 200 тысяч переселенцев, в результате чего возникло несколько сот новых поселений. Путем расчистки и раскорчевки новых земель общая посевная площадь увеличилась с 70 тыс. га в 1932 году до 146,2 тыс. га в 1941 году. Лесозаготовки возросли с 700 тыс. ... до миллиона кубометров в год.

...Дальнейшее заселение Нарымского округа является по существу главным вопросом, от разрешения которого зависят темпы его дальнейшего развития. Новосибирский обком ВКП(б) считает, что для более широкого использования сырьевых запасов малоосвоенных районов Нарыма необходимо в 1944 году переселить в округ не менее 70–80 тысяч человек. Это количество населения округ может принять в порядке доприселения в существующие сельскохозяйственные, рыболовецкие и промысловые колхозы без значительного нового жилищного строительства. Кроме того, часть переселенцев будет направлена в лесную промышленность.

Там же, д. 795, л. 4

Из докладной записки начальника
управления НКВД по Новосибирской области
Петровского в Новосибирский обком ВКП(б)

26 февраля 1944 г.

По решению бюро обкома ВКП(б) в октябре 1942 г. в Колпашеве был организован контрагентский лагерный пункт для проведения силами заключенных различных строительных работ Госрыбтреста, причем лагерь был размещен во временных летних помещениях с условием, что немедленно будет начато строительство нового лагеря. Однако с первых же дней организации лаг. пункта рыбтрест не создал необходимых условий для содержания в нормальных условиях заключенных, и поэтому вскоре [в]стал вопрос о ликвидации лагеря.

По сей день строительство лагеря не закончено. Вместо 3 бараков к началу 1944 г. построено 2 барака и помещение амбулатории стационара. Причем бараки построены весьма некачественно. В бараках большая сырость, появился грибок, нет двойных рам, окна заделаны бумагой... В указанные помещения заключенных переводить нельзя было, но, т.к. дальнейшее содержание з.к. в прежних летних лагерях стало невозможным, окр. отдел НКВД вынужден был, чтобы не допустить гибели людей, перевести лагерь в незаконченные помещения. До сих пор не начато строительство бани и скважин [для] колодца. Для бытовых нужд лагерь возит воду на людях на расстояние до одного км. Дрова заготавливаются на тех же людях на расстоянии свыше двух километров... Нет совершенно складских помещений, для хранения продовольствия и вещевого довольствия используется часть одного из бараков, тем самым сокращается площадь для размещения з.к. и создается скученность. Рыбтрест не построил кухни-столовой, и з.к. получают пищу на открытом воздухе.

Рыбтрест, не имея большой нужды в рабочей силе для строительных работ и нуждаясь в транспорте, стремится использовать з.к. главным образом для перевозки разным способом соли, леса и проч. на расстояние до 3 км, что является недопустимым и нерентабельным для лагеря. Рыбтрест не в состоянии поглотить всю рабочую силу, и таким образом лагерь превратился в своеобразную биржу труда. С ноября прошлого

года рыбтрест совершенно прекратил выдачу з.к., выполняющим и перевыполняющим норму выработки, доп. питания хотя бы в виде мясных и рыбных отходов. Люди вовсе не обеспечены овощами. В результате за последнее время значительно выросло число больных и ослабленных.

Во избежание доведения контингента з.к. до катастрофического состояния, что может повлечь деградацию его, рост заболеваемости и смертности, я вынужден с 1 марта приступить к ликвидации лагеря и вывозке заключенных в Новосибирск для использования их на оборонных предприятиях.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 841, лл. 9–10

145

Из докладной записки зам. начальника
окротдела НКГБ капитана госбезопасности
С. Карпова секретарю Нарымского
окружкома ВКП(б) Брызгалову

25 января 1944 г.

За январь 1944 года через Колпашевский пункт военной цензуры прошло 199 писем, исходящих от воспитанников детских домов, с жалобами на плохое питание и обмундирование. Ниже приводятся выдержки о содержании жалоб.

Айполовский детдом. *Орехов пишет:* «Я живу плохо. Хлеба в день дают 500 грамм[ов], в завтрак дают чай сладкий по два стакана, в обед суп с капустой, а в ужин по три рыбки и мундир 8 картошек. Одевают плохо. Если можно, то возьмите меня к себе, а то меня тут бьют».

Парабельский детдом. *Каштанова Маня:* «Дядя Авера, в детдоме плохо нас одевают, также и плохо кормят. Дядя Авера, я хожу в третий класс, учусь ничего. Ходим зимой в школу в летних пальто, мы отмораживаем руки и ноги»... *Бурмистрова Маня:* «Одевают нас в летние халатики, а мороз доходит до 60 градусов. Варют тухлую капусту, и то не вволю. Хлеба дают 400 грамм[ов] в день. Няня, нас дразнят, вы сами знаете как. Будем слушаться, только возьми нас. Нас там никто ненавидит, обзывают, бьют, нет возможности жить в детдоме». *Апец Зина:* «Лучше дома есть траву, чем жить здесь... В завтрак надо по

150 гр[аммов], а нам дают по 100 грамм[ов]. И так все повара съедают наше. Тетя, прямо так плохо жить, и издеваются над нами, бьют нас».

Васюганский детдом. *Мамонтов Леонид:* «Живу неважно, к вашему известию, главное из-за питания. Утром дают чай, тарелочку супу с одной почти зеленой капустой и 150 гр[аммов] хлеба. В обед тоже тарелочку супу с какой-нибудь крупой, а на второе соленые червивые негодные для еды грибы. В ужин чай с молоком. Молоко отпускают так: в котел на 200 человек опускают один литр молока и крошки хлеба. На голодный, можно сказать, желудок ложишься спать. Теперь вы, наверное, ясно представляете мою скитающуюся жизнь».

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 840, л. 2

146

Из докладной записки помощника
районного коменданта Сергеева
начальнику Васюганского РО НКВД
капитану милиции Семкину

6 января 1944 г.

На 1 января 1944 года на территории Васюганского района значится 498 расселенных семей ссыльнопоселенцев, в них 896 человек, из которых 611 трудоспособных. Трудоустроен 521 человек. Однако сейчас в колхозах с наступлением зимы за отсутствием обуви и одежды, несмотря на трудоспособность, на работу не выходят. Кроме того, многие из трудоспособных за отсутствием каких-либо овощей и других продуктов питания просто истощали и на работу выходить не могут. Заработок их в колхозе по их способности до того мизерный, что ни в коем случае не обеспечивает существование. Во многих колхозах на трудодни платят натурой очень мало, да и та выдана авансом в период летних работ. Особенно дети подвергаются опуханию и крайне нуждаются в получении хлеба... Отдельных спецпереселенцев можно устраивать в такие организации, как райлесхоз, где проходит массовая заготовка дров, при условии их обеспечения одеждой и обувью. Применение их труда в колхо-

зах является неэффективным. Прошу поставить вопрос на разрешение соответствующих органов с целью снабжения ссыльнопоселенцев согласно прилагаемому при сем списку.

Там же, ф. 102, оп. 1, д. 104, л. 9

К докладной приложен список. Эстонские, латышские, русские, молдавские, еврейские фамилии. Сто тридцать пять детей, стариков, женщин. Сто тридцать пять умирающих. «Новый контингент» был низшей кастой, жалкий и беспомощный вид опустившегося от голода человека вызывал у некоторых начальников брезгливость либо желание еще более унижить... Однако находились и такие, которые проявляли сочувствие.

Не стану сейчас, полвека спустя, делить тех, кто был тогда в силе, на «чистых» и «нечистых». Многих из них уже нет на свете, те, кто остался, стар и немощен. Смерть уравнила всех, история рассудила... Написать докладную записку помощника районного коменданта побудила, думаю, все же человечность. Ведь в функции комендантов входил лишь надзор за ссыльными — ежемесячная «сверка наличия», за их смерть комендатура ответственности не несла. Все можно было списать на войну. Тем более умирали-то «социально опасные» и «социально вредные». А продовольственными ресурсами комендатура не располагала. Слишком уж отчаянным стало положение, люди на глазах умирали от голода...

147

Из воспоминаний Пеэпа Варью, сосланного из Эстонии в 1941 г.

Очень ясно помню, как на железнодорожной станции солдаты увели от нас отца. Почему-то все эстонские дети, попавшие потом в детдома, забыв многое из того, что было до этого в детстве, навсегда запомнили, как уводили их отцов, которых им не суждено было больше увидеть. Сохранилась в моей памяти шеренга солдат с винтовками, оцепившая товарные вагоны, в которые нас погружали. Сам долгий путь по железной дороге в Сибирь забылся, но помню, как затем нас везли на барже по

огромной реке, помню, как подчалились к какой-то пристани и длинная вереница ссыльных женщин передавала по цепочке из рук в руки на баржу буханки хлеба. Помню ливень, когда после долгого пути нас высадили в Айполово на берегу Васюгана. Проливной дождь, измученные, промокшие до нитки люди, узлы и чемоданы на раскисшей от дождя глине... Последнее видение, когда все еще были живы, — мама и нас четверо, малолетних ребятишек.

Следующее воспоминание — клуб в Айполово, где тесно от расположившихся на полу женщин с детьми. Уже нет нашего маленького двухлетнего брата Пеара, он умер и зарыт в глинистой земле за поселком. Длинные дни, короткие северные ночи, плачут маленькие дети, гудят налетевшие с улицы комары...

Дальше в памяти провал. Помню уже поселок со странным названием Медвежий Чвор, куда нас привезли на поселение, и постоянное чувство голода. Мама уходила выменивать на продукты немногие привезенные из дома вещи, а мы тоскливо ждали ее в остывшей избе. Но скоро менять стало нечего, и один за другим стали уходить из жизни те, кто меня окружал. Сначала умер от голода мой брат Энн, затем мама. В последний вечер, когда она еще была с нами, к ней пришли такие же, как она, обессиленные от голода эстонки. Не знаю, о чем она разговаривала с ними, никогда не узнаю, что думала в свои последние часы, оставляя трех сирот... А через какое-то время умерла моя сестра Эльь. Это было утром, мы спали все рядом на полу, она пыталась встать, но не могла, приподнялась через силу, глубоко вздохнула и скончалась. Последним умер родившийся уже в Сибири мой крохотный братик. Много лет спустя я узнал, что еще в декабре сорок первого в концлагере на Урале погиб наш отец. Так меньше чем за год из нашей семьи остался в живых только я.

Весной меня увезли в детский дом. Там я надолго заболел и только осенью стал понимать, что происходит вокруг. В детдоме были еще и другие осиротевшие ребятишки из Эстонии, с которыми я мог общаться на родном языке. Но однажды я обнаружил, что забыл свой язык. Много позже узнал, что нам запрещали разговаривать между собой по-эстонски...*

* Свои воспоминания П. Варью прислал мне из Эстонии.

Из личного дела спецпереселенки Эрики Яновны Варью

Начато 8 июня 1941 г.

(Орфография и пунктуация подлинника сохранены)

Постановление

1941 года июня месяца 8 дня, я старший уполномоченный
УКГБ Вирумаа Лиива

Варью Вольдемар Иоганнович арестован по обвинению как бывший констебль полит. полиции. Помощник командира роты. Кайтселиит. Проживает в погранзоне. Антисоветски настроен. Руководствуясь директивой НКГБ СССР от ..., полагал бы семью Варью Вольдемара Иоганновича, состоящую из 5-ти человек: 1) жены Варью Эрика Яновна, 2) дочери Варью Элла Вольдемаровна, 3) сына Варью Энна Вольдемар., 4) сына Варью Пееп Вольдемар., 5) сына Варью Реар Вольдемар. выслать в отдаленную местность.

Опер. уполномочен.

Лиива

Согласен: председатель уездной тройки
начальник УО НКГБ

Киви

Eesti NSV Riikliku julgeoleme Rahvakomissariat*

Memorandum №

Варью Вольдемар Иоганнович 1904 г. рожд., место рождения: волость Кареда, уезд Вирумаа, Эстония, гражданин СССР, беспартийный. Образование: среднее и полицейская школа. Род занятий: на своем хозяйстве. Недвижимого имущества не имеет. Не судим. Местожительство: местечко Визо, волость Пальме, уезд Вирумаа. Состав семьи: жена Варью Эрика Яновна 1905 г. рожд., дочь Варью Энн 1934 г., сын Варью Пееп 1936 г., сын Варью Реар 1939 г.

Компромет. материал: Варью Вольдемар Иоганнович служил в должности констебля на участке Пальмской волости до момента ликвидации полиции. Кроме того принимал участие в к.р. организации Кайтселиит, а до ликвидации Кайтселиит был по-

* НКГБ Эстонской ССР.

мощником командира роты в Пальмеской волости. Проживает в погранзоне.

Основание: справка волостного исполкома и данные с.с. «Ранд».

... мая 1941 г. Таллин.

Оперуполномоченный УО НКГБ Вирумаа
Согласен: начальник уездного отдела НКГБ Вирумаа

*Лийва
Киви*

В июне 1941 года семья арестованного и в декабре того же года погибшего в Севураллаге Вольдемара Варью, как и «полагал» оперуполномоченный НКГБ, была выслана в «отдаленную местность». В Нарымский округ вместе с тысячами других таких же сосланных привезли Эрику Яновну Варью, ее восьмилетнюю дочь Эллу и трех сыновей: семилетнего Энна, пятилетнего Пеэпа, двухлетнего Пеара. В январе 1942-го родился еще один мальчик — Яак. К осени из всей этой многочисленной семьи остался в живых лишь Пеэп, которого отправили в детский дом, а через четыре года вместе с другими малолетними детдомовцами, имевшими родственников в Эстонии, увезли на родину.

А когда в конце 40-х маховик репрессий снова стал интенсивно раскручиваться, начались поиски не оказавшихся на месте поселения членов семей так называемых социально опасных элементов. Умершие от голода и лишений, они в картотеках МГБ все еще значились живыми... И пошла писать губерния, то бишь область. Пошли по почте секретные запросы, секретные ответы, секретные справки...

В июле 1950 года УМВД Новосибирской области запрашивает МГБ Эстонской ССР. Просят сообщить сведения о Варью Эрике Яновне и ее детях. 9 августа 1950 года из МГБ ЭССР отвечают: «В оперативной справочной картотеке отдела “А” МГБ ЭССР сведений о Варью Эрике Яновне не имеется. Взят на учет в 1941 г. ее муж, Варью Вольдемар Иоганнович, по директиве НКГБ ЭССР как констебль полиции и член кайтселиит».

17 ноября 1950 года начальник 1-го отдела УМВД Новосибирской области подполковник Ширяев пересылает дело на Эрику Варью начальнику ОР 2-го отдела УМГБ НСО майору Дунайскому: «При этом направляю для производства розыска личное дело на с. поселенца Варью Эрику Яновну, высланного

в 1941 г. в Новосибирскую область и в настоящее время не оказавшегося на месте поселения». Майор Дунайский дает задание исполнителю Кузнецову (звание не указано): «Просьба выдать справку: Варью Эрика Яновна 1905 г. Место рождения: волость Пальмес, уезд Вирумаа, ЭССР. Адрес: неизвестно. Место работы: неизвестно. В 1941 г. была выслана в НСО. Нужна справка, в каком районе области состоит на учете адм. ссыльных, и другие данные. Справка нужна для объявления розыска». Кузнецов делает запрос в адресное бюро Новосибирской области. Адресное бюро дает справку, что Варью Эрика Яновна в Новосибирске и Новосибирской области не значится. Запросы, ответы и справки подшиваются в дело. Розыск продолжается, дело пухнет.

Начальнику Вирусского уездного отдела
МГБ Эстонской ССР, гор. Раквере

29 мая 1951 г.

Совершенно секретно

В управлении МГБ Новосибирской области находится принятое из УМВД личное дело на семью спецпоселенцев, из материалов которого видно, что Варью Эрика Яновна 1905 г., Варью Эле Вольдемаровна, 1933 г., Варью Энн Вольдемар., 1934 г.р., являются членами семьи Варью Вольдемара Иоганновича, который, как активный участник контр. револ. организации Кайтселиит, арестован Вирумааским уездным отделом МГБ. До 1941 г. все они проживали в мест. Вызо Пальмеской волости Вирусского уезда. По постановлению Вирусского уездного отдела НКГБ от 8 июня 1941 г. указанные лица подлежали выселению в Сибирь. Личное дело на них в 1941 г. было передано в УНКГБ Новосибирской области, а прибывали ли в ссылку сами высланные, из материалов дела не видно.

Для решения вопроса о необходимости розыска прошу Вас произвести следующие мероприятия:

1) Установить, было ли в 1941 г. приведено в исполнение решение об их выселении. По возможности установить, в какую область они были выселены.

2) Проверить по месту прежнего их жительства, не возвращался ли кто из них после выселения, установить, где и кто из них сейчас находится.

3) Собрать возможно полные сведения о связях проверяемых, приняв одновременно меры к установлению, кто из них и каким путем поддерживает связь с интересующими нас лицами.

Исполнение просим не задержать.

Начальник 9-го отд. УМГБ НСО
Зам. начальника ОРО УМГБ НСО
№ 26/861 г. Новосибирск

подполковник Смирнов
майор Гусаков

Начальнику 9-го отдела управления МГБ Томской
и Кемеровской области

16 июня 1951 г.

Совершенно секретно. Литер «А»

В управлении МГБ нашей области находится принятое из УМВД личное дело на семью ссыльных поселенцев: Варью Эрику Яновну 1905 г., Варью Эле Вольдемар., 1933 г., Варью Энн Вольдемар., 1934 г.р., Варью Пееп Вольдемар., 1936 г.р.

Как видно из материалов дела, указанные лица, как члены семьи репрессированного в волости Кареда, уезд Вирумаа участника фашистской организации, по постановлению Вирумского УО НКГБ ЭССР в 1941 г. были высланы на поселение в Новосибирскую область, но где проживали и состояли ли на учете ссыльных, неизвестно.

Проверкой в районах Новосибирской области в теперешнем ее составе проживание когда-либо перечисленных ссыльных не установлено. Принимая во внимание, что в 1941 г. Новосибирская область включала в себя районы Вашей области и что преобладающее большинство ссыльных переселенцев Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии расселились тогда в этих районах, не исключено, что указанная семья была поселена, а, может быть, находится сейчас в одном из районов Вашего обслуживания.

Просим Вас произвести следующие действия: всех поименованных в настоящем письме ссыльных переселенцев проверить по архивной и действующей картотеке Вашего отдела и по общесправочной картотеке отдела «А» УМГБ, установив этим:

а) состояли ли они ранее, состоят ли сейчас и где именно на учете адм. ссыльных, ссыльных поселенцев или спецпереселенцев;

б) не значится ли кто из них арестованным, осужденным или взятым на оперативн. учет в районах Вашей области.

В том случае, если по учетам 9-го отдела и отдела «А» УМГБ проверенные не значатся, дать задание всем ГО РО МГБ Вашей

области, чтобы проверили интересующих нас лиц по действующим или архивным учетам своих аппаратов и по архивам 1941–1949 гг. бывших ГО РО МВД.

Собранные материалы вместе с настоящим заданием просим вернуть нам.

Начальник 9-го отдела УМГБ НСО
№ 26/373 г. Новосибирск
р.д. № 75

Смирнов

Ищут «не оказавшуюся на месте поселения» Эрику Варью, ищут ее сына Энна, которому должно исполниться 17 лет, ищут Эллу Варью, которой должно быть уже восемнадцать... Все они давно зарыты в суглинок на погосте у поселка со странным названием Медвежий Чвор. Энн прожил всего восемь лет, Элла — девять. Но МГБ потеряло их, «социально опасных», они не списаны... Их разыскивают во всех «районах обслуживания». Снова запрашивают адресное бюро. В «дело» подшиваются полученные оттуда справки:

«Варью Энн, 1934 г., в Новосибирске и Новосибирской области не значится», «Варью Эле, 1933 г., в Новосибирске и Новосибирской области не значится».

Начальник 9-го отдела УМГБ НСО Смирнов шлет письмо начальнику 9-го отдела МГБ по Кемеровской области:

Совершенно секретно. Прошу ускорить исполнение нашего № 26/373 от 16 июня 1951 г. в отношении розыска семьи ссыльнопоселен. Варью Эрику Яновну и друг.

Ведется переписка между районными отделами МГБ в Эстонии, в результате чего в УМГБ Новосибирской области поступает сообщение:

По общесправочной картотеке в спецотделе МГБ ЭССР значится:

1. Варью Эрика Яновна, 1905 г., урож. уезд Вирумаа, волость Пальмес. Проходит по делу масс. операц. арх. № 486. Дело у нас в архиве. 2. Варью Вольдемар Иоганнович, 1904 г., ур. во-

лости Кареда. Проходит по делу массов. операц. архив. № 486.
Дело у нас в архиве.

Через некоторое время в УКГБ Новосибирской области приходит очередная бумага:

Сообщаем, что семья Варью Вольдемара Иоганновича: 1) жена Варью Эрика Яновна, 1905 г.; 2) сын Варью Энн Вольдемар., 1934 г.р.; 3) дочь Варью Эльль Вольдемар., 1933 г.; 4) сын Варью Пеэп Вольдемар., 1936 г.; сын Варью Пеару Вольдемар., 1939 г., которые проживали в местечке Высу Вирусского уезда, по постановлению Вирусского УО НКГБ от 8 июня 1941 г. подлежали выселению в Сибирь. Семья Варью в количестве 5 чел. была выслана в Томскую область, Васиконский район, где в мае 1942 г. умерла их дочь Варью Эльль, сын Энн умер в декабре 1941 г., а сын Пеару и их мать, Варью Эрика Яновна, умерли летом 1942 г. Сын Варью Пеэп Вольдемарович 1936 г., уроженец Раквере, вернулся в 1946 г. в Эстонскую ССР, где проживает в мест. Высу, сельсовет Высу Лаксаского района. Другими данными Лаксаское РО МГБ ЭССР не располагает.

Приложение: Ваш запрос.

Начальник Лаксаского РО МГБ
Оперуполномоченный
Лаксаского РО МГБ ЭССР

старший лейтенант Курк

мл. лейтенант [нрзб.]

Судьба семьи Варью начинает проясняться. Васиконский район — естественно, Васюганский. Из 9-го отдела УМГБ Новосибирской области 16 октября 1951 года шлют запрос начальнику Васюганского РО МГБ Томской области старшему лейтенанту Воронову. В розыском деле появляется документ:

С п р а в к а

1) Варью Эрика Яновна, 1905 г., умерла 13.01.42.

2) Варью Инн Вольдемаровна, умерла 4.04.42.

3) Варью Пеэпе Вольдемарович, умер 14.04.42.

Нет Варью Эльль Вольдемаровны. Проживала: Медвежий Чвор.

Подпись и дата на справке отсутствуют.

В деле Эрики Варью 32 документа. Тридцать из них связаны с поиском ее и ее детей. Перепутаны имена. Мальчик Энн значится девочкой, его брат Пеэп, судя по одним документам, жив, по другим — умер. В ходе поиска выясняется, что был в этой семье еще ребенок, родившийся у Эрики Варью незадолго перед ее смертью.

21 октября 1953 года бюро ЗАГС Васюганского района представляет в УКГБ справку:

С п р а в к а

Варью Як Вольдемарович умер 20 мая 1942 г., о чем в книге Актов гражданского состояния о смерти за 1942 г. произведена соответствующая запись за № 1952.

Причина смерти: атрофическое расстройство питания.

Место смерти: Медвежий Чвор. Возраст: 5 месяцев.

Зав. райбюро ЗАГС

Могутаева

Подшивается справка бюро ЗАГС Васюганского района о смерти Эрики Варью. Справка датирована 7 октября 1953 года:

С п р а в к а

Варью Эрика Яновна умерла 30 января 1942 г., о чем за 1942 г. произведена соответствующая запись за № 11.

Причина смерти: порок сердца. *Место смерти:* Медвежий Чвор. Возраст: 36 лет.

Зав. райбюро ЗАГС

Могутаева

Но что-то еще не сходится в учете членов этой многолетней семьи с односложными эстонскими именами. Необходимо окончательно закрыть дело, и на свет появляется справка о смерти некоего Варью Иннета Вольдемаровича:

С п р а в к а

Варью Иннет Вальдемарович, умер 4 апреля 1942 года, о чем в книге ЗАГС о смерти произведена соответствующая запись за № 19.

Причина смерти: атрофическое расстройство питания.

Место смерти: Медвежий Чвор. Возраст: 7 лет.

Зав. райбюро ЗАГС

Могутаева

Все списаны. Розыскное дело закрыто. Искажены имена, перепутан пол. Бог принял их души, и все они вместе: Эрика, Элла, Энн, Пеар и младенец Яак, проживший на земле всего пять месяцев.

149

Из докладной записки начальника
Васюганского РО НКВД
капитана милиции Семкина
секретарю Васюганского РК ВКП(б) Тропову

11 января 1944 г.

В 1942–1943 гг. умерло только ссыльнопоселенцев, не считая трудпоселенцев и другого населения, 358 человек*... тогда как рождаемости среди них совершенно не имеется. Кроме того, проверкой РО НКВД и комендатуры установлено, что 135 человек в ближайшее время остро нуждаются в серьезной помощи питанием, поскольку из этого числа имеются больные и престарелые, которые не имеют не только хлеба, но ни килограмма овощей. В сельпо их на снабжение никого не принимают, хотя в райкартбюро по этому вопросу имеется указание. К тому же если часть из них работала в колхозах и имеет несколько заработанных трудовней, то в ряде колхозов хлеба к распределению совсем не пришлось. В результате смертность ссыльнопоселенцев все увеличивается. Хуже того, мы имеем факты даже такие, что даже больных на периферии района не кладут в больницы из-за отсутствия своего хлеба у больного. Также не лучше обстоит и с жилищными условиями. До сих пор ни один

* По уточненным мною данным, из доставленного в Васюганский район «нового контингента» в первые годы ссылки умерло более 500 человек (каждый третий). Пятьдесят лет спустя, просматривая хранящиеся в архиве Томского областного УВД папки с «делами», заведенными на ссыльных из Прибалтики, я убедился, насколько плохо вели учет своих «подопечных» коменданты. В конце 40-х годов, когда начался очередной виток массовых репрессий, местными карательными органами были заведены многие десятки розыскных «дел», в которых значились имена взрослых и детей, умерших в первые годы ссылки, но по какой-то причине не списанных. Уже сровнялись с землей могильные холмики, под которыми покоились мертвые, а их, значившихся живыми, принялись разыскивать, дабы водворить на место первоначального «спешпоселения»...

руководитель учреждения не считает своей обязанностью уделить на это внимание, хотя ссыльные у него работают. Большая доля ссыльнопоселенцев живет в самых отвратительных условиях. Об этом свидетельствует акт обследования, который у Вас имеется. Считаю, такое положение в дальнейшем терпеть не может. Требуется Ваше вмешательство по затрогнутому вопросу.

Резолюция: Т. Метле. Необходимо знать, где, сколько и на каких работах работают и также кто не работает, по какой причине и куда их трудоустраивать. Пусть в суточный срок такие материалы представят. *Тропов.*

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 104, л. 16

Вероятно, такое обследование провели, хотя сделать его за суточный срок было невозможно — с большинством поселков и связи-то не имелось. Хорошо помню — в 1944 году норма выдачи хлеба в Васюганском районе была не увеличена, а, наоборот, сокращена, паек урезали...

150

Из докладной записки парторга Тевризской парторганизации Никифорова секретарю Васюганского РК ВКП(б) Тропову

31 января 1944 г.

Ставлю Вас в известность, что получилось снижение нормы хлеба и прекратили совершенно выпечку хлеба по всему Тевризскому сельсовету. Получают мукой ежедневно по 40 грамм[ов] на иждивенца, 80 грамм[ов] на рабочего и по 3–5 картошек. Данная установка райпотребсоюза. Имеются случаи опухания детей, как, например, в пос. Тевриз опухшие четыре дитя Соловьевы. В пос. Калганак также 8 опухших детей. И снижена норма инвалидам Отечественной войны... Председатель колхоза Кучумов ушел на охоту, говорит: «Что, парень, тут делать? Хлеба нет».

Там же, л. 47

Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б)

2 марта 1944 г.

Шмелева Любовь Сергеевна, 1921 г. [рождения], эпидемиолог райздрави, допускала антигосударственные поступки, выразившиеся в тесной связи с трудпоселенцами, краже и присвоении вещей и незаконном использовании не принадлежащей ей хлебной карточки. Была исключена первичной парторганизацией райисполкома из ВКП(б).

Принимая во внимание искреннее признание, данное решение отменить. Внушить т. Шмелевой, что быт коммуниста является не только его личным делом, а общепартийным.

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 100, л. 26

Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б)

30 апреля 1944 г.

Председатель Майского сельсовета Могутаев обращается с телеграммами в райком ВКП(б), в которых заявляет, что 90 процентов колхозников сидят без хлеба, и просит в порядке ссуды 20 центнеров зерна. В то же время колхозы не выполнили задание по оказанию помощи семенами колхозам Средне-Васюганского сельсовета. Признать заявление Могутаева о тяжелом положении с зерном неправдоподобным, а действия невыполнения по оказанию семенной помощи колхозам Ср.-Васюганского сельсовета антигосударственными.

Там же, л. 36

Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

28 мая 1944 г.

Редактор газеты «Сталинское знамя» Парабельского района тов. Емельянов С.И. допускал непартийные поступки. В целях наживы скупал у адм. ссыльных латышей различные заграничные вещи, а для уплаты за них продавал по рыночной стоимости свои, приобретенные по твердым ценам в закрытом магазине партактива. Кроме того, рассчитывался за покупаемые у ссыльных вещи картофелем по рыночной стоимости, в то время как сам покупал картофель по заготовительным ценам в колхозах.

Принимая во внимание его заявление о том, что он осознал допущенные ошибки и на практической работе оправдывает доверие, а также учитывая положительную характеристику партийной организации... объявить выговор с занесением в учетную карточку.

Там же, ф. 206, оп. 1, д. 789, л. 191

Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б)

16 июня 1944 г.

О работе партийной организации Чаинского района по выполнению обязательств, данных в новогоднем рапорте товарищу Сталину

...Чаинский РК ВКП(б) и его первый секретарь Бровкин не сделали необходимых выводов из предупреждений девятого Пленума ОК ВКП(б) об особых условиях Нарымского округа, характерных и для Чаинского района наличием большого количества бывших кулаков и адм. ссыльных, что требует от районного комитета ВКП(б), от каждого коммуниста неослабной политической бдительности... Только безразличным отношением к предупреждениям Пленума ОК ВКП(б) можно объяснить факты засорения аппарата ряда советских, хозяйственных, торг-

ово-кооперативных организаций и МТС района лицами, не внушающими политического доверия... Притупление политической бдительности у отдельных руководителей районных организаций привело к тому, что в колхозах «Рассвет» и «Молот» с коренным населением у руководства в качестве председателей колхозов оказались бывшие кулаки (Житков, Цветаев). В районе не единичны случаи приема в комсомол детей бывших кулаков.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 789, л. 227

155

Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б)

22 сентября 1944 г.

Несмотря на неоднократные указания со стороны РК ВКП(б) и райисполкома, колхозы Средне-Васюганского сельсовета преступно срывают выполнение плана хлебопоставок. Наличие саботажа со стороны председателей колхозов, оппортунизм и потворство саботажникам со стороны уполномоченных, прекративших борьбу за хлеб, объясняющих провал хлебозаготовок исключительно сырой погодой, привели к тому, что план хлебопоставок выполнен на 20 сентября всего на 30 процентов. Председателя колхоза им. Коминтерна Кучумова за саботаж хлебозаготовок предать суду. Предупредить председателей остальных колхозов, что если они не выполнят план хлебосдачи в установленные сроки, то будут привлечены к судебной ответственности, как за саботаж.

Там же, ф. 102, оп. 1, д. 100, л. 88

156

Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б)

25 октября 1944 г.

План мобилизации по налоговым платежам третьего квартала ни одним сельсоветом не выполнен... Командировать в каждый сельсовет товарищей из партактива.

Там же, л. 106

Колхозники подразделяли приезжавших по одному, а иногда скопом «товарищей из партактива» не по должностям, которых зачастую не знали, а по цели приезда: «по посевной», «по покосу», «по уборочной». Приезжали «товарищи по поставкам», «по пихтовым», «по займу»... Пуще всего боялись тех, что приезжали «по налогу», за неуплату которого имели право описывать имущество. А поскольку имущества, за исключением стола, табуреток и рваной одежки, у колхозников не имелось, описывали последнее — картошку, обрекая семью на голодную смерть.

157

Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б)

22 декабря 1944 г.

Капичев Адам Игнатьевич, 1917 г.р., член ВКП(б), заместитель директора МРС, в мае 1943 года, проводя совещание с рыбаками колхоза «Красный факел», допустил грубость, выразившуюся в постановке на голосование за расстрел бригадира рыболовецкой бригады Ткаченко за порчу орудий лова и невыполнение плана рыбодобычи. В своем объяснении Капичев заявил, что подобного факта допущено не было и что в своем выступлении он говорил только о том, что дезорганизаторов, мешающих выполнять государственные планы в дни Великой Отечественной войны, сурово наказывать и в отдельных случаях даже расстреливать, и предложил голосовать под отдачу под суд Ткаченко, но колхозники от голосования воздержались.

Постановили: отметить, что грубость в поведении Капичева имеется, на что ему необходимо обратить серьезное внимание, но, учитывая, что факт устарел и потерял свою остроту и значение, ограничиться обсуждением.

Там же, л. 141

Нет, не за то, чтобы отдать под суд молодого бригадира, принуждал Капичев тогда на собрании голосовать колхозников, а за то, чтобы расстрелять парнишку. «Кто не проголосует —

тот пособник врага, того самого под трибунал!» И дрогнули несколько напуганных бабенок, потянули вверх руки... Струхнул тогда и Николай — а вдруг и впрямь расстреляют?

Спасся от суда, через месяц его взяли на фронт вместе с одногодками, такими же, как он, «кулацкими» сыновьями. Там, на фронте, кто-то посоветовал: «Напиши в райком, не было у того начальника права на собрании приговаривать к расстрелу». Написал солдат, но не получил ответа. Вернулся домой раненый, с боевыми наградами. Работал после войны бакенщиком. Как-то разговорились мы с ним на берегу у костра, рассказал он с усмешкой, как приговаривали его к расстрелу... Кстати, и по сей день живы несколько старух, которые проголосовали тогда из-за страха за собственную жизнь.

Такая вот «грубость».

Были самодуры в районе. Были... Военком Уткин заставлял призывников впрягаться в плуг и пахать ему огород. Для некоторых из тех ребят это была последняя работа на Васюганской земле...

158

Из докладной записки в Васюганский РК ВКП(б)

Январь 1945 г.

О воспитательной работе в Айполовском детдоме

Двадцать четыре воспитанника больны туберкулезом в открытой форме. Эти дети находятся вместе по разным комнатам со всеми детьми. Если не принять меры к немедленной изоляции и лечению, нет гарантии к дальнейшему распространению. Но медицинский работник при детском доме считает, что их выделять не следует, потому что они из разных классов и тяжело работать воспитателям... В каждом корпусе грязь, ребята грязные... С состоянием обуви и одежды чрезвычайно плохо. Директор детдома Сараев десять невыделанных кож изрезал на подшивку пимов для детей, чем самым толкнул на контрреволюционную агитацию вокруг детей детского дома, т.е. дети в подшитых пимах из невыделанной кожи идут на улицу, эта

кожа размокает, отваливается от подошвы, дети режут ее кусками, жарят на палочках эти лоскутки кожи...

[Подпись нрзб.]

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 133, л. 19

159

Из воспоминаний Бируты Мильберг

О жизни в детском доме у меня остались мрачные воспоминания. Я сильно болела воспалением почек, вся отекала и мочилась кровью. Почти целый год я находилась в изоляторе. Позже все тело и даже голова покрылись гнойными нарывами. Когда я выздоровела, меня поселили в один из корпусов. Зимой эти корпуса плохо отапливались. Почти все дети мочились в постель, по одеялам ползали вши. Главной едой был гороховый суп, ложек не давали, и приходилось жижу выпивать, а гушу ели руками. Старшие мальчишки отнимали хлеб у младших детей. До поздней осени детдомовцы ходили в школу босиком. Утрами лужи замерзали, идти было далеко, и, чтобы отогреть ноги, мы задерживались на крылечках домов*.

160

Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б)

26 января 1945 г.

Минишин Игнатий Федорович, кандидат в члены ВКП(б), заведующий районным отделением леспромхоза, не считаясь с мнением членов артели «Молот» и не имея наряда, взял в свое личное пользование корову по балансовой стоимости и не уплатил за нее деньги. Таким же образом приобрел центнер муки в колхозе «Парижская коммуна». Наблюдались нередкие случаи пьянства с кулаками.

Исключить из кандидатов в члены ВКП(б).

Там же, д. 120, л. 11

* См. прим. на с. 168.

Из докладной записки парторга с. Тевриз
Никифорова секретарю Васюганского
РК ВКП(б)

6 апреля 1945 г.

...Еще я прошу Вас оказать мне содействие [в вопросе] принятия мер к работникам рыбозавода. Не уделяют никакого внимания на рыбодобычу и занимаются не тем, чем нужно, как, например, техник МРС Подоляк занимается пьянкой с кулаками. Где пьет, там и оправляется, как произошло в квартире кулака Губкина, а также в других поселках. Кроме того, Подоляк променял колхозу «Красное знамя» лошадь. Негодную лошадь отдал, а самую лучшую взял, а эти кулаки отдают безо всякого... Далее, член партии Влахов работает начальником Тевризского рыбопункта, самовольно устроил засольный пункт в Муромской школе. Когда ему стал говорить, то он отвечает, что ему дирекция приказала выбрать лучшее помещение и там открыть засольный пункт.

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 133, л. 5

Два сына у Губкина в ту пору были на фронте, на третьего родители получили похоронную. Сами они не покладая рук работали в колхозе, но власти предержавшие именовали их кулаками. Так же как и других сосланных на Васюган крестьян, отдавших во время войны последнее, что у них оставалось, — сыновей. До конца дней своих — «кулаки»...

9 мая 1945 года — конец войны, великий День Победы. Как томительно долго его ждали, с какими надеждами связывали! Думали, кончится война, не будет больше смертей и страха, ожесточение сменится милосердием. С фронта вернутся солдаты, из концлагерей — заключенные, разрешат вернуться домой спецпереселенцам. За четыре военных года в Васюганском районе умер почти каждый второй ссыльный из «нового контингента». Некоторые семьи вымерли целиком... Война и ссылка в нашем сознании слились воедино, война усугубила тяготы ссылки

ных, и казалось, что причиной нашей ссылки в 1941-м была ожидавшаяся тогда война. Нам хотелось так думать. И вот настала весна 1945-го. «Ныне отпускаеши раба Твоего». Должны же смягчиться сердца после такой войны! После того, что перенесли все-все... «Ныне отпускаеши с миром...»

Была ликующая радость Победы, была светлая радость первой мирной весны. Но проходили дни, месяцы, и таяла надежда. Все оставалось таким же, как и во время войны, — «чистые» и «нечистые», «кулаки», «новый контингент». Все как в минувшие четыре года. Весна 45-го не стала весной милосердия.

162

**Из постановления объединенного
заседания Васюганского РК ВКП(б)
и исполкома райсовета**

11 мая 1945 г.

Уполномоченные райкома ВКП(б) и райисполкома, секретари парторганизаций смирились с благодушием отдельных руководителей колхозов и не приняли мер к ликвидации антигосударственных «мокрых» настроений, направленных на затяжку сроков сева и снижение урожайности...

Там же, д. 122, л. 27

163

**Из докладной записки поселкового коменданта
Грабцевской спецкомендатуры Чупина
секретарю Васюганского РК ВКП(б)**

3 июня 1945 г.

В данный момент по Огневоярскому сельпо нет ни грамма муки. Колхозникам разрешена ссуда на сеноуборочную, а муки нет.

Там же, д. 133, л. 8

Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б)

20 июня 1945 г.

Осудить вредную «теорию» невозможности заготовки кормов из-за плохой погоды. Применить меры к нерадивым колхозникам и руководителям колхозов.

ЦДНИ ТО, ф. 102, оп. 1, д. 120, л. 77

Летом осужденных увозили из Васюганского района речным транспортом, зимой гнали пешком. Четыреста с лишним километров до Колпашева, оттуда пополненную доставленными из других районов заключенными партию отправляли в Томск, а там из пересыльной тюрьмы пересылали уже в ближние и дальние лагеря. Брели арестанты к местам заключения по бесконечному васюганскому зимнику в 30-х и 40-х годах. Шли по этому же пути и в начале 50-х.

Устроившись в розвальнях, сопровождали их милиционеры, в розвальнях же лежали на сене котомки и пара кулей с овсом для лошадей, а осужденные шли пешком. Места для их ночевки на пути следования были постоянные — в поселке, где после войны я работал колхозным счетоводом, этап останавливался в колхозной конторе. Задержишься там, бывало, вечером после работы, куришь самосад с рассевшимися на вышорканной лавке немногочисленными деревенскими мужиками, переговариваются между собой собравшиеся повечеровать бабы. На улице темень и стужа, а в конторе тепло и светло от керосиновой лампы. Вдруг скрип полозьев возле крыльца, чей-то окрик, голоса...

— Этап пришел, — негромко говорит кто-то из колхозников.

Распахивается дверь, и, впуская стелющийся от порога холод, вваливается милиционер:

— Ишь сколько вас тут напало... Освобождайте помещение!

И по-хозяйски сбрасывает с себя на лавку тяжелый тулуп:

— Кому палаты в избе, кому небо в клетку...

Конвоировали осужденных обычно одни и те же милиционеры — Благодатских и Логинов. Благодатских прежде был поселковым комендантом, знал всех наших деревенских, а они знали его и излюбленную им шуточку про небо в клетку. Бывало, изобразит из пальцев решетку, ощерится:

— Я тебя вижу, ты меня — нет...

Любил показывать свою власть, говорил много, и все с ехидцей. А худосочный, испитой, сам походивший на заключенного Логинов был молчалив, часто покашливал, и в глазах его была тоска. Говорили, что он чахоточный, что дома у него девять детей.

Мне, как и другим колхозникам, надо освобождать контору, но я задерживаюсь, убираю в шкаф конторские счета и книги. Хлопает дверь, выстуживая помещение, осужденные заносят овес и котомки, контора снова заполняется людьми. Двое в засаленных ватниках прислонили ладони к теплым кирпичам печки, кто-то разувается на лавке, кто-то устало опустил на пол и привалился к стене. Еще не лагерники, но на лицах уже обреченность. Некоторые миновали поселки, в которых жили, у других они еще на пути, там удастся свидеться с родными, если они остались, там последняя встреча и последнее расставание. А пока белый зимник, скрип снега под ногами, след полозьев. Срок отмерян. Кто-то дотянет, кто-то нет...

— Скажи Седельничихе, чтоб ведро воды принесла, — велит мне Благодатских. — А ты дров занесешь, — кивает он развязывающему обтрепанные тесемочки ушанки сутулому мужику. — Айда, пошли, — и выходит сопровождать его на улицу.

Я спускаюсь с крыльца, Логинов уже увел лошадей в конюшню, и на снегу лежит клок выпавшего из розвальней сена. Постукивают в темноте дрова, которые набирает в охапку из поленицы сутулый мужик.

— Давай-давай, — подгоняет его Благодатских. — Ясное море...

Утром, когда я прихожу на работу, сугроб возле крыльца испещрен желтыми дорожками. Валяется вчерашний клок сена, еще не затвердел насыпавшийся в санный след снег, а в пустой конторе не выветрившийся запах портянок, нестираной одежды и еще чего-то душного, тяжелого, присущего только этапам.

Из воспоминаний Ауне Круземент, сосланной из Эстонии в 1941 г.

Мне было два года и семь месяцев, когда меня с матерью и шестилетней сестрой отправили в Сибирь. Помню избу, где мы вначале обитались на квартире, большую печку, которую надо было топить, но все равно было холодно. У сестры там было свое отдельное место, где она спала, а мы с мамой спали вместе. Моя сестра там долго, долго болела, и мне запрещали к ней подходить. Потом жили где-то в другом месте, там было уже намного хуже и голодней. Еще помню, как обитались в каком-то сарае около большой дороги и ждали маму, которая ходила просить разрешения переехать в другой поселок. Это было весной, рядом было какое-то поле, и мы с сестрой ходили по нему искать прошлогоднюю картошку.

В поселке, куда перебрались, когда маме дали на это разрешение, поселились у молодой местной женщины, которая жила одна и ждала ребенка. Муж ее был на фронте. Мама ходила на работу, а в уплату за проживание должна была помогать хозяйке. Когда родился ребенок, мне разрешили качать колыбель. Но вскоре приходившая к хозяйке ее теща заметила, что наша мама становится все слабей и не справляется со всеми работами. Она заставила ее пойти в медпункт к фельдшеру. Мама вернулась подавленной...

Хорошо помню тот день. Мне было уже пять лет, и я самостоятельно бродила по деревне, ища контакта с детьми. Но местные дети меня не признавали своей и называли фашистом. От голода я выпила молоко из бутылочки, которую оставил кто-то из местных ребятишек. Меня окружила враждебная ватага... Старшая сестра спасла меня от них, плачущую увела домой и рассказала о болезни матери. Сказала, что нам придется покинуть эту квартиру.

На следующий день со своими сумками мы ушли из этой деревни. Сестра была грустной, она опять не смогла закончить свой класс в школе... В пути мы часто отдыхали. Я думала, что останавливаемся из-за меня, и хотела идти быстрее, но сестра, умница, хотя и была еще ребенком, дала мне понять, что мама смертельно больна и не может быстро идти.

Последнее место, где мы жили с мамой, — какой-то сарай у большого дома. Вместо кровати была широкая дверь, на кото-

рой мы спали втроем. Там рядом с нами мама и умерла. Сейчас знаю, что это было летом 1944 года.

Такие же, как мы, высланные эстонцы похоронили маму. До кладбища было далеко и нас туда не взяли. В день похорон одна русская женщина дала нам кусок хлеба и огурец. Это запомнилось мне на всю жизнь.

Вскоре нас отправили в детский дом. Помню — покидая деревню, мы беспокоились, что станет с капустой, которую посадили еще вместе с мамой.

В детдоме сестра находилась в старшей группе и ходила в школу. Я была в группе дошкольников, и сестра иногда приходила меня навещать. Сейчас я знаю, что она тогда уже болела и сил у нее было мало. Как-то раз, собирая в лесу ягоды, она отстала от других детдомовцев и осталась в лесу. Поздно вечером ее нашли там спящей.

Зимы были очень холодные, нас, дошкольников не выпускали на улицу — не было теплой одежды и обуви. Все пять лет, которые я провела в Сибири, зимой мне не удавалось выходить. Сестра моя переписывалась с тетями, которые оставались в Эстонии. Когда она приходила ко мне, то всегда говорила, что мы вернемся домой, и мы обе ждали этого дня.

Наконец осенью 1946 года нас привезли на пароходе в город, где были деревянные тротуары, а потом по железной дороге повезли в родную сторону. В вагоне было много эстонских детей и наша тетя, которая приехала в Томск за нами. В пути она много рассказывала о нашем родном доме, и мы все сильнее хотели туда... Особенно стремилась домой сестра, которая хорошо помнила все.

По прибытии в Таллин нас помыли в бане. Затем вызвали врача, и он сразу отправил сестру в больницу.

Я увидела ее только через месяц у нас дома в амбаре, где она лежала в гробу, и не могла отвести взгляд от ее маленькой, такой знакомой мне и дорогой руки. Хотела взять ее, хотя бы дотронуться до нее. Подошла, прикоснулась и поняла, что у меня нет больше сестренки.

Через месяц мне исполнилось восемь лет*.

* Свои воспоминания А. Круземент прислала мне из Эстонии.

В начале 40-х в Нарымском округе насчитывалось немногим более полутора тысяч членов ВКП(б). В большинстве своем это были штатные работники партийных органов, сотрудники НКВД и органов госбезопасности, председатели местных Советов, руководители организаций, предприятий и учреждений округа и подведомственных ему районов. Если окружком принимал какие-либо меры воздействия по отношению к партноменклатуре, смещал своих работников с должности, то вскоре переводил их на другой, также руководящий пост. Так, В.Д. Кулюпанов, снятый с должности первого секретаря Парабельского РК ВКП(б), был назначен председателем Кривошеинского райпотребсоюза; снятого с работы председателя Васюганского райисполкома А.И. Землянского назначили заведовать кадрами Новосибирского госрыбтреста; смещенного с должности первого секретаря Каргасокского райкома ВКП(б) С.С. Давыдова направили директором Васюганского рыбозавода и т.д. Все они были освобождены от ранее занимаемых должностей за пьянство, моральное разложение и т.п.; всем им были вписаны в учетные карточки выговоры, но через некоторое время, «учитывая искреннее признание допущенных ошибок и заявление о том, что впредь подобных поступков они не допустят», выговоры снимались.

Постоянно перемещалась с одного поста на другой более мелкая районная номенклатура. И не всегда можно понять, чем была вызвана перестановка того или иного «кадра», — то ли его перевели на другую должность в наказание, то ли «бросили на прорыв».

За четыре военных года, например, в Васюганском районе уже упоминавшийся выше А.И. Капичев побывал заведующим райпотребсоюза, директором промкомбината, заместителем директора МРС, начальником участка рыбозавода, заведующим райкомхозом. А.Е. Гришаев поруководил в Новом Васюгане заготконторой, сберкассой, рыбкоопом, пристанью, был инспектором по кадрам рыбозавода. У.М. Кособуцкий назначался начальником ОРСа, председателем сельского Совета, начальником участка, экономистом рыбозавода, управляющим отделения Госбанка...

В заключение несколько слов об образовательном цензе местных партийных кадров. Большинство секретарей райкомов имело неполное среднее образование. Начальное образование было у второго секретаря окружного комитета ВКП(б) А.М. Большакова, у трети всех инструкторов райкомов, горкома и окружкома. Такой же уровень был у председателей райисполкомов и тех, кто возглавлял карательные органы. Практически все поселковые коменданты и участковые уполномоченные окончили 3–4 класса, и лишь немногие — пятилетку. Не лучше обстояло дело с грамотностью у прокуроров, народных судей, управляющих отделений Госбанка, председателей райпотребсоюзов, партторгов обкома... Даже редакторы двух районных газет имели три класса образования.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

«Зачислен учеником в бухгалтерию Васюганского рыбозавода» — эта первая запись в моей трудовой книжке сделана 24 ноября 1942 года. Однако работать я начал раньше — в деревне Волково, куда меня с мамой и пятилетней сестренкой привезли в ссылку из Эстонии в сорок первом. Там, в колхозе «Путь социализма», неумело пилил дрова, колол сосновые пни на смолье, выжигал древесный уголь. Жили мы на квартире, а когда умерли от голода мама и сестренка, оставшись без последней опоры в жизни, я стал обитать по баням, иногда ночевал в смолокурке. Потерянный среди обездоленных войной и придавленных собственным горем людей, осенью сорок второго наивно решил учиться в школе и ушел в райцентр — Новый Васюган. Вспомнилась сейчас дорога туда — хвойный лес и рдеющие осины по обочинам, соломенная крыша гумна у чвора, вдоль которого тянется тележная колея, запахи багульника, пихты, сопровождающий меня резкий крик кедровки. Самая тяжкая в моей жизни осень...

В Новом Васюгане меня приютила сердобольная бабка Потешиха, а через какое-то время пустила на квартиру школьная уборщица Степаниха, тетя Нюра, как я стал звать ее потом. Может, и не решилась бы, уговорила Потешиха: «Прими, Аннушка, — парнишка смиренный, а у меня и так на фатере трое...» Хлебного пайка мне в райцентре не дали, ведавшая списками на хлеб чернявая тетка строго сказала, что я должен вернуться в колхоз. Но возвращаться было некуда и не к кому, я настырно продолжал учиться в восьмом классе, голодный, плохо запоминал, о чем говорили на уроках, два раза в день хлебал в столовке пустой суп, иногда в школе ученики получали по сухо-

му копченому чебаку, я отдавал этот чебак Степанихе, и за это она оставляла мне на дне чугунок немного похлебки. Потом мне все же стали выдавать по четыреста граммов хлеба в день, но предупредили, что только на месяц, в декабре в списки не включают — паек я должен зарабатывать в деревне, откуда пришел. Трудодней у меня и умершей мамы было немного, но и то, что по ним причиталось, я мог получить лишь в феврале, денег за последние проданные вещи оставалось меньше ста рублей, а тридцатку надо было каждый месяц отдавать за квартиру Степанихе. Она меня жалела, но опасалась, как бы я не стал воровать у нее картошку, и запирала лаз в подпол висячим замочком. Спал я, укрывшись маминым пальто, на голом полу возле остывающей к утру печки, иногда мне снилось что-то светлое, доверенное, иногда — сестренка, и я просыпался с мокрым от слез лицом.

Ученье мое продлилось недолго. В школе начался медосмотр. Врач, еще не старая, но уже седая женщина, эвакуированная откуда-то с Черного моря, глянула на мое покрытое коростой тело и дала направление в больницу. Однако долго держать меня там не стали — недели через две после очередного обхода главный врач велел сварить для меня и еще такого же, как я, изможденного ссыльного мальчишки чугунок картошки в мундирах и выписать. Помню, как мы очищали ногтями мелкие вареные картофелины, как торопливо опорожнили чугунок... А на другое утро в пропахшей хлоркой кладовке я отдал хмурой санитарке больничное белье и получил обратно свои выжаренные в вошебойке вещи — отцовский рабочий комбинезон, шапку и мамино осеннее пальто. Рубахи у меня не имелось, а обувался я в солдатские ботинки, которые выменял на два последних платья умершей сестренки. Уже легла зима, улица была заснежена, отчужденно белели крыши домов, и все источало холод. Продрогший, я пришел к Степанихе и прислонился к истопленной печке...

Некоторых ребятишек спасал детдом, мне минуло шестнадцать, в детдом меня бы уже не взяли, но, наверное, раньше можно было отвести туда сестренку. Я не отвел, надеялся, что вместе выживем. Пек на пережженной сковороде лепешки из жмыха и надеялся... Сколько книг о сильных и смелых людях перечитал я в детстве, думал — буду сильным, храбрым, но

оказался беспомощным и слабым, не смог отвести от смерти ни маму, ни сестренку.

По соседству со Степанихой квартировала эвакуированная из Ленинграда учительница. Увидев в посеченное морозом окошко, как я, возвращаясь из больницы, прошел, пряча в рукава озябшие руки, она наведлась к Степанихе и невесело поинтересовалась, как я думаю жить дальше. Я не знал...

В одной из своих повестей я рассказывал, как эта учительница помогла мне выжить, уговорив на следующий день директора рыбозавода взять меня учеником в бухгалтерию. Наверное, поручилась за меня. Хотя и несовершеннолетний, все равно я был изгоем, спецпереселенцем из «нового контингента», а таких в ту пору работать в конторы не брали. Работа в тепле под крышей была спасением. Мне стали давать паек... В сельповском магазине с пустыми полками я купил алюминиевую расческу и заваливавшееся с довоенного времени круглое карманное зеркальце. Увидел в нем запавшие глаза, тонкую шею и с болью вспомнил отцовский взгляд, когда, обернувшись, он в последний раз посмотрел на меня. Бледный, пытаюсь ободряюще улыбнуться, с такой тоской в глазах... Как я скажу ему, что мама и Светлана умерли? Я боялся думать, что отца тоже нет, что я остался один. Один из всей нашей семьи...

Пишу, стараясь передать свое ощущение того времени. Кажется, все было совсем недавно, но как долго, долго длилось... Вспомнилось — Степаниха пустила на квартиру двух ссыльных эстонок. Наверное, уже в сорок четвертом, потому что, когда я поселился у нее, прируба к избе еще не было. Его срубил квартировавший у Степанихи пожилой плотник, днями он работал на стройке, а вечерами пристраивал к одностопной Степанихиной избе троестенок. Десятилетний Степанихин сын Колька, я и сама она шурили и подымали сосновые бревна, конопатили мхом пазы, а когда пристройка была готова, хозяйка сложила печку и, потому как к тому времени плотника забрали в трудармию, пустила в эту пристройку тех эстонок. Раньше я их не знал, хотя везли нас в Сибирь в одном товарняке. Работали они в райкомхозе; одна была покрепче духом, вторая слабей, были они, наверное, в возрасте моей покойной мамы, а может, чуть моложе, все женщины выглядели в те годы старше своих лет. С работы они приходили усталые, по-русски объяснялись с трудом и со мной говорили по-эстонски. Как-то июльским вечером вер-

нулись домой возбужденные, перебивая друг друга, рассказали, что утром их назначили мыть трюм разгруженной накануне баржи, и там они увидели написанные по-эстонски фамилии. И будто были там выведены имена их мужей... «Не может быть, — возражал я не веря. — Откуда на пришедшей в Васюган барже взяться этим именам? Эшелон с мужчинами отправили на Урал». Но они плакали от радости: «Там написал мой Лембит!», «Там написал мой Юло! Может быть, на этой барже их куда-то везли, может, они грузили в нее лес...»

Были там на самом деле имена их мужей или им только так показалось, привиделось в полутемном трюме? Женщины утверждали, что это правда, рассказывали, как гладили ладонями дощатые исписанные мелом стены, верили, что мужья откуда-то из далекого лагеря сообщили им о себе.

Что моего отца нет в живых, я тогда уже знал. Помню — мартовским вечером возвращался с работы, солнце только что опустилось в сосняк за райцентром, придавленное холодной синевой алое зарево уходило за край земли. Днями таяло, оголились обращенные на юг скаты тесовых крыш, осели побитые капелью сугробы у завалин, а к вечеру вновь вместе с тенями наползала стынь, чарымела и хробостела под ботинками дорога. Веру Борскую я увидел в переулке. До ссылки мы жили в далеком отсюда Кивныли, отцы наши работали на одном заводе, а теперь она со старшим братом и матерью обитала в Волкове. Пыльная полушалком, в пальтишке, из которого выросла за два года, с узелком в руке, увидела меня и остановилась. Я обрадовался ей, спросил, зачем пришла. Она сказала, что принесла продать какие-то вещи, а ночует в семье, где ее знают и пускают на ночлег. Отвечала односложно, потупившись, а когда я уже собрался идти своей дорогой, посмотрела на меня долгим взглядом и тихо сказала, что одной из ссыльных женщин пришло в Волково письмо от мужа...

Мы ничего не знали о своих отцах — где они, что с ними, это было первое письмо «оттуда».

— Их тогда увезли в лагерь, — сказала Вера. — На лесоповал. Мой папа жив, а многие умерли... И твой, кажется... Умер.

Помню сгустившуюся синь неба, сиреневые тени, скрип снега под ее ногами... Я побежал за ней, догнал, хватаясь за последнюю соломинку.

— «Кажется»? Или...

Она посмотрела на меня и ничего не ответила.

Назавтра я пришел на работу, когда еще никого в бухгалтерии не было. Сидел уронив голову на руки, и виделся мне отец, бледный, со страдальческой улыбкой...

Приходили и усаживались за столы работники бухгалтерии, отодвигали стулья, выдвигали ящики столов...

— Что с тобой? — спросил кто-то.

— Отец умер.

От того, что я произнес это вслух, щемящая жалость к нему прорвалась наружу, и я заплакал, уткнувшись лицом в рукав.

— Поплачь, — произнес кто-то. — Поплачь...

Не счесть было смертей за годы войны, но какая огромная разница между смертью на фронте и смертью в лагере. Я плакал по отцу, умершему в лагере, я был изгоем. Тогда я еще не знал, как много людей погибло в лагерях. Но разве от этого легче?

Сухо, дробно стучали костяшки конторских счетов.

Что можно было сказать мне в утешение? Что?

«Поплачь...»

* * *

Исчезли деревни, испокон веку стоявшие на больших трактах и вдали от них, горевшие и возрождавшиеся из пепелищ, дорогие чьим-то сердцам места, где рождались и которые покидали, где встречались и разлучались с теми, кому было суждено и не суждено вернуться. Сколько их, этих ушедших в небытие русских деревенок с их дубравами и погостами, церквами и часовенками, отзвеневшими малиновым звоном колоколов...

Но я напому о других — без срубленных на долгую жизнь домов, широких улиц, без церквей. О сибирских деревнях, поселках ли, которым не сказано последнее «прости» и названия которых скоро некому будет помянуть. Да и именовались-то они поначалу порядковыми номерами: пятый, одиннадцатый, тринадцатый — и лишь потом ненадолго обрели названия — одни в память об оставленных их подневольными жителями родных селах, другие по месту расположения: Дальний Яр, Березов Яр, Огнев Яр, третьим названия присвоили власть имущие: Новая Жизнь, Сталинка... И все они тоже исчезли, иста-

яли, словно дым когда-то проходивших мимо них по Васюгану колесных пароходиков.

Там, на крутоярах таежной реки, прошла подневольная юность. Рвался оттуда — не отпускала комендатура, затем — колхоз, уехал лишь через двадцать лет. Расставался легко, но, чем ближе к исходу жизни, тем чаще стало вспоминаться прошлое, тянуло взглянуть на места, где осталась молодость, тянуло, какими бы горькими подчас ни были воспоминания.

И вот через много лет собрался, поехал туда с женой, у которой молодость прошла тоже там и которую привезли туда девчушкой с Прииртышья в таком далеком сегодня тридцать первом.

Помню — давным-давно, летом 1945-го, под скатом нагретой солнцем крыши гулко от пустоты колхозного склада, где громко чирикали потревоженные воробьи, среди груды запыленных амбарных книг я обнаружил толстую тетрадь. Под темной клеенчатой обложкой был список привезенных в нашу Красноярку первых спецпереселенцев. На пахнувших затхлым страницами выведенные каллиграфическим почерком имена, отчества, года рождений... Более тысячи человек. Взрослые, дети. Много детей... Имена, имена, имена... Столбцы имен. Слово поминальное.

Когда нашел ту тетрадь, в Красноярке жило 57 человек. Всех — старых и малых. Малых совсем немного. Нет, не все, кроме тех пятидесяти семи, умерли — часть их в начале 30-х увезли еще дальше, в верховья Васюгана, часть отправили на стройку в Кузбасс, кого забрали в тридцать седьмом, кого взяли во время войны на фронт и в трудармию. Но половина... Половина из того списка схоронена в Красноярке. Мужчины, женщины, дети. Из земли вышедшие, в землю ушедшие.

Помню — пели в нашей деревне сложенную безвестным поэтом бесхитростную песню. Бывало, возвращаемся с покоса в лодке, и по тихой ночной реке далеко разносятся берущие за душу женские голоса, поющие про горькую долю спецпереселенцев:

Зачем вы от них отказались?
За что же сослали вы их?
Они уж себя не жалеют,
Лишь жалко им деток своих...

Согнали их всех беспричинно
В веселые майские дни,
Ох, сколько здесь маленьких деток
В сырую могилу легли...

Я пережил тут ссылку в 40–50-х годах. Это было время, усугубленное войной, но первым, кого привезли сюда, было трудней. С теми, кто остался в живых, я много лет вместе работал, делил трудный хлеб, так же как они, был обездолен и унижен. Знаю, что́ им довелось испытать здесь, когда я еще был далеко от этих мест, знаю, как они жили до ссылки, как их этапировали, и, если описать жизнь каждого, не хватило бы и десятка томов. Я приведу лишь несколько отрывков из воспоминаний членов одной семьи. Так, как рассказывали они сами: Анна Васильевна Беспрозваннова и ее дочери — Евдокия, Мария, Александра.

Анны Васильевны уже нет в живых. Померла она на восемьдесят третьем году жизни далеко от своего Большеречья, где родилась, выросла и рожала детей, померла вдали и от того крутояра, на котором прилепилась оставившая по себе иную память нищая Красноярка, где довелось ей прожить треть жизни.

И когда впервые приехала она в город, дивилась не каменным многоэтажным домам (они-то казенные), а основательным деревянным:

— В каких домах люди живут... Нешто их не раскулачивали? Тихонечко вздохала о своем:

— Поразогнали, разничтожили... Как я была сильна, могла на... Все куды-то подевалось. Руки не владеют, поди, уже и козову подоить не смогла бы...

Незадолго перед смертью привиделось ей во сне:

— Видела сѣдни Бородиниху — быдто она корову погнала. Я же знаю, что у нее ноги болят, а тут шибко так побежала. И наша коровенка быдто отстала, я ее тоже гоню, бегу, да не могу за Бородинихой поспеть. Поди, померла в инвалидном доме. Я, когда к Клавдии ездила, и ее попроведала. Сказала тогда мне напоследок: «Давай, Аннушка, прощаемся, как надобить». — «А чѣ?» — «Да ведь помрем — не свидимся боле».

Ушла из жизни вскоре и Анна Васильевна. Заснула, трое суток не пробуждалась, перед смертью глаза открыла, хотела

что-то сказать... Дала ей дочь яблоко: «Может, поешь, мамонька?» Так с яблоком в руке и скончалась. Никого не намаяла.

Через пять лет похоронили рядом с ней старшую дочь, Клавдию. Стоит одна оградка на двоих на краю кладбища, видно отсюда с бугра третье, последнее в жизни Анны Васильевны село. Видны крытые шифером дома, разрушенная церковь, пахнет пихтовой хвоей и старыми венками, ветер доносит гул едущих по знаменитому когда-то почтовому Сибирскому тракту машин и голоса со вздымающейся в гору улицы.

В этом пыльном, с раздавленными тракторами улицами селе живут две дочери Анны Васильевны. Не было просвета в жизни у Евдокии, нет крестьянской работы, которую бы не переделала... Надеюсь к старости обрести покой, на пятом десятке вышла замуж за вдовца, вырастила пятерых чужих детей, а доживает век одинокой в оседающем в землю доме... И Мария живет одиноко — первый муж погиб на фронте, второго — Ивана — схоронила на том же бугре, где покоится мамонька. Был Иван старше ее на шестнадцать лет. Иван да Марья... Все, все они сполна хватили лиха.

Младшая — Александра. С ней мы поженились весной пятидесятого в Красноярске. Через двенадцать лет переехали в город, а все снится ей деревня. Снится наша коровенка, которую мы тогда завели. Будто стоит она во дворе некормленная, худая, с запавшими боками. И телушка непоеная, и во дворе сколько дней не чищено... Спыхватится во сне: «Господи, что же я о них забыла? Как же так случилось?» Пробудится — за окном город, в многоэтажном доме напротив светятся прямоугольники чьих-то окон, гудит водопроводная труба на кухне... Нет коровенки, дворишка, нет деревни. Все в прошлом.

И вот мы с ней медленно идем по заросшей травой елани, по земле, на которой была деревня, наша убогая Красноярка. И так же, словно боясь кого-то потревожить, ненароком наступить на то, на что наступать нельзя, идут рядом приехавшие с нами двое наших земляков. Тоже муж и жена, тоже бывшие спецпереселенцы. И память об этой деревне у нас тоже общая.

Теснит лес когда-то просторное место, придвинулось бывшее далеким, и, кажется, сжалась покинутая земля. Ямы, гнилушки, давно остывшие кирпичи... Все заросло, и тянутся по примятой траве проторенные нами следы. Помню, как тридцать лет назад

стояли здесь последние заброшенные избы, одиноко торчали осинки с темными скворечниками и ветер разносил запах тлена. Печально и жутко было здесь, слышались чьи-то голоса, чудилось чье-то недавнее дыхание...

Но я не о том, что не стало Красноярки, ее век и должен был быть коротким. Как и у сотен других исчезнувших спецпереселенческих поселков. Я о другом — за что страдали здесь люди, за что умирали? В чем была их вина?

Пусть говорят те, кто тут жил. Расскажут, как все было. Пусть они... Еще не самые обездоленные судьбой, выжившие...

Евдокия Дмитриевна:

Семеро было в нашей семье — тятя с мамонькой, бабонька — восемьдесят с лишним лет, да нас четверо девчонок. Рожала мамонька боле, да остальные ребятишки махонькими попримерли. Тогда ведь баба на сносях, а все работает. У кладей рожали, снопы подает, присядет, тут же и сродит. Поэтому и детишки неживущи были. Меня мамонька на покосе родила, а через пять ден тятя ее опять сено гресть повез. Хозяйство ведь, как бы мы без свово хозяйства? Коров держали, овечек, птицу... Свиной не помню, не было вроде свиной. Бабонька наша еще до Советской власти для купца Калижникова зерно по деревне закупала. Купец этот в Евгацино, а бабонька в Большеречье. Амбар был свой. Хлеб в него ссыпали, а потом деданька возил в Евгацино. После, когда тятя отделился, тот амбар себе перевез и теплый двор из него сделал. Коров завел, а масло продавал все этому же Калижникову.

Мамонька наша с бедных, у отца ее, дедушки Василия, кроме нее шестеро было. Ртов много, поэтому ее к себе дядя на воспитание взял. В семнадцать лет на конных граблях сено гребла, всякую тяжелую работу делала. А на девятнадцатом году тятя ее сосватал. С одной деревни они, мамонька сказывала — не дружили, звали только друг дружку, дружить зазорно считалось. Так, жениться ему надо было, и все. Братовья извозом промышляли, почту гоняли из Тары в Омск, а он, значит, коров завел.

Тогда ведь как работали? В страдную пору бабе расчесаться некогда, заноз в ладонях не чуяли. Маяли себя... Тятя коровам

зимой воду с Иртыша возил, чтобы на прорубь не гонять, за сеном на шести подводах во втором часу ночи выезжал. Покуда доедет, воза накладет, только к обеду дома. Все сам. А ведь нездоровый был, грыжа у него была и голова все время болела. Потому и на германскую не взяли, в Омске сколько-то тогда пробыл, и домой отпустили. А работник у нас был Сенька — этого с Пасхи до Покрова нанимали. Коров мамонька доила, Клавдия уже большенькая, меня тоже приучали. Лошадей держали то ли семь, то ли восемь. Один жеребец смирный, другой выездной, шибко дикой. Покуда тятя его запряжёт, на месте не стоит, опосля из ограды только успевай держи... Тятя на ём круг объедет, потом обратно мимо ворот, тогда уж мамонька в кошеву падат...

Хлеба сколь-то сеяли, а молотилка у соседей была, давали им лошадей на молотьбу, за это и наши снопы обмолачивали. Веялка своя была — тяжелушша — насилу двое ручку вертели. Еще сенокосилка да конные грабли. Боле никаких машин. А вязать снопы в страду бабы деревенские помогали. Тятя им за это хлебом платил.

Раскулачили в двадцать девятом. По первости налогом разоряли, только тятя уплатит, следом из сельского Совета извещение — сызнава плати, еще больше. Потом хлеб отобрали, после и все остальное...

Мария Дмитриевна:

Девять лет мне было, помню — со школы пришла, а у нас дома люди чужие. Мамонька мне пальцем погрозила и на печку показывает: «Лезь!» А те добро описывают — в ящиках, кладовке, на вышке, в подполе — везде обрыскали: «Никуда ничего не давайте, иначе худо будет». А еще вперед этого мужик к тятеньке приходил: «Дядя Митя, продавайте дом, вас с него выгонять будут». — «Да неправда это, за что выгонять?» А мужик тот под матку садился договариваться насчет дома. И жеребца хотел купить, сто девяносто рублей за него давал. Только тятенька ничё не продал: «Ой, да кто же отберет? За чё?»

Я еще девчушка была, а помню, как работали. Тятенька большущий воз снопов под бастрик накладет, я на возу сажу высоко-высоко... Как-то ехали, а он песню пел: «Во субботу, день ненастный...» Задумался, поет про себя, голос хороший, чистый... Шестьдесят лет прошло, а осталось в памяти... И небо

какое тогда было, и дорога, и снопы как пахли... Еще как лен дергали, помню, как стлали его, холсты ткали, после на полянке по весне расстилали белить. Бывало, туда же нам, ребятишкам, валенки свезут мыть, окна, кадки из-под соленьев. И гусей там же пасли. Не мы одни, все деревенские ребятишки...

В мясоед описали, а выгнали из дому Великим постом. Притаивало уже днями, уходили, а с ледяных сосул — кап, кап...

Выгнали, поселили в избушонку махонькую, даже сеней не было, так, мало-мальски плетнем загорожено. Ленивые были хозяева, хоть жерденками можно было сверху закрыть. И над печью дыра, вишь, люди-то какие там жили... Тятенька поленом да тряпьем дыру заткнул, мы, девчонки, забрались на печь, не знаем, что с нами со всеми дальше будет. Вещи почти все отобрали, у бабоньки в ящике смертная одежда была припасена, так и ту не позволили взять. После уже кто-то принес в узелочке. Тятенька, крадучи, полтуши мяса привез — тут же отняли: «Ты чужое взял... И вазы верни». А вазы какие? Горшки глиняные. Тятенька сложил их в ведро и отнес.

Анна Васильевна:

Месяц прожили в черной избенке, утром заходят двое: «Сутки вам на сбор, завтра кулаков из села выгонять будем». — «Спаси Господь, ведь мы и так лишенные...» Ничё не слушают — чтоб наутро собраны были, и весь сказ. Митрий подевался куда-то, я одна с ребятишками, суюсь из угла в угол, не знаю, куды чё девать, чё брать, и его нет и нет. Пришел наконец. «Где тебя носит?» — «Василисино золото доставал. Рубил мерзлу землю топором». Тут звона кака беда на нашу голову, а он сестре пошел золото откапывать! «Ну и чё, достал?» — «Достал, думал, под одним столбом закопано, а оказалось под другим...» — «Много было?» — «Стакан». — «Чё же она тебе дала за это?» — «Два золотых...» Ох, скупа была... Нас за болото угнали, а она осталась. Когда померла, всё соседи порастащили. А те два золотых я после, уже в Красноярске, соседу отдала, когда он с обозом за болото ходил. Голодовали шибко, а в торксине на золото муки можно было купить. Видела — привез полнехонек куль зашитый, а мне полкуля высевок отдал. Все прахом пошло...

Мария Дмитриевна:

Когда из Большеречья выгоняли, дали нам рыжего конишку, копыта, как лапти, вперед высунулись, ходил на щетках. Скарб, какой был, сложили в розвальни, поверх нас, девчонок, усадили, тятя пешком шел, мамонька где присядет, где тоже пешком. Бабоньку в тот раз не тронули, она, когда нас еще из дому выгоняли, ушла в моленную жить. Была неподалеку от нашего дома моленная, кержаки там Богу молились, так и осталась в ней. Обоз большущий собрали, и конвойные при нем с ружьями. Помню — первую ночь в Евгашине провели, дом большой, просторный, и огонь всю ночь горел светлый-светлый... Народу много гнали, со всего района. В Таре в какую-то избушонку ночевать завели, и всех остальных кого куда, а кому места не хватало, тех в нардом, по-теперешнему вроде как бы клуб. Я туда поглядеть бегала — миру полно, теснотища, сидели и лежали на полу. У порога настыло, дверь отворят — морозный пар понизу стелется — зима ведь... Дальше уже в глубь погнали, в самую что ни на есть глухомань... Доехали до Петровки, там на хутор жить определили. Хозяева не русские — чуваша или еще какие, не знаю. Кроме нас еще две семьи да их своих одиннадцать человек. А мужиков погнали за болото бараки рубить, там они и жили в снегу.

У чувашей тех изба внутри не штукатурена, стены бревенчатые и нары большущи. Ничего не обихожено... Ребенок махонький в люльке... У нас-то люльки настоящие, а этот как ящик и к нему долгий очеп через всю избу. Коровы у них были. Сытые коровы, только во дворе не чищено, стояли в навозной жиже. И баня по-черному, а там, в бане, большое корыто и в нем простокваша. Нам эту простоквашу позволяли брать.

А мужики все за болотом. И тятенька тоже. Через какое-то время и нас погнали к ним под конвоем за Кулай, в гиблое место. Ночевали по дороге, помню черный лес, костер... Клавдия с Дуськой еще с хутора воротились домой, остались с мамонькой я да Шурка трехгодовалая. Мамонька, наверное, ночами в лесу глаз не смыкала, а мы в розвальнях, как птенцы, прижмемся, спим... Утром пробужусь — опять в пути, опять дуги качаются, полозья шорохтят, впереди воза, позади воза... У чьего-нибудь коня гуж лопнет либо завертка у саней порвется — весь обоз останавливается, стоим, ждем, покуда наладят; зимник — одна колея, снежище в урмане и на болотах глубокий, не объехать. Чья-то собака бежала за хозяевами на высылку, не хотела отставать. Как-то гляжу — в снегу роется, полбуханки хлеба вы-

копала. Наверное, кто-то из мужиков, которых вперед угнали, припрятал, больше откуда тут хлебу взяться? Мамонька отобрала, после мы этот хлеб грызли. Мерзлый, холодный...

На всем пути один сруб видели — амбар из свежего осинника, там в амбаре были кули с мукой и охрана к ним приставлена. Дали нам паек — по сколько-то муки на человека, и снова снежной колеей дальше от людей, от привольных мест... Перед концом пути через полую речку перебились, в логах снег лошадам по брюхо, а речка уже вскрылась, стрежью берег моет. По мостику переехали, мужики его для нас загодя сделали. Сами Бог весть где и Бог знает как... От этой речки еще сколько-то проехали, и вот они, бараки. Много бараков — полсотни, а может, больше в тайге на вырубке. Вот вам дом, земля, тут ваша кулацкая доля. За то, что шибко работали, а ребятишкам за то, что родились на свет.

Наш барак был натрое разделен — на три семьи. Бревна осиновые неошкуренные, пол земляной, нары, два маленьких окошка без рам, вместо дверной скобы сквозь дыру палка просунута... Потолок бревенчатый, сверху землей закидан; печка железная. Когда затопили, с потолка потекло, мерзлая земля наверху стала оттаивать. А возле барака на березе собака висела, та самая, которая хлеб из снега выкопала. Повесил хозяин, видно, кормить нечем было. Так и висела...

Мамонька на печке лепешки пекла. Помню, кто-то дал туюсок рассола, так лепешки в рассол макали. Еще серу жевали. Бересту в чугунок накладем, кусочками нарезанную, углями обложим, в дне чугунок дырочка, через нее сера в ямку стекает. В нашем бараке еще две девчонки жили — Клашенька и Фимонька, так вместе жевали. А мужики все бараки строили. С темна до темна...

Потом люди стали оттуда бежать. Видят — погибель тут. На погибель в болота привезенные. И тятенька с мамонькой тоже бежать надумали. И еще которые с нами договорились вместе уходить. А начальник, который над нами поставлен, видно, милосердный был. Говорит: «Мужики, вы сегодня вечером уходите, а назавтра я за вами погоню послать должен. Так вы с дороги сойдите, переждите в лесу, иначе воротят вас». Сколько успели, дотемна прошли, затем сутки хоронились в урмане. Никто на нас не натокался*. Обратно на дорогу вышли и подались в домашнюю сторону. Снег уже растаял, болота распустило, а след видно — дорога промята, много народу до нас бежало, ко-

* Натокаться — найти, натолкнуться (местн.).

торые и коней с собой вели. Тятенька Шурку на кукорках нес, позади мамонька Рыжку в поводу вела, по бокам на нем два куля со шмутками — все наше добро... У меня за спиной котомка, из тятенькиных портянок сшитая, на груди мешочек с сухариками. Шурка эти сухарики не хотела есть, все просила черного хлебушка... Колбу по дороге рвали, выросла уже колба.

У тятеньки шаг большой, он ростом высокий, еще сильный, хоть и нездоровый. Это уже после, в тюрьме да Нарыме, весь изболел, а тогда сильный был. Ушел далеко вперед, народ отстал, а тут на пути развилка. Дорога надвое — в какую сторону дальше? Решили — вправо. Идем, идем, тятеньку догнать не можем. Кричать стали. Чуть слышно где-то слева откликнулись, выходит, он от развилки в другую сторону отправился. Услыхал, выбрался к нам напрямик на голос. Вместе еще сколько-то прошли и в болотину уперлись. До того пробирались по топкому, а тут вовсе огромный ям, и дорога по нему уводит. Все, кто до нас бежал, здесь прошли. Неохватное болото, карагайником поросло, конца-краю не видать.

С нами Коровины шли, тоже наши, большеереченские, позабыла, как их звать, бездетные были, самих двое. У него ухват, у нее сковородник с долгим череном — все богатство. Опирались на черена вместо посохов. Болото не болото, идти надо, один путь... Коровин вперед пошел, ухватом дорогу щупает, остальные за ним, бадажки себе выломали. По зимнику здесь обоз запросто бы протащился, а тут весна, дорога расплылась,zybун... Недалеко пробрели — самовар брошенный, тулупишко на кочке. Дальше хуже — хлябь, карагайник рядом колыхнется... И кони дохлые на пути. Одни с кулями увязли, другие без ничего. Выбились из сил. Хвосты, морды болотной няшей облеплены...

И мы обезножили, заночевали посеред болота. Потом речку переходили, вода в ней черная-черная, и взбуннившегося коня в заверти крутило. Вроде к нам прибиться хочет, поднесет его течением и обратно затягивает... К вечеру выбрались в бор. Время — солнцезаход, на сосне красный флаг издалика видно, может, дорогу указать кто-то его вывесил. Тут уже на сухом ночевали. А как рассвело, из бора вышли на поляну озимой ржи. Ой, как красиво, какая яркая-яркая зелень! По левую руку село виднеется. Наверное, воскресный день был, печи топятся, дым из труб, пастух коров гонит... Уж какое красивое светлое село после той черноты, хляби, после всего... Стороной прошли, а собаки на нас издали лаяли. Шибко лаяли.

Где-то на болоте я сумочку с сухариками потеряла. Тесемочка развязалась или еще как. Потеряла, и все тут... Дальше шли — все уже живое, жилое. Взрослые в деревни заходить боялись — не воротили бы нас, а мы, ребятишки, стали забегать, милостыньку просить. Никто не спрашивал, откуда мы, чьи... Давали кто кусочков, кто картошки. Никто не попрекнул, подавали Христа ради...

Неподалеку от Екатерининска вышли к Иртышу. Мужики на пароме или еще на чем-то на тот берег перегплыли, а бабы с ребятишками остались пароход ждать. Уговорились с мужиками, если всех пароход возьмет, знак им подать — махнуть платком с палубы. Сами они где-то схоронились, ожидали, как дальше быть. Боже мой, знали же, что если обратно, откуда выгнали, воротимся — добра не жди, а все равно домой стремились. Куда больше? Куда еще деваться?

Народу на берегу набралось черно — и те, которые раньше сюда вышли, и мы... Глядим — белый пароход вдали показался. Ближе подошел, кричать стали. И он закричал... Как он кричал, гудел! Будто по всем нам голосил. К берегу причалился, всех взял. Иртыш широко разлился, махнули мужики с середины реки — все, мол, погрузились. Все-все...

Мужики берегом в домашнюю сторону, и мы на пароходе туда же, вверх по Иртышу. Притулились кто где, вповалку, всяко... Кто-то ночью окурочка на меня бросил, прожгло платишко до тела. Господи, всякую чушь помню... Едем, радуемся. Ну вот и приехали. День солнечный. Троица, народ на пристани... Тогда ведь каждый пароход всем селом сбегались встречать. Сошли на берег. А где жить? Дуська наша на берегу, тоже пароход встречать прибежала, она уже тут, в своей деревне, в людях жила. Бабонька в моленной. Ну и мы в моленную... Больше некуда, определились под Богом жить. Большая комната розовой занавеской надвое разделена — когда раньше молились, по одну сторону мужики, по другую бабы в долгих юбках, а по стенам иконы. Много икон. Где икон не было, там мы поселились. Молиться уже никто не ходил, иногда только старухи собирались. Вот и жили там. Даже сон свой помню: будто мы опять за болотом, опять темный барак, с потолка каплет... Испугалась, пробудилась — нет, в моленной мы, в моленной... Вот и хорошо, вот хорошо-то как...

А тятенька у маменького отца, дедушки Василия, скрывался, верстах в пятнадцати от нас — в Шипициной. В завозне пря-

тался, грабли делал, черенки к вилам. Дедушка с мамонькиным братом жил, дядей Афоней, у тех своя семья, боялись, что кто-нибудь узнает, что они тятеньку прячут, худо им будет. А тятеньке куда деваться? После выказал кто-то, забрали его и в Пологрудово угнали. В тюрьму.

Ну, а нам как-то надо жить, кормиться надо. Тятеньку взяли, да он ничем и помочь не мог. Отослала меня мамонька туда же, в Шипицину, к дяде Афоне. Только и меня там стало не надо, отдали дяде Ване. Они с теткой Агафьей трех коров держали, уедут на покос или страду, а я дома управляюсь, дою этих коров. После ведра на маслозавод несу на коромысле. Тяжело, одиннадцать лет мне было, попрошу иногда соседку, тетку Марфу, пособить, налью ей сливочник молока, дядя узнал, ругал шибко: «Сама нахлебница, а еще работницу нашла». Скупой был. Себе всего горшочек молока оставляли. А мне ведь тоже охота, возьму хлебушка и макну, еще возьму кусочек и макну... Уличил меня — крошки в молоке... Отдали к дяде Грише с маленьким водиться. А как ребеночек заснет, шерсть заставляли пряхсть. Только и там мне отказали, отправили за двадцать километров к Квашне. Ну, фамилия такая у него была — Квашня. Он со снохой жил, маленькая росточком бабенка, и девочка у них махонькая. Бедно жили — стол, кровать, шкаф в горнице, в шкапу сахарница, комочек сахара там один — серенький... А к соседям пойду, у тех всего много. Двое близнецов у них в красненьких рубашечках. Охота было к ним. А то на Иртыш пойду, мужики на берегу бревна тешут, сяду возле них, сижу. Они не гонят, мне и хорошо, ладно... После Квашня девочку в ясли определил, стала я лишняя. Отправили к тете Жене. Они с мужем своим, дядей Костей, на квартире у какой-то бабушки в избушонке жили. Дядя Костя ко мне хорошо относился, дочкой называл, мне там хорошо было. Помню — как-то втроем плыли на лодке и дядя Костя с тетей Женей песню пели: «Горит, горит село родное...» Ох, как хорошо пели, как распевно, в два голоса... Он начнет, она подтягивает. А у меня слезы в горле, то ли от того, что тятенька эту песню пел, то ли предчувствие какое... Река тихая, гладкая, тени от берега на воду пали, а они поют, поют...

А наши всяк по себе. Тятенька — в тюрьме, только мамонька с Шуркой вместе да еще бабонька с ними. Мамонька в поле картошку посадила, капусту. Ходила работать на базу, мела и мыла там, мучные кули вытрясала, а сметки разрешали домой приносить. Ящик муки накопила. Если б не сметки, может, ког-

да нас второй раз сослали, не выжили бы, померли с голоду... В Большеречье хотела мамонька в колхоз вступить, пошли с Аграфеной, тоже из раскулаченных, на собрание, а их не приняли, прогнали оттуда... Летом приехала меня попроведать. «Возьми меня, — прошусь, — домой». А какой дом? Нет ничего... «Живи тут, Маруська. Куда тебя девать? Живи тут». А мне домой охота, шибко домой охота. Пожалела, взяла... Опять в ту моленную. Я и сейчас ее иногда во сне вижу... Светло, опрятно, ладаном пахнет... Полянка возле моленной снится — трава незатоптанная, нигде не наслежено. Трава и ромашки по ней...

Евдокия Дмитриевна:

А я, когда нас еще за Кулай везли, с Петровского хутора убегом воротилась. Ране, когда из дома выгоняли, председатель сельсовета, бабенка из беднячек, говорила нам с Клавдией: «Порвите связь с родителями, вас двоих не тронем». Куда же мы от отца с матерью? Грех отказываться. А после, когда уже на хуторе судьбу ожидали, Клавдия вызнала, будто все же которых девчонок намеряются домой отпустить. «Я, — говорит, — в том списке есть, а тебя, Дуська, нету». Только, мол, одна из тех девчонок от родителей отставать не хочет, поэтому, когда завтра всех собирать станут, вместе пойдем, может, тебе за место нее удастся... Пошли. Военный по списку выкликать стал, до той девки черед дошел, а я-то позабыла, на каку фамилию мне Клавдия сказала откликнуться. Стою молчу. Тот вдругоряд спрашивает: есть, мол, такая? Клавдия меня под бок тычет — отзывайся! «Тут я, — кричу, — тут!» Набралось молодых поболее десятка, да еще одну беременную бабу отпустили. Конишко нам дали. В первой же деревне у той бабы роды начались, осталась с дитем. Едем, припасу ни у кого нет, побираемся по деревням, кто хлеба нам вынесет, кто картошки...

До Большеречья добрались, куда идти? К бабоньке в моленную. Встретила нас, заплакала: думала, боле не свидимся. Стали мы с Клавдией ходить на работу — клепку проволокой в пучки связывать и таборить. Большущие пучки, едва подымаем вдвоем. С нами еще три девки работали. Уплатили нам пятерым за месяц всего десять рублей... Клавдия тогда в каку-то семью нянкой нанялась, а мне бабонька присоветовала: «Ступай, Дуська, к тетке Настасье, може, она тебя возьмет». Та и приняла. Домовничаю у нее, корову дою...

Мамонька с Маруськой и Шуркой к Троице воротились, а тятю не слышать. Раз прихожу к дяде Сане, гляжу — кто-то одеялом укрытый лежит. Спрашиваю: «Кто?» Тетка Анисья палец к губам приложила: «Тс-с... Отец твой из-за болота пришел». Да только они его долго держать не стали, пришлось ему к дяде Афоне уйти, там в завозне лето скрывался.

А я у тетки Настасьи. Сын у нее был, Колька, одногодок мой, сама она на артельной работе, а мы с ним на огороде картошку копаем. Ведро самоковочное, желтой краской покрашенное, большущее, тяжелое. Накопаем полнехонько, насилу вдвоем тянем. Когда прошлый год в Большеречье ездила, так к этому Кольке заходила. Пьяный сидел за столом. Старый, седой. Спрашиваю: «Узнаешь меня?» — «Нет, не признаю». Стала напоминать... Вспомнил. Даже то ведро тяжелущее вспомнил: «Так это ты, Дуська...»

Ну, а когда картошку выкопали, тетка Настасья мне: «Не обьешь ты меня, Дуська, а боюсь людей, скажут — работницу держу. Ступай к тетке Ольге, може, она не прогонит». Заплакала я, пошла к тетке Ольге проситься... Живу у нее, как-то по ягоду за Иртыш с девчонками чужими поехала, мало ягод набрала, «Ничё, — говорю, — тятю хватит поить. Тятю накормлю...» Выдала его нечаянно.

Может, и не виновата, может, кто-то другой дознался, забрали его в тюрьму в Пологрудово. Посадили за то, что из-за болота ушел, семью свою спасал... А меня вскорости тетка Ольга к дяде Афоне в Шипицину спихнула. Зима настала, как-то дядя Афоня говорит: «Слышь, Дуська, сѣдни отца твоего в Тару погонят, поедем на тракт, може, свидимся с ним». Конь у него был, Бельчик, резвый такой конь. Сбрую на него надел самолучшую, дугу резную. Наша дуга была, тятина. Вырядил коня, ровно к свадьбе. И дядя Ваня запряг свою Воронка, тоже с нами ехать. Да не успели, прошел уже этап. Помчали коней другой дорогой, наперерез. На тракт с разъезда выскочили — вон они, гонят под конвоем. Страсть сколько мужиков, аж черно. Тятю увидали — худой, еле шагает, видно, ноги потер. Я руки раскинула, кинулась к нему... Милиционер меня прикладом в грудь. Тятя оглянулся молчком... И все...

После по родне да по людям скиталась, никто долго не держал, боялись. Раз как-то в наш дом насмелилась зайти. Все уже разорено было — палаты. лавки... Запечники сожгли. Ворота

тятя ставил с резьбой, голубой краской покрашенные — и тех нет. Все разорили.

Мария Дмитриевна:

А весной велели опять готовиться в дорогу. «Ликвидировать кулачество как класс...» Уж не помню — то ли мамонька сама всех нас накануне собрала, то ли пригнали к нам старших девчонок... Пошли мы фотографироваться в конец улицы, место то почему-то Гоголевкой называлось, кирпичная стена там стояла, поди, от церкви. 16 мая тридцать первого года. Маленькая карточка, пятиминуткой называлась. И сейчас она цела, только лица уже плохо различить. А потом уже нас до самого отъезда в моленной держали. На двери замок, и милиционер стоял. Через три дня повезли под конвоем в Такмыцк. И бабоньку на этот раз тоже с нами. Согнали народ с четырех районов: Большереченского, Колосовского, Муромского, Кыштовского. Согнали в завозню на берегу, там и ночевали. У пристани баржи причалены — две для людей, две под скотину, сено привезли, плуги, бороны... Долго баржи грузили, потом народ в трюм погнали. Потянул буксир вниз по Иртышу...

Анна Васильевна:

В дороге люди помирать начали. Старые и малые в первую очередь. Как покойников наберется много, притыкались к берегу хоронить. Свекровушка Богу душу отдала... Уже по Васюгану везли, лежала на палубе на бревнах, лежала не подымалась. Все глыло и глыло с нее, тяжело помирала... Когда одиннадцать покойников набралось, причалили баржу, милиционеры народ в трюм согнали, шестерых мужиков оставили тела выносить. Афанасий Непомнящих телегу ободрал, сколотил с тележных досок свекровушке гроб, остальных так зарыли. Потом в Красноярске как-то сказал мне: «Знаешь, где Варвара похоронена? Как Кильсину проедешь, гора по левую руку, так на той горе». После, когда я Марусю в Средний Васюган учиться отправила, поехала с Настасьей на обласке ее попроведать, проплыли мимо Кильсиной. Гляжу — вон она, та гора. Говорю: «Давай пристанем, здесь моя свекровушка похоронена». Полезли с Настасьей в гору — бурелом, чащобник, все заросло. Семь лет прошло, а уже ничё не знатко. Так и не нашли место.

Только спокойно, что схоронили как следует, в гробу, и смертна одежда была припасена. Всего и было. Царство ей небесное...

Ох, вспомню, непереносимо становится. Хавроньюшке, Афоной жене, косы обрезала. Занемогла она, жар по ней, горит... «Обрежь мне, Аннушка, косы». А они у нее длиннющие, толстые... «Как же резать? Нешто не жаль тебе?» — «Не жаль, Аннушка, тяжко мне от волос...» Обрезала. Плачем обе... Крестик у нее был на груди и ладанка. Достала мне из нее два золотых: «Возьми, Аннушка, не обессудь на большем... Помираю я». Господи, за чё народ изничтожали?

Евдокия Дмитриевна:

Варить к плите по дороге не допускали, котелки люди составят на палубе, матросы всем в рубке варят. Покуда очередь дойдет... Стою раз, дожидаясь своо котелка, а пожилой матрос глядит на меня печально. «Отца-то нет у тебя?» — «В тюрме наш тятенька... Четверо девчонок нас, мамонька с нами да бабонька старая». — «Иди-ка сюда», — говорит. В рубку зашли, со стола и шкапчиков хлеба мне насобирал: «Держи подол». Насыпал полнехонек кусков, вышел, поглядел по сторонам: «Ступай быстро, покуда милиционер не видит». Жалостливый был. Милиционеры, те не жалели. Наши, деревенские, дома остались, другие к нам были приставлены. Ежели селений по берегам не видать, еще разрешали на палубе обитать, а как деревня покажется — в трюм загоняли. Мамонька как-то замешкалась, огрели прикладом, насилиу отдышалась.

Месяц везли. Дни долги, ясны, куда ни глянь — солнышко с реки глаза слепит. То по правую руку подымалось, а с Иртыша на Обь вышли — по левую руку стало выходить. Народ говорит — обратно к дому глывем. Да уж какой теперь дом... Раз утром глядим — вода под бортом черная, как навозная жижка, берега придвинулись, плесы коротки. В трюм уже не загоняют, на крутоярах кое-где редкое жильё видать: бараки, землянки — знать, еще до нас люди поселены. Перекликаются с ними мужики с баржи: «Что за река?» — «Васюган!» — «Кака тут жизнь?» — «Гибельная». С берега кричат: «Чи вы? С какого райо-о-ну?» Наши им: «А вы чи? Откель завезенные?» Катится по реке: «Чи вы? Чи вы?» Потом и поселков не стало, берега тесней, тайга черней, на тальниках по приплескам мокрый ил

лохматами висит. К берегу причалимся, покойников схоронят, дальше плывем...

На сколькой-то день приткнулись к крутояру. Из тайги в реку лог, как ущелье, разверстый, землянка на яру, возле два коменданта дожидаются: «Большереченские и колосовские, выгрузайтесь!» Начали по трапу ребятишек малых выносить, телеги скатывать, плуги... У одного плуга колесуха соскользнула, оборвалась в воду, только ил из глуби заklubился...

Мы свои кули со шмутками вынесли, с ящиком выкарабкались наверх, лазаем по щабобнику, свою кучу найти не можем. Лес — заломы головушку, в небо дыра, от комаров никакого скрёсу... Тятя бы с нами — легче было бы... У многих мужики по тюрьмам да в бегах. Привезли в глухую тайгу баб с ребятишками обездоленных. Померших в дороге из списков вычеркнули, живым объявили: сосланы вы сюда на вечное поселение и название вам теперь — спецпереселенцы.

Еще дома, в Большеречье, неподалеку от нас двое стариков жило. Девчонка у них приемная — Шурка, младше меня годами. Избенка ихняя в землю глядела, ворота прожилные таском открывались, никакого богатства не было. Как-то мне мамонька с тетки-Василисиной юбки платьишко сшила; так когда первый раз нас из дому выгнали и наше добро с торгов пошло, те старики это платьишко для своей Шурки купили. А после, когда мы из-за болота воротились, велели ей отдать платьишко нам. Не схотели на чужой беде наживать. Так и их с Шуркой тоже на Васюган привезли. Старики в первую же зиму померли, осталась Шурка одна. За чё их сослали? За чё она страдала, бедная?

Мамонька в дороге крепилась, а высадили в тайгу — захворала шибко. Ютимся в берестяном балагане, дым глаза ест, лес шумит, мамонька замучена... На край света завезенные, только по солнцу понять можно, в какой стороне дом, а сколько до него — Бог весть. Как-то с Ванькой Баженовым пошли по грибы, заблудились в тайге, блукали, блукали, увидели просвет, а там свежи кресты, поодаль балаганы берестяные, землянки... А это люди, которые с нами на барже глыли с Муромцевского району, тут поселены. По реке далеко, а напрямки всего километра три. Спрашивают: «Откель вы?»

И опять, как за Кулаем, мужики взялись бараки рубить, бабы мох дерут, бревна подтаскивают, пазы конопатят. Кто работа-

ет — тому четыреста граммов муки в день, иждивенцу — двести... Помирать стали с голоду, от тифа... Самый мор зимой начался, каждому покойнику не успевали могилу копать, вырыли на всех две большущие братские, клали гробы подряд...

Кто выжил, те весной корчевали тайгу под поля, избы рубили — народ из бараков переселять. Я глину таскала, била кирпичи, сорок штук набью — мамонька их калить принимается. Потом на пихтовый завод меня послали. Это только название «завод» — землянка, там печь, чаны деревянные да барак рядом поставлен. Где хороший пихтач найдут, там и ставили — километров за пятнадцать, а то и дале от поселка. Вязанками пихту через колдобины и валежник таскать — сила нужна, посылали молодых. Сорок дён отработаем, в поселок отпускают. Охота домой, бывало, в ночь пойдём, бересто на палках жгём, идем ватагой по тайге...

Дома отдохнем, в бане намоемся — вечером в клуб. Построили незадолго перед войной — половицы широкие, окна большие... Хлеб свой, колхозный, уже был, на трудодни получали. Ранешнее вроде забываться стало, вроде так и должно было все с нами быть. Пляшем под гармошку в клубе, только стукоток стоит. Молоды, весело...

Война началась, враз все пролетело... Ребят из спецов сначала на фронт не брали, на другое лето — уравнили с вольными. А как войну объявили, привезли к нам откель-то ссыльных. Которые из них по-русски не знали. Много ихних прибралось, лежат на одном погосте — наши деревенские и они. Земля не спрашивает, чей ты. За что сослан — не спрашивает... И сколько ты на свете прожил — шестьдесят лет или шесть годочков.

Все под гнетом жили. Война, а еще и спецы к тому же. Запуганы были. Голодны, раздеты, разуты... Начальников боялись, финагентов. Этих пуще всего. Приедет и начинает в контору вызывать... А то целая бригада наедет, прокурор, начальник милиции... Налоги большущи, а где деньги взять? Ведь, считай, задаром работали, когда, верно, за тебя колхоз сколько-то уплатит налогу, так ведь и у колхоза денег нет. В отчетный год станут вычитывать не то, сколь получить, а сколь должен остался... Тятенку финагент вызовет, страшает, страшает... А где он денег возьмет? Посидит в конторе на лавке у двери и домой воротится. Бледный, трясется. Он же смирный был, никому супротив слова сказать не мог. Только воротится, следом опять

посыльная, сызнова вызывают. Скажет мамоньке: «Ступай ты, Анна». — «Нет, ты ступай...» Господи, все одно кому-то идти надо. Судили за налог, срок давали. Которые бабы на всю зиму бросали ребятишек, уезжали на лесозаготовки на налог зарабатывать.

Я на лесозаготовках зимой мужицкую работу делала, возчиком была, сутунки из деляны вываживала. Как-то приходит из дому письмо, тятеньки уже в живых не было, мамонька печатными буквами пишет: «Описали за налог самовар, постель и картошку в подполе. Ежели пятьсот рублей не пришлешь, все отберут». У меня заработанных двести рублей было, да и те долго не отдавали. Пошла к мастеру Христом Богом просить. Пожалел: «Ступай на сплотку, там больше заработок». Пошла на плотбище лесины накатывать, ромжины заламывать. Жилы вытягивала, того и гляди, все внутри оборвется, кисти рук побморозила, кожа полопалась. Выслала мамоньке пятьсот. А то картошку из подпола бы выгребли, ложись и помирай...

Где ж оно теперь здоровье будет, если все там отдалено? Зимами в лесу, летом в рыболовецкой бригаде. Вспомнила сейчас — раз на обласке из ропажей на Васюган выплыла, а там вал у-у-у какой страшный, сплошной белик, того и гляди перевернет. А впереди из воды топырчина выдалась, я наискосок вала обласок держу, да оглошала, наехала на эту топырчину. Крутит меня вал, захлестывает, вот не вот погибель... Родительско благословение спасло — снесло обласок. Домой приехала, отогреться на печи не успела — в контору вызывают, прокурор приехал. Как он на меня кулаком стучал, аж чернильница на столешнице прискакивала: «План не выполняете, а ты с лова приехала! Судить будем! Судить!» А рыба в тот год плохо ловилась, мало сдавали. Хотя чё делай, не ловилась. Уж как он стращал, как стучал кулаком! А уполномоченный, бывало, придет к нам на рыбалку, перво-наперво палкой золу в кострище ворошит — нет ли там рыбных костей, всю рыбу сдавать было велено, себе нельзя варить... Батюшки, чё только начальство над нами делало, чё только делало...

А то вспомнилось, как осоку в ляге косили. Только один покос был, где сухой ногой, а то все в ляге, все в ляге... Кочки высокие, цельный день по воде, мокрый подол по голяшкам хлещет, мошка заедает... Как-то раз откосилась, пошла по курье ягоду побрать, вышла на тако место, где никто сроду не бывал, — голубицы там синем-синё. Ох, сколь ее было! Спужалась брать. Зверя спужалась. Думаю, после как-нибудь на это место приду.

Не пришлось... До сего времени помню, сколь ягоды было. Намедни во сне видела — синем-синё... К слезам, говорят, ягода снится.

Все где-то осталось — молодость, здоровье... Детство вовсе Бог весть где... Сколь лет собиралась съездить на родину, да все чё-то мешало — то чужих детей ростила, то гряды надо полоть, то картошку окучивать. А прошлой осенью собралась, в огороде прибрано, зимы еще нет — печь в избе топить не надо, — надумала и поехала. Пятьдесят шесть лет не была в Большеречье, как из дому выгнали, не была. Приехала, по первости ничё узнать не могу — дома новые, улицы новые, старых построек почти не осталось. Нашего дома и следу нет. Когда нас на Васюган угнали, к нему прируб сделали, курятник там был колхозный. Затем перевезти надумали, раскатали, увезли и бросили. Так бревна и погнили. Большой был дом, светлый, окошки с наличниками высоко от земли. Тятя хотел крышу перекрывать, а как стали говорить, что раскулачивать будут, листовое железо где-то в поле спрятал. Ничё нет — ни железа того, ни дома. И тяти давно нет. У Бородина, соседа нашего, тоже хороший был дом, этот, сказывали, недавно сгорел. Только ворота стоят. По рисунку узнала. Темные, а рисунок знатко, рисунок никуда не денешь. Красива резьба, покрасить бы, так еще бы как гляделась... У дяди Афони дом цел, попросилась зайти поглядеть — потолок низкий, окошки сели, все старо, а крылечко еще то, знакомое. Вот ведь как...

Когда девчонкой была, лес от села шибко далеко за посковиной рос, теперь деревья возле самих домов. То ли выросли, то ли село подступило... На кладбище старом один-одинешенек крестик стоит. И кустик возле него. Сам ли вырос или посадил кто? А рядом пятиэтажный дом на могилках.

Все хотела спросить — чё же, когда нас увезли, люди, которые там остались, говорили? Радовались ли, чё ли?

А чернозем с нашей усадьбы на мичуринские участки теперь возят, самосвалы насыпают и увозят. Шибко плодородная земля, сколь лет на ней жили... Упала бы на нее, схватила руками, ревела бы дурнинушкой. Постояла на том месте, чуть сердце не зашло. Батюшки, како гонение было, како гонение...

Александра Дмитриевна:

А отец к нам в Красноярку приехал на третий год. Я его чуть помнила — только серые глаза и усы, которыми он когда-то щекотал мое лицо. Иногда будто во сне вижу — стою на высо-

кой кочке, кругом рыжее болото, вода, а он уходит. Это когда он нес меня, заблудился и пошел искать дорогу. А я плачу, боюсь — уйдет насовсем... После этого, наверное, лет пять прошло, в тот день мама тяпала в огороде картошку, помню, кто-то из женщин крикнул: «Аннушка, Дмитрий Семеныч твой приехал!» Бывало, раз в полмесяца пароход еще только где-нибудь далеко-далеко загудит, уже все спешат на берег, а в тот раз не было парохода, наверное, отец на попутном катере или паузке приехал... Мама тяпку бросила, побежала, я — за ней. Спустились по взвозу, вижу — стоит на песке у воды. Высокий, простоволосый, в руке котомка. Не помню, как они с мамой поздоровались, обнялись, наверное (тогда ведь не так, как сейчас, все строже было, совестливей). Мама босая, и я босиком, пальтишко на мне линялое... Стою молчком. Отец спрашивает: «А это чья девчонка?» — «Так это же Шурка наша...» — «Ну, язви тебя, какая стала длинная, черная...» Не узнал. После того как меня из-за Кулая вынес, ни разу не видел.

А до того прислал нам посылочку — маленькие кусочки хлеба, черные, заляклые, как ириски. Возьмешь в рот, пососешь, только тогда чуть-чуть запах хлеба почувствуешь. Наверное, от своего пайка отделял. Как он сберег, как сумел послать, не знаю. Сестры мои до сих пор вспоминают: «Тятечка из тюрьмы хлеба прислал». И как он там жил — не знаю, может быть, маме рассказывал, а мы, девчонки, не узнавали. Сейчас бы все расспросила, а тогда не спрашивали. Трудно жил, и все.

Помню полянку около нашего дома в Большееречье. А может быть, была она возле моленной, где мы сколько-то прожили после того, как нас из дома выгнали. Маленький кусочек детства там, остальное в Красноярске... Помню — старшие уйдут на работу, оставят мне маленькую каралечку хлеба на весь день. А я управляюсь в избе, голиком пол подмету, в огороде куженьку зелени нарву, чтобы вечером похлебку сварить... Скорей, скорей, чтобы управиться, пока на дворе не стало совсем жарко, и тогда быстрее к плетенному коробу, который зачем-то стоит в огороде. А из соседней избы приходит уже тоже управившаяся к этому времени соседская Морька Шумова со своей испеченной пополам с картошкой колобашкой. Садимся на короб, начинаем качаться и есть. Иногда менялись — Морька мне свою колобашку отдаст, а я ей каралечку. Едим медленно, чтобы продлить удовольствие. У каждого в детстве свои радости,

у меня — та... Пол в избе почему-то любила по субботам мыть. Прошу у мамы: «Мама, я буду пол мыть, ну мама...» Скажет в сердцах: «Мой, если так охота, только ладом». А пол осиновый, некрашенный...

Ягоду в тайге брала. Одна себе, босиком... Неохота идти — ноги в занозах, в ссадинах, змей боюсь, а мама посылает. Приду из лесу, скажет мне вечером: «Ты прямо как в пригоне полнехонько ведро почерпнула». В сельпо ягоды сдаст, мне матери на платьишко купит, чтобы осенью в школу идти.

А о всем страшном, тяжелом — не хочу. Зачем? Вспоминается иногда запах от корзины, наполненной брусничкой или грибами... Крупные темно-красные ягоды, желтые грузди с нальнувшими хвоинками, розовые волнушки, белянки как пятачки... Вспоминается как что-то большое, важное в жизни...

Идем по поросшей травой елани, на которой стояла наша убогая Красноярка. Стояла еще тридцать лет назад... Но эти тридцать — половина нашей жизни. И так же, как тогда, моет васюганской водой слоистый крутояр, но уже нет изб, вымахала по пояс трава и теснит чистину обступивший осинник. Возле заросшего речного взвоза одиноко маячит перевезенный нефтяниками из Среднего Васюгана домишко, в котором, ожидая смены, коротают время двое вахтовиков, подальше, на взлобке, где когда-то стоял конный двор, серебрится бак под нефть, от него тянутся трубы к реке и в тайгу, к невидимой отсюда скважине. В стороне рвется из-под земли рыжий факел — сгорает газ.

Для вахтовиков здесь лишь зарастающая елань, не было тут ничего для них родного, и протоптанные ими дорожки вели только к реке, нефтяному баку и обваленному спекшейся глиной котловану. Но мы-то здесь прежде жили, нам виделось прошлое... Шли по оплетавшей ноги траве, искали приметы былого — вот тут был крутой лог, здесь настлана гать, тут перекинут мосточек... Лог зарос и стал мельче, сопрела гать, хлюпает под ногами в низине болотная жижа, заплывают следы.

Шли по чащобнику, искали кладбище, раньше казалось, не так уж близко оно от деревни, и вдруг оказалось рядом. Все стало под одно — бывшая деревня, кладбище... В прежнюю пору возле него было гумно — гудела по осеням молотяга, хлопала, нагоняя дошатыми крыльями ветер, веялка, пахло соломой, мя-

киной, зерном... Прогалину, где молотили хлеб, можно определить и сейчас — трава тут выше, гуще, темней. А на погосте вымахал лес — осинник, березняк, рябины... Бурелом, чаша, почерневший слой прелых листьев. Холмиков почти не заметно, осевшие ямы, много ям... Увидели поваленный трухлявый крест, неподалеку еще две замшелые лежащие на земле перекладины. На всем кладбище лишь два креста; а по ямам, по насыпанным когда-то скорбным холмикам тянется промятая тракторами и машинами дорога — нефтяники проложили зимник. Летом берегом Васюгана не проехать — топи, речушки, рямы... Зимой — ездят. Раньше в десяти шагах отсюда была проселочная дорога. Возили снопы, зерно с гумна, ездили в поле с плугами, жатками... И сейчас эта дорога еще светлеется просекой. Зачем же по кладбищу? Зачем напролом по крестам, по осевшим могилам? Зачем?

На одном из уцелевших крестов можно разобрать надпись: «Рыженковы — 8 человек». Они похоронены не вместе, лежат порознь, их родные приезжали сюда и, не найдя могил, поставили один крест всем восьмерым. Второй накренившийся крест на могиле моего тестя, Дмитрия Семеновича Беспрозванного, безответного, истового в работе мужика. Сколько теса и плах напилил он для колхоза маховой пилой, сколько крутобоких стогов сена сметал! Помню, как первой послевоенной весной послали его засеять протянувшиеся вдоль реки узкие полоски земли, переходившие в большое поле, за которым начиналась гарь с редкими почерневшими лесинами. Внизу, под яром, отражал холодное небо речной омут, нахолодавшая за зиму зябь по увалу еще не согрелась, в бороздах на кромках полей лежал зачерствевший снег, а он, засучив до колен исхудалых белых ног холщовые портки, шагал с оттягивавшей плечо севалкой, горстями раскидывая по полю семенное зерно. На лице его было страдание. Никогда прежде крестьянин не стал бы бросать зерно в мерзлую землю, подождал бы, пока прогреется пашня, заструится над ней теплое марево. Но уполномоченный страшал и гнал, чтобы первым рапортовать о начале сева... И ходил босой «кулак», спецпереселенец, кидал в стылую землю семена, плача от горечи и бессилия. Плакал, что напрасен его труд и не уродится хлеб на колхозном поле. Я видел эти слезы. Я возил семена на телеге той весной...

Помер Дмитрий Семенович на следующий год летом. Изманный болезнями, насаженный работой. Рубаха у него была одна-единственная, и та заплата на заплате, завернули исхудалое тело во что-то, гроб Анна Васильевна с дочерьми несли на себе, председатель колхоза коня не дал — покос, все кони за рекой, надо было метать сено...

Тишина. Только временами печально шелестит вверх листва, да надсадно, зло гудят в сырой тени комары. Вкопали глубже изглоданный временем высокий крест. Всплыло в памяти: «Тягучка из тюрьмы хлеба прислал...» Поклонились могиле, попытались припомнить, где еще здесь схоронены те, кого мы знали, — умершие от болезней, лишений, старости, жившие долго и те, чья жизнь была совсем короткой. Кого-то еще есть кому помянуть, кого-то — уже некому.

Тихо, приглушенно звучат голоса живых, и слышатся голоса тех, кто зарыт в этой земле. Зарыт в таежном краю, вдали от родимых сел, от родных просторов.

Зачем вы от них отказались?
За что же сослали вы их?

Отмахиваясь от лънущих комаров, выбрались из сырой сумеречной чашобы, и вдруг где-то впереди рванулся выше леса черный дым. Густой, жирный, он расползлся над стиснутой лесом еланью, тянулся с яра, нависал тучей над пологим противоположным берегом, и совсем близко, за разделявшим когда-то деревню логом, сквозь теснящиеся клубы дыма яростно прорывались рыжие языки пламени. Захолонуло сердце — неужели через столько лет надо было приехать сюда затем, чтобы увидеть этот неистовый огонь, увидеть, как горит земля? Горела не она — полыхало несколько тонн подоженной вахтовиками ненужной им слитой в котлован нефти. Когда-то тут ясными морозными утрами медленно поднимался сиренево-алый дым из печных труб, летом тянулся, расходясь над рекой, зыбкий дым березовых дров колесного пароходика, который ждали и провожали во всех прибрежных деревнях... Легкий, навсегда улетучившийся дым минувшего. Сейчас на крутояре клубился чадный дым горячей крови этой земли... Сгорела нефть, сникло и угасло обессилевшее пламя, но нехотя расходившаяся туча еще стлалась над еланью и уходящей за поворот рекой. И снова в сторо-

не, словно вечный огонь памяти, одиноко трепетал на ветру газовый факел, да еще долго курилась опаленная, спекшаяся земля. Моя, их, наша...

От Красноярки до Муромки было когда-то меньше часа ходьбы. И сейчас мы тоже пошли туда пешком. Случалось, когда жил я уже в городе, одолеет ночью бессонница, и мысленно иду и иду по этой дороге, припоминая каждый перелесок, каждое поле на том пути... Вот за деревней гать через болотину, по правую руку сверток к крытому почерневшей соломой сараю, дальше узкая полоска поля, мостик через ложок, две слеги, накатник, едет кто-то на телеге — прогромышают колеса, пересчитают тесаные бревешки... На полпути — Пономарева полоса. Выйдешь из осинника на край поля и видишь кроны трех высоких сосен. Не про это ли место на росстани поется в песне: «По Муромской дорожке стояли три сосны»?

Впрочем, зачем сейчас про эту дорогу? Я не о ней и не о Красноярске и Муромке, которых теперь нет, не о тех спецпереселенческих поселках, где тоже все поросло травой забвения, где обвалившиеся ямы, замываемые дождями кирпичи, прогнившие мостики, гати, упавшие кресты... Я не об этом, я о другом — зачем все это было? За что было гонение?

Господи, ну за что же?

Сровнялись с землей могильные холмики возле исчезнувших спецпоселков по берегам таежного Васюгана; не стало поселений, заросли поля и погосты... И кладбище на окраине Нового Васюгана, когда-то именовавшегося Могильным Яром, где похоронены тысячи умерших в 30-х и 40-х годах спецпереселенцев, занято постройками и огородами. Уцелел лишь небольшой поросший сосняком островок земли.

В 1989 году приезжавшие сюда из Эстонии два бывших воспитанника детского дома, матери и братья которых зарыты в васюганской земле, поставили здесь деревянный крест с табличкой: "Memento" ("Помни"). А в 1996 году по инициативе бывших ссыльных на этом скорбном месте установлен небольшой памятник — единственный всем погибшим на Васюгане...

Благому делу содействовали администрации Томской области и Каргасокского района.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВМФ — Военно-морской флот
ГПУ — Государственное политическое управление
ГУЛАГ — Главное управление исполнительно-трудовых лагерей ОГПУ
Запсибкрайком — Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б)
Запсибкрайисполком — Западно-Сибирский краевой Исполнительный комитет
ИТЛ — Исправительно-трудовые лагеря
Крайздрав — краевой отдел здравоохранения
КрайЗУ — краевое земельное управление
крайком — краевой комитет ВКП(б)
крайКК — краевая контрольная комиссия
МГБ — Министерство государственной безопасности
МТС — машино-тракторная станция
МРС — моторо-рыболовецкая станция
Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
НКЗем — Народный комиссариат земледелия
НСО — Новосибирская область
обком — областной комитет ВКП(б)
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР
ОИК, окрисполком — окружной Исполнительный комитет
ОК, окружком — окружной комитет ВКП(б)
ОКР КК — окружная контрольная комиссия
окротдел — окружной отдел
окруправление — окружное управление
ОО — оперативный отдел
ОПО — оперативно-политический отдел УКБ
ОР, ОРО — отдел розыска УМГБ
ОРС — отдел рабочего снабжения
ОТП — отдел трудовых поселений
ОТСП — отдел специальных поселений
ПП — полномочное представительство ОГПУ
РИК — районный Исполнительный комитет
РК, райком — районный комитет ВКП(б)
РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
РОНО — районный отдел народного образования
РУМ — районное управление милиции
Сиблаг — Сибирские лагеря ОГПУ
СПО — специальный отдел УГБ
УВД — Управление внутренних дел
УГБ — Управление государственной безопасности
УКГБ — Управление КГБ (областное, краевое)
УМГБ — Управление МГБ (областное, краевое)
УНКВД — Управление НКВД (областное, краевое)
УНКГБ — Управление НКГБ (областное, краевое)
УО — Учетный отдел

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя (В.Н. Макишев)

5

ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ, КОММЕНТАРИИ

1. Из письма секретаря Томского окружкома ВКП(б) Нусинова и председателя Томского окрисполкома Решикова секретарю Запсибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе и председателю Запсибкрайисполкома Клименко. *7 марта 1930 г.* 15
2. Из постановления Совета Народных Комиссаров СССР. «О хозяйственном устройстве спецпереселенцев в Нарымском крае». *28 декабря 1931 г.* 17
3. Из воспоминаний Ирины Федосеевны Коростелкиной, сосланной в Нарымский округ из Алтайского края в 1930 г. 18
4. Из протокола совещания по вопросам хозяйственного устройства спецпереселенцев в Каргасокском районе. *22—24 марта 1932 г.* 19
5. Из протокола заседания бюро Чаинского РК ВКП(б). «О классовой борьбе в колхозах». *2 августа 1932 г.* 21
6. Из резолюции бюро Чаинского РК ВКП(б). *31 августа 1932 г.* 21
7. Из инструкции Сиблага о распределении урожая и доходов спецпереселенческих неуставных артелей в 1932 г. 22
8. Из информационного письма секретаря Бакчарского РК ВКП(б) Осипова секретарю оргбюро крайкома Беляевских. *16 сентября 1932 г.* 22
9. Из протокола заседания оргбюро крайкома ВКП(б) Нарымского округа. *10 сентября 1932 г.* 24
10. Из резолюции бюро Чаинского РК ВКП(б) по докладу районного коменданта о выполнении решения 12 районной партконференции. *Декабрь 1932 г.* 24

243

11. Из постановления бюро Запсибкрайкома ВКП(б).
<i>15 апреля 1932 г.</i>	25
12. Из протокола заседания бюро Каргасокского РК ВКП(б).
<i>8 ноября 1932 г.</i>	25
13. Из постановления бюро Каргасокского РК ВКП(б).
<i>1 ноября 1932 г.</i>	34
14. Из воспоминаний Марии Федоровны Абраменко, сосланной в Нарымский округ с Украины в 1930 г.	34
15. Из письма политссыльного Ф.И. Голощекина к Б.И. Перельман.
<i>12 ноября 1910 г.</i>	35
16. Из воспоминаний Екатерины Сергеевны Лукиной, сосланной в Нарымский округ из Красноярского края в 1932 г.	36
17. Из письма В.В. Куйбышева к Р.И. Райх. <i>4 августа 1910 г.</i>	37
18. Из протокола внеочередного заседания бюро Александровского РК ВКП(б). <i>13 февраля 1933 г.</i>	38
19. Из резолюции бюро Нарымского окружкома ВКП(б). «О состоянии работы парторганизации и самоочистки колхозов от кулаков». <i>4 марта 1933 г.</i>	39
20. Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б).
<i>22 апреля 1933 г.</i>	39
21. Из памятки Александровского райкома ВКП(б) членам ВКП(б) и уполномоченным куста. «Борьба с кулачеством». <i>Март 1933 г.</i>	39
22. Из протокола заседания бюро Александровского РК ВКП(б). «О результатах обследования нарсуда». <i>11 марта 1933 г.</i>	40
23. Из резолюции второго Пленума Александровского РК ВКП(б).
<i>20 марта 1933 г.</i>	41
24. Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б).
<i>2 марта 1933 г.</i>	41
25. Из протокола заседания бюро Чаинского РК ВКП(б). «О положении в детях на Коломенских Гривах». <i>29 июня 1933 г.</i>	42
26. Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б). «О состоянии больничной помощи в округе». <i>22 ноября 1933 г.</i>	42
27. Из воспоминаний Вениамина Макаровича Курченкова, сосланного в Нарымский округ из Алтайского края в 1931 г.	43

28. Призывы к 1 Мая 1933 г., разосланные в райкомы ВКП(б) 45
29. Из письма Запсибкрайкома ВКП(б) всем окружным, городским и районным комитетам ВКП(б) Западно-Сибирского края. «О недостатках и извращениях по укреплению колхозов». 8 апреля 1933 г. 45
30. Из письма секретаря Запсибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К.И. Левицу. 1 апреля 1933 г. 46
31. Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б). 8 апреля 1933 г. 47
32. Из протокола заседания бюро Чаинского РК ВКП(б). 30 июня 1933 г. 48
33. Из протокола заседания бюро Чаинского РК ВКП(б). 10 июля 1933 г. 48
34. Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б). «О состоянии детских домов Сиблага ОГПУ». 22 октября 1933 г. 49
35. Из письма Краевого земуправления секретарям РК ВКП(б), директорам и начальникам политотделов МТС и совхозов. 21 ноября 1933 г. 50
36. Из протокола заседания бюро Чаинского РК ВКП(б). «О мнимом восстании в Тигинском сельсовете (паника, основанная на кулацких слухах)». 3 августа 1933 г. 51
37. Из письма В.А. Величко И.В. Сталину, секретарю Запсибкрайкома Р.И. Эйхе и секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К.И. Левицу. 22 августа 1933 г. 53
38. Из докладной записки комиссии Запсибкрайкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) Я.Э. Рудзутаку и Запсибкрайком ВКП(б) Р.И. Эйхе. [1933 г.] 58
39. Из доклада участкового коменданта Лизжева о работе участковой комендатуры Сиблага ОГПУ с контингентом спецпереселенцев расселения 1933 г. 11 декабря 1933 г. 66
40. Из письма окружкома ВКП(б) всем райкомам ВКП(б) Нарымского округа. 13 октября 1933 г. 68
41. Из протокола заседания комиссии по «чистке» партии в колхозе «Путь к коммунизму» Кривошеинского района. 7 июля 1934 г. 69

42. Из протокола заседания комиссии по «чистке» партии в колхозе им. Беляевских Кривошеинского района. 8 июля 1934 г. 70
43. Из протокола заседания комиссии по «чистке» партии в колхозе «Третья пятилетка» Кривошеинского района. 11 июля 1934 г. 70
44. Из протокола заседания комиссии по «чистке» партии в колхозе им. Сталина Кривошеинского района. 15 июля 1934 г. 71
45. Из информации в Нарымский окружком ВКП(б) об итогах «чистки» членов и кандидатов партии Каргасокского района. Октябрь 1934 г. 72
46. Из постановления бюро Нарымского окружкома ВКП(б). 2 октября 1934 г. 75
47. Из директивы Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю всем комендатурам УНКВД и секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К.И. Левицу. 2 января 1935 г. 75
48. Из директивного письма заместителя начальника ОТП УНКВД по Западно-Сибирскому краю Анастасенко и начальника 1 отделения Гладышева секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К.И. Левицу. 2 января 1935 г. 76
49. Из докладной записки участкового коменданта Тоинской комендатуры Дуды начальнику ОТП УНКВД по Западно-Сибирскому краю Долгих, начальнику окротдела УНКВД Мартону и секретарю окружкома ВКП(б) К.И. Левицу. 28 января 1935 г. 77
50. Из письма В.В. Куйбышева к Р.И. Райх. 11 сентября 1910 г. 78
51. Из докладной записки начальника Нарымского окротдела НКВД Мартона начальнику СПО УГБ УНКВД по Западно-Сибирскому краю. «О подготовке к весенне-посевной кампании участковых комендатур Нарымского округа в 1935 году». 78
52. Из информации участкового коменданта Тоинской комендатуры Дуды начальнику ОТП УНКВД Долгих, начальнику Нарымского окротдела УНКВД Мартону. «О ходе посевной». 25 мая 1935 г. 79
53. Из «Плана приема 270 семей трудоселенцев, имеющих прибыть в Колпашевскую комендатуру в 1935 г.». 27 мая 1935 г. 80
54. Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б). «О допущении названия а Каргасокском районе колхоза имени Левица». 28 августа 1935 г. 82

55. Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б). «О передовой статье газеты “Советский Север” № 11 от 21 января 1936 года “Двенадцать лет без В.И. Ленина”». 26 января 1936 г. 83
56. Из докладной записки уполномоченного окружкома Ильясова из Чаинского района Нарымскому окружкому ВКП(б). 25 мая 1936 г. 84
57. Из информации Нарымского окружкома ВКП(б) крайкому ВКП(б) о работе председателей колхозов, посланных крайкомом ВКП(б) и крайисполкомом в Нарымский округ. 10 июня 1936 г. 84
58. Из информации уполномоченной окрисполкома Ляминой Нарымскому окружкому ВКП(б). «О состоянии колхоза “Луч Востока” Кривошеинского района». 13 июля 1936 г. 85
59. Из докладной записки начальника Нарымского оперативного отдела НКВД Мартона и начальника СПО УГБ Колесникова начальнику СПО УГБ УНКВД по Западно-Сибирскому краю майору госбезопасности Жабреву, Новосибирск, и секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К.И. Левицу, Колпашево. 23 сентября 1936 г. 86
60. Из справки об итогах партийных собраний в Каргасокском и Александровском районах по обсуждению отчетного доклада Нарымского окружкома ВКП(б). «О классово враждебных проявлениях». 3 октября 1936 г. 88
61. Из информации инструктора окружкома Печенина из Чаинского района в Нарымский окружком ВКП(б). 3 июня 1936 г. 89
62. Из докладной записки начальника окротдела НКВД Мартона и начальника ОПО УГБ Овечкина в Нарымский окружком ВКП(б). «О нарушениях революционной законности в Бакчарском районе». 22 июля 1936 г. 90
63. Из открытого письма колхозников колхоза им. Эйхе Парабельского района секретарю Записбкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе. 18 марта 1936 г. 92
64. Из информации секретаря Парабельского РК ВКП(б) Кулюпанова Нарымскому окружкому ВКП(б). «О состоянии проверки руководящих колхозных кадров по Парабельскому району». 12 февраля 1938 г. 94

65. Из докладной записки заместителя заведующего окружным земельным отделом Эндера Нарымскому окружному ВКП(б), окрисполкому и окпрокурору. *12 января 1938 г.* 95
66. Из докладной записки заместителя заведующего окружным земельным отделом Эндера секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Попову. *Февраль 1938 г.* 96
67. Секретарю Парабельского РК ВКП(б) Кулюпанову. *30 апреля 1941 г.* 98
68. Из письма жителя села Парабель М.М. Желтухина к И.В. Сталину. *23 апреля 1941 г.* 99
69. Из Новосибирского обкома ВКП(б) секретарю Парабельского РК ВКП(б) Кулюпанову. *30 мая 1941 г.* 99
70. Из информации Нарымского окружкома ВКП(б) Новосибирскому обкому ВКП(б). «О работе партийной организации в связи с объявлением войны». *27 июня 1941 г.* 100
71. Из информации № 3 Нарымского окружкома ВКП(б) Новосибирскому обкому ВКП(б). *11 июля 1941 г.* 101
72. Из информации Парбигского РК ВКП(б) Нарымскому окружному ВКП(б). *19 июля 1941 г.* 103
73. Из информации секретаря Шмаковской парторганизации и поселкового коменданта Ярославцева Васюганскому РК ВКП(б) и районному коменданту Смирнову. *28 июня 1941 г.* 103
74. Из докладной записки районного прокурора Вольхина Васюганскому РК ВКП(б). *2 июля 1941 г.* 104
75. Из информации уполномоченного по сенокосу в пос. Черемшанка Гертана Васюганскому РК ВКП(б). *8 июля 1941 г.* 105
76. Из информации уполномоченных В.Д. Глазырина и В.В. Дербенева Васюганскому РК ВКП(б) и райисполкому. *12 июля 1941 г.* 105
77. Из инструкции № 001223 относительно способа проведения депортации антисоветских элементов из Литвы, Латвии и Эстонии 106
78. Из докладной записки Нарымского окружкома ВКП(б) секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) Кулагину. «О приеме и устройстве в Нарымском округе адм. ссыльных». *19 июля 1941 г.* 115

79. Из пятидневных информаций секретаря Парабельского РК ВКП(б) Кулюпанова Нарымскому окружному ВКП(б). «О работе с населением». 2–22 июля 1941 г. 116
80. Из информации Пудинского РК ВКП(б) Нарымскому окружному ВКП(б). 23 июля 1941 г. 118
81. Из информации секретаря Нарымского окружкома ВКП(б) Каштанова секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) Кулагину. 30 июля 1941 г. 120
82. Из информации секретаря Шмаковской парторганизации Васюганскому РК ВКП(б). 31 июля 1941 г. 120
83. Из информации и.о. секретаря Парабельского РК ВКП(б) Новикова Нарымскому окружному ВКП(б). 24 августа 1941 г. 121
84. Докладная записка зав. орготделом Нарымского окружкома ВКП(б) Родикова начальнику окротдела НКВД Островляичику. 30 августа 1941 г. 122
85. Из сборника «Нарымская ссылка (1906–1917 гг.)» 123
86. Из информации уполномоченного из колхоза «Новый путь» Пономарева Васюганскому РК ВКП(б). 4 августа 1941 г. 124
87. Из информации Каргасокского РК ВКП(б) Нарымскому окружному ВКП(б). 8 августа 1941 г. 125
88. Из информации М.В. Гяделова, секретаря Васюганского РК ВКП(б), Новосибирскому обкому ВКП(б) и Нарымскому окружному ВКП(б). «О политико-массовой работе среди населения и о выполнении хозяйственно-политических задач по Васюганскому району». 30 августа 1941 г. 125
89. Из докладной записки секретаря Нарымского окружкома ВКП(б) С. Паршина секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Ужеву. «О состоянии дел в Васюганском районе». 24 августа 1941 г. 126
90. Из информации секретаря Пудинского РК ВКП(б) Тарасенко Нарымскому окружному ВКП(б). «О состоянии работы в Пудинском районе с 5 августа по 15 сентября 1941 г.». 17 сентября 1941 г. 129
91. Из докладной записки секретаря Нарымского окружкома ВКП(б) Ужева начальнику окружного отдела НКВД Плотникову. 27 сентября 1941 г. 131

92. Из докладной записки секретаря Пудинского РК ВКП(б) Тарасенко секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Ужеву.
4 октября 1941 г. 131
93. Из справки секретаря Пудинского РК ВКП(б) Тарасенко, представленной Новосибирскому обкому ВКП(б) и Нарымскому окружкому ВКП(б). «О политико-экономическом состоянии района». *13 июля 1941 г.* 131
94. Письмо в редакцию окружной газеты «Советский Север» из Парбигского района 133
95. Из докладной записки секретаря по пропаганде Нарымского окружкома ВКП(б) Калининой секретарю по кадрам Нарымского окружкома ВКП(б). «О кадрах Парабельского района». *7 октября 1941 г.* 134
96. Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б). «О засоренности классово чуждыми элементами советских и хозяйственных организаций Чаинского района». *20 октября 1941 г.* 135
97. Из решения бюро Нарымского окружкома ВКП(б). *22 августа 1941 г.* 137
98. Из решения бюро Нарымского окружкома ВКП(б). *6 августа 1941 г.* 137
99. Из доклада о пятой годовщине сталинской Конституции на торжественном собрании в г. Колпашево. *5 декабря 1941 г.* 138
100. Из информации заведующего агитколлективом Благодатских Васюганскому РК ВКП(б). «Об агитационно-массовой работе в агитколлективе Тевризского сельсовета». *Декабрь 1941 г.* 138
101. Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б). *11 февраля 1942 г.* 139
102. Из докладной записки председателя колхоза «Идея Ленина» Бирулина первому секретарю Васюганского РК ВКП(б) Грошеву и председателю райсовета Землянскому. *17 марта 1942 г.* 140
103. Из доклада помощника районного коменданта Васюганской комендатуры сержанта Г.Б. Демичева начальнику Васюганского РО НКВД по Новосибирской области сержанту госбезопасности Голоскову. *Копия: секретарю Васюганского РК ВКП(б) Грошеву. 5 марта 1942 г.* 140
104. Из постановления бюро Нарымского окружкома ВКП(б). *14 февраля 1942 г.* 141

105. Из протокола открытого партийного собрания первичной парторганизации НКВД Васюганского района. «Обсуждение приказа нар. комиссара обороны тов. Сталина от 23 февраля 1942 г.».
24 февраля 1942 г. 142
106. Из докладной записки председателя колхоза «КИМ» Жукова Васюганскому РК ВКП(б). *19 марта 1942 г.* 143
107. Из информации уполномоченного по займу пос. Ершовка В. Чупиной Васюганскому РК ВКП(б). *15 апреля 1942 г.* 144
108. Из докладной записки секретаря Нарымского окружкома ВКП(б) Лямина секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Ужеву. «О положении дел в Васюганском районе». *30 апреля 1942 г.* 144
109. Из протокола заседания бюро Васюганского РК ВКП(б).
6 мая 1942 г. 147
110. Из докладной записки секретаря Шмаковской парторганизации, поселкового коменданта Ярославцева Васюганскому РК ВКП(б).
Июнь 1942 г. 148
111. Из воспоминаний Дайны Шмудере-Геркис, сосланной в Васюганский район из Латвии в 1941 г. 149
112. Из информации в Нарымский окружком ВКП(б). «О положении дел в Бакcharском районе». *28 июня 1942 г.* 150
113. Докладная записка уполномоченного из колхоза «Новый путь» Васюганскому РК ВКП(б). *Июль 1942 г.* 151
114. Из информации секретаря Пудинского РК ВКП(б) Тарасенко секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Ужеву.
5 августа 1942 г. 151
115. Из информации парторга колхоза им. Буденного Плосконосова Васюганскому РК ВКП(б). *Июль 1942 г.* 152
116. Из информации парторга колхоза «Красный партизан» Бульгина Васюганскому РК ВКП(б). *Август 1942 г.* 153
117. Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б).
21 декабря 1942 г. 153
118. Информация заведующего агитколлективом Благодатских Васюганскому РК ВКП(б). «О культурно-массовой работе Н.-Тевризской партийно-комсомольской группы». [1942 г.] 154
119. Из воспоминаний Маргит Феллер, сосланной в Васюганский район из Буковины в 1941 г. 154

120. Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б).
13 ноября 1942 г. 155
121. Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б).
7 марта 1943 г. 160
122. Из воспоминаний Дайны Шмудере-Геркис 161
123. Из докладной записки заведующего орготделом Нарымского окружкома ВКП(б) Агашева секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Н.Г. Михайлову. 12 марта 1943 г. 163
124. Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б).
2 апреля 1943 г. 163
125. Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б).
8 июня 1943 г. 164
126. Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б).
5 августа 1943 г. 166
127. Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б).
7 августа 1943 г. 166
128. Из воспоминаний Бируты Мильберг, сосланной в Васюганский район из Латвии в 1941 г. 167
129. Из докладной записки инспектора окрону Чубаровой в Нарымский окружком ВКП(б). «О состоянии Айполовского детского дома». 20 октября 1943 г. 168
130. Из воспоминаний Маргит Феллер 169
131. Из письменного сообщения секретаря Александровского РК ВКП(б) Кузьмина секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Брызгалову. 20 октября 1943 г. 172
132. Из замечаний зам. наркома внутренних дел СССР В. Чернышова к проекту постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б). «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке». Декабрь 1941 г. 173
133. Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б). «О расселении переселенцев-немцев из районов области в районы округа». 14 июля 1942 г. 174
134. Из постановления бюро Нарымского окружкома ВКП(б).
18 ноября 1942 г. 175
135. Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б).
3 августа 1943 г. 175

136. Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б).
«О трудовом использовании и хозяйственном устройстве переселенцев в рыбной промышленности». 20 ноября 1943 г. 176
137. Из спецсообщения начальника Нарымского окротдела НКВД капитана госбезопасности Карташова и начальника отделения ОТСП Нарымского окротдела НКВД Вольнова секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Брызгалову. «О жилищных и бытовых условиях спецпереселенцев-немцев в Кривошеинском и Молчановском районах». 10 января 1944 г. 177
138. Из спецсообщения районного коменданта Колпашевской комендатуры Ухарева Нарымскому окружному ВКП(б).
1 февраля 1944 г. 179
139. Из спецсообщения начальника Нарымского окротдела НКГБ капитана госбезопасности Островянчика секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Брызгалову. 15 марта 1944 г. 179
140. Из спецсообщения начальника Нарымского окротдела НКВД капитана госбезопасности Карташова и начальника отделения ОТСП Нарымского окротдела НКВД Вольнова секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Брызгалову. 31 марта 1944 г. 180
141. Из спецсообщения начальника Нарымского окротдела НКВД капитана госбезопасности Карташова и начальника отделения ОТСП Нарымского окротдела НКВД Вольнова в окротдел НКВД и секретарю Нарымского окружкома ВКП(б). «О трудоустройстве спецпереселенцев, уволенных из рыбной промышленности». 15 апреля 1944 г. 181
142. Секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Брызгалову.
10 мая 1944 г. 182
143. Из справки секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) Кулагина.
«О положении дел в Нарымском округе». [Конец 1943 — начало 1944 г.] 183
144. Из докладной записки начальника управления НКВД по Новосибирской области Петровского в Новосибирский обком ВКП(б).
26 февраля 1944 г. 184
145. Из докладной записки зам. начальника окротдела НКГБ капитана госбезопасности С. Карпова секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) Брызгалову. 25 января 1944 г. 185

146. Из докладной записки помощника районного коменданта Сергеева начальнику Васюганского РО НКВД капитану милиции Семкину. 6 января 1944 г. 186
147. Из воспоминаний Пеепа Варью, сосланного из Эстонии в 1941 г. 187
148. Из личного дела спецпереселенки Эрики Яновны Варью. Начато 8 июня 1941 г. 189
149. Из докладной записки начальника Васюганского РО НКВД капитана милиции Семкина секретарю Васюганского РК ВКП(б) Тропову. 11 января 1944 г. 196
150. Из докладной записки парторга Тевризской парторганизации Никифорова секретарю Васюганского РК ВКП(б) Тропову. 31 января 1944 г. 197
151. Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б). 2 марта 1944 г. 198
152. Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б). 30 апреля 1944 г. 198
153. Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б). 28 мая 1944 г. 199
154. Из протокола заседания бюро Нарымского окружкома ВКП(б). «О работе партийной организации Чаинского района по выполнению обязательств, данных в новогоднем рапорте товарищу Сталину». 16 июня 1944 г. 199
155. Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б). 22 сентября 1944 г. 200
156. Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б). 25 октября 1944 г. 200
157. Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б). 22 декабря 1944 г. 201
158. Из докладной записки в Васюганский РК ВКП(б). «О воспитательной работе в Айполовском детдоме». Январь 1945 г. 202
159. Из воспоминаний Бируты Мильберг 203
160. Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б). 26 января 1945 г. 203
161. Из докладной записки парторга с. Тевриз Никифорова секретарю Васюганского РК ВКП(б). 6 апреля 1945 г. 204

162. Из постановления объединенного заседания Васюганского РК ВКП(б) и исполкома райсовета. 11 мая 1945 г.	205
163. Из докладной записки поселкового коменданта Грабцевской спецкомендатуры Чупина секретарю Васюганского РК ВКП(б). 3 июня 1945 г.	205
164. Из протокола заседания Васюганского РК ВКП(б). 20 июня 1945 г.	206
165. Из воспоминаний Ауне Круземент, сосланной из Эстонии в 1941 г.	208
Вместо послесловия (В.Н. Макшеев)	212
Список сокращений	242

Редактор *Т. В. Есина*
Оформление *Л. В. Петрашиной*
Корректор *И. В. Леонтьева*
Технический редактор *Е. В. Антонова*

ЛР № 040399
Формат 60x90/16. Тираж 2000 экз. Заказ № 4717

СП «Русский путь»
109004, Москва, Нижняя Радищевская, д. 2, стр. 1
Тел. (095) 915-10-47

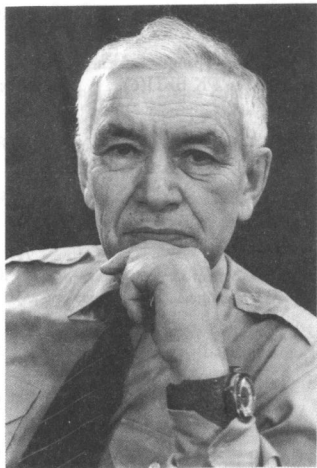
АО Типография «Новости»
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 46

ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ МАКШЕЕВ

родился в 1926 году в Ленинграде. Разделил судьбу тех, о ком эта книга.

В 1941 году родители переехали в Эстонию. В июне того же года семья была репрессирована. Отец вскоре погиб в концлагере на Северном Урале, мать и четырехлетняя сестренка умерли от голода в Нарымской ссылке в 1942 году.

С 1941 по 1954 год В.Н. Макшеев состоял на учете в комендатуре Нарымского округа как спецпереселенец. Рано начал трудовой путь. Был учеником счетово-

да на рыбозаводе, более двадцати лет проработал в колхозе сначала счетоводом, потом бухгалтером. Стал писать рассказы. Первые публикации появились в конце 60-х. Вся последующая деятельность связана с журналистским и литературным трудом. Работал много лет в газете Кargasокского района "Северная правда", межрайонной газете "Советский Север", в Томской областной газете "Красное знамя". Печатался в центральных и региональных журналах. Автор нескольких книг. Член Союза писателей РСФСР с 1977 года.

Настоящее издание осуществлено издательством "Русский путь" (российским филиалом УМСА-Press) под эгидой Русского Общественного Фонда Александра Солженицына.